

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 4 (74) 2023

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» – ПН574
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
109029, Москва, Нижегородская ул., д. 32, стр. 16, каб. 1010
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

5.1.1. 5.1.2. 5.1.3. 5.1.4. 5.2.3. 5.2.4. 5.2.6.

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
Трибуна молодого ученого

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии ООО «Сам Полиграфист»,
тел. 8 (495) 545-37-10

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 22.
Печать цифровая. Заказ № 74 от 11.01.2024 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

5.2. Экономика

Лебедев Никита Андреевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, заведующий кафедрой экономики и цифровых технологий в аграрно-промышленном комплексе Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почётный работник науки и техники Российской Федерации;

Макаров Иван Николаевич, доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор кафедры менеджмента и общегуманитарные дисциплины Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), профессор кафедры экономика и финансы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал);

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почётный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

5.1. Право

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Волков Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры Государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, член Российской академии естественных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ткачев Валентин Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, почётный работник образования города Москвы, заслуженный юрист Российской Федерации;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (город Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почётный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж), руководитель исторического факультета Кембриджского университета;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почётный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Кембриджского университета;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, город Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Скареднова Оксана Леонидовна, Ph.D. по финансам (доктор философии) университета York (США), аудитор (аттестат Центральной аттестационно-лицензионной аудиторской комиссии Министерства финансов РФ), член совета директоров АО Национальный банк сбережений (город Иваново), член совета кредитно-страховых организаций при Правительстве Ивановской области;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Информационная безопасность Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Базылев Владимир Николаевич,

НЕДОСТОВЕРНОЕ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
ПРОБЛЕМА ОБНАРУЖЕНИЯ ПРИЗНАКОВ

Vladimir N. Bazylev,

UNRELIABLE OR VALID AS A SUBJECT OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: THE PROBLEM
OF DETECTING SIGNS.....6

Кондратюк Сергей Викторович,

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: УРОВНИ, ОРИЕНТИРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Sergey V. Kondratyuk,

ANTI-CRIMINAL POLICY OF THE STATE: LEVELS, GUIDELINES, PROSPECTS..... 13

Макутчев Александр Валерьевич,

ФЕДЕРАЦИЯ ЭФИОПИИ И ЭРИТРЕИ В 1952-1962 ГОДАХ: УРОКИ НАВЯЗАННОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Aleksandr V. Makutchev,

THE FEDERATION OF ETHIOPIA AND ERITHREA (1952-1962): LESSONS FROM IMPOSED FEDERALISM..... 20

Олейник Сергей Александрович,

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Sergey A. Oleynik,

ON THE QUESTION OF SIGNIFICANCE TRANSACTIONS IN MODERN CIVIL LAW..... 27

Румянцев Михаил Борисович, Милов Павел Олегович,

ГРАНИЦЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Mikhail B. Rumyantsev, Pavel O. Milov,

THE BOUNDARIES OF SELF-REGULATION OF PUBLIC RELATIONS
AND STATE LEGAL REGULATION 32

Тарасов Евгений Александрович,

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА С ВЕЛОСИПЕДОМ

Evgeny A. Tarasov,

SIMULATION OF A COLLISION BETWEEN A VEHICLE AND A BICYCLE 38

Терещенко Александр Геннадьевич,

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СО СТОРОНЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Alexander G. Tereshchenko,

MODERN FEATURES OF THE LEGISLATIVE REGULATION

OF DEBT OBLIGATIONS ON THE PART OF LEGAL ENTITIES 45

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Буркина Татьяна Александровна,

“SCIENTIFIC AND INDUSTRIAL COOPERATION” CONCEPT

Tatyana A. Burkina,

КОНЦЕПЦИЯ “НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА” 53

Васецкая Елена Сергеевна, ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	
Elena S. Vasetskaya, HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF HUMAN CAPITAL	58
Джаксбаева Ольга Владимировна, Клейменова Татьяна Николаевна, ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ	
Olga V. Dzhaksbaeva, Tatiana N. Kleimenova, PROBLEMS OF PERSONNEL POLICY IN CUSTOMS AUTHORITIES	62
Жукова Яна Станиславовна, УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИЧИНА НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
Yana S. Zhukova, THREATS TO ECONOMIC SECURITY AS A REASON FOR THE LOW EFFICIENCY OF TRANSPORT SECURITY UNITS	67
Костюченко Сергей Борисович, ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ	
Sergey B. Kostyuchenko, DIGITALIZATION OF STRATEGIC MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE	73
Лисова Екатерина Валерьевна, СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОМПАНИИ НА РЕГИ- ОНАЛЬНОМ РЫНКЕ	
Ekaterina V. Lisova, SYNERGETIC EFFECT AS A WAY TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF THE COMPANY IN THE REGIONAL MARKET	78
Лунева Елена Андреевна, ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	
Elena A. Luneva, ECONOMIC AND SOCIAL APPROACH TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION	82
Назаров Андрей Валерьевич, Шурупов Алексей Сергеевич, РОССИЙСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	
Andrey V. Nazarov, Alexey S. Shurupov, RUSSIAN MACHINE-BUILDING COMPLEX IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION	86
Пономаренко Виталий Валериевич, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА» В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	
Vitalii V. Ponomarenko, THEORETICAL FOUNDATIONS AND ECONOMIC CONTENT OF THE CONCEPT OF "TRANSPORT INFRASTRUCTURE" IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE.....	92
Самсонова Светлана Николаевна, АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ	
Svetlana N. Samsonova, ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF INDICATORS FOR ACHIEVING THE LEVEL OF FOOD SECURITY OF THE COUNTRY	98

Хайрутдинов Антон Тофикович,

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ
В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Anton T. Khairutdinov,

ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF HOUSEHOLD INVESTMENT ACTIVITY
IN THE RUSSIAN ECONOMY

106

Чумак Павел Вадимович,

ОТВЕТСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: РОЛЬ ИННОВАЦИЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Pavel V. Chumak,

RESPONSIBLE MANAGEMENT OF AN ORGANIZATION IN THE TRANSITION TO CARBON NEUTRALITY:
THE ROLE OF INNOVATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES.....

113

Трибуна молодого ученого

Данилов Дмитрий Александрович,

РАЗНОВИДНОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПАРАЛЛЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ БИЗНЕСА

Dmitry A. Danilov,

VARIETIES OF UNCERTAINTY IN PARALLEL STRATEGIC POSITIONING OF THE BUSINESS.....

117

Лайтер Андрей Владимирович,

РАЗБЮРОКРАТИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Andrey V. Laiter,

THE DE-BUREAUCRATIZATION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE MOST IMPORTANT
COMPONENT OF BUILDING A RULE-OF-LAW STATE IN RUSSIA.....

123

Базылев Владимир Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик Петровской академии наук и искусств, главный эксперт Московского исследовательского центра Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции Правительства Москвы; главный эксперт Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН»; профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, Москва,
v-bazylev@inbox.ru

НЕДОСТОВЕРНОЕ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМА ОБНАРУЖЕНИЯ ПРИЗНАКОВ

Аннотация. В статье анализируются проблемы судебной экспертной практики, связанные с таксономией признаков недостоверной информации. Актуальность проблематики в целом связана с ведущейся сегодня против РФ информационно-психологической войной. В частности, проблема связана с недостаточной проработанностью методики выявления недостоверной информации в составе многих противоправных деяний. Анализируются имеющиеся методические подходы, предложенные различными государственными и негосударственными ведомствами: Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции России (РФЦСЭ), Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Воронежской ассоциацией лингвистов-экспертов, а также отдельными специалистами в области экспертологии. Предлагается к рассмотрению экспертным сообществом методика количественного измерения степени вымышленности текста с использованием имеющегося в открытом доступе программного обеспечения, которая применяет градуальный эталон фикциональности текста.

Ключевые слова: судебная экспертиза, продукт речевой деятельности, лингвистика, недостоверная информация, градуальный эталон.

Vladimir N. Bazylev,

Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Corresponding member of the RANS, Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Chief Expert of the Moscow Research Center Department of Regional Security and Anti-Corruption of the Government of Moscow; Chief Expert of the Laboratory of Expert Research and Situational Analysis "LEKSAN"; Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of Business Career, Moscow,
v-bazylev@inbox.ru

UNRELIABLE OR VALID AS A SUBJECT OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: THE PROBLEM OF DETECTING SIGNS

Abstract. The article analyzes the problems of forensic expert practice related to the taxonomy of signs of unreliable information. The relevance of the problem as a whole is connected with the information and psychological war being waged against the Russian Federation today. In particular, the problem is related to the lack of elaboration of the methodology for identifying false information as part of many illegal acts. The available methodological approaches proposed by various state and non-state agencies are analyzed: the Russian Federation Council, the Moscow State University, the Voronezh Association of Linguists-Experts, as well as individual experts in the field of expert studies. It is proposed for consideration by the expert community a method of quantitative measurement of the degree of fictionality of the text using publicly available software, which applies a graded standard of fictionality of the text.

Keywords: forensic examination, product of speech activity, linguistics, false information, graded standard.

Современные масс-медиа предлагают адресату-потребителю практически неограниченный объем информации. Объективная, соответствующая действительности информация соседствует с недостоверной. Это происходит сознательно или по «недосмотру» редакции, которая решила сэкономить на фактчекинге. Но это может быть и дезинформация, публикуемая с целью ввести адресата в заблуждение.

Актуальность проблемы – выявление недостоверной информации в процессе судебной лингвистической экспертизы, в целом связана с ведущейся сегодня против РФ информационно-психологической войной. По словам лингвистов, изучающих в последнее время это социальное и языковое явления, «эта война – противоборство сторон, которое возникает из-за конфликтов интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного воздействия с помощью языковых средств на сознание противника для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также путем применения мер информационно-психологической защиты от такого воздействия с противоположной стороны» [6, с. 13].

В частности, проблема связана с недостаточной проработанностью методики выявления недостоверной информации в составе многих противоправных деяний. Последнее имеет значение для теории и практики судебной лингвистической экспертизы, перед которой правоохранительными органами ставится задача выявления значимых доказательственных признаков.

В свою очередь, появление и распространение недостоверной информации в масс-медиа уже вошло в противоречие с серией документов, регламентирующих жизнедеятельность, в первую очередь духовную и интеллектуальную, российского общества. В Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы в качестве одного из приоритетов, реализация которых способствует обеспечению национальных интересов при развитии информационного общества, указано на формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества, получение качественных и достоверных сведений. При этом развитие информационной инфраструктуры РФ осуществляется, в том числе, для недопущения подмены, искажения, блокирования, удаления, снятия с каналов связи и иных манипуляций с информацией [15].

Приоритетным и стратегически важным направлением в обеспечении национальной безопасности РФ в этой связи считается информационная безопасность. Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз [3]. Это нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года. В числе националь-

ных интересов в документе указываются развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия [14].

В свете вышесказанного одной из задач ответственного юридического сообщества сегодня является разработка теоретических и прикладных основ соответствующей правоприменительной деятельности. В ее структуре важное место занимает экспертология, которая исследует продукты речевой деятельности. Целью исследования при этом является помощь следствию в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств.

В юридической составляющей нашего исследования остановимся на том, как сегодня правоохранительная система реагирует на недостоверную информацию. Не раскрывая детально содержания, так как это не цель нашего исследования, а необходимый бэкграунд, «пунктирно» перечислим то, с чем правоохранительные органы уже имеют дело.

В марте 2019 года вступили в силу поправки, внесенные Федеральным законом от 18.03.2019 № 31-ФЗ в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В данном случае предусмотрена административная ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений. 1 апреля 2020 года был принят Федеральный закон № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», а также Федеральный закон № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Данным законом статья 13.15 КоАП РФ была дополнена частями 10.1. и 10.2. Она также устанавливала административную ответственность за распространение заведомо недостоверной информации. Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ установлена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (статья 207.1 УК РФ), а также за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207.2 УК РФ). Частью 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлен запрет на распространение информации и предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Таковы актуальные фрагменты законодательства, которые побуждают следствие все чаще обращаться к экспертам в области исследования продуктов речевой деятельности. Но спектр проблем, под-

падающих под деятельность эксперта названного профиля, гораздо обширнее.

Помимо уже названных выше статей 13.15 КоАП РФ, 207.1 и 207.2 УК РФ, посвященных составу противоправных деяний, в практике эксперта имеются события и факты, о которых идет речь в ст. 20.3.3 КоАП РФ. То же касается ст. 13.48 КоАП РФ, которая, несмотря на отсутствие в диспозиции нормы указания на распространение ложных сведений, подразумевает запрет искажения исторической действительности в части обстоятельств противостояния СССР нацистской Германии и участия во Второй мировой войне.

Тем самым, правовое обеспечение противодействия распространению недостоверной информации выстраивает систему оперативного пресечения такого распространения, в том числе с реализацией полномочий Роскомнадзора. Здесь следует указать на ст. 15.3; 15.1; 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Этим, однако, события и факты, как бы ни были они актуальны, попадающие в поле зрения эксперта, не ограничиваются. Дело в том, что недостоверная информация присутствует в делах о распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 5.61.1 КоАП РФ), в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), в делах о клевете (ст. 128.1 УК РФ).

Указание на наличие заведомо ложных сведений содержится также в следующей серии статей: в ст. 140 УК РФ – отказ в предоставлении гражданину информации; в ст. 159.1 и 159.2. УК РФ – мошенничество <...> предоставление банку или кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. А также в ст. 170.1 и 170.2 УК РФ; ст. 176 УК РФ, ст. 185. 1 и 185.3 УК РФ; ст. 197 УК РФ, ст. 198 УК РФ, ст. 199 УК РФ, ст. 200.6 УК РФ, ст. 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ; ст. 217.2 УК РФ, ст. 287 УК РФ, ст. 292 УК РФ. Во всех случаях речь идет о предоставлении заведомо ложных (недостоверных) сведений. Отдельно стоит указать на ст. 306 УК РФ – заведомо ложный донос, и ст. 354.1. УК РФ – реабилитация нацизма. Нельзя обойти вниманием и статью, имеющую непосредственное отношение к деятельности самого эксперта: ст. 307 УК РФ – заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

Сложившаяся объективная ситуация, с одной стороны, вызвала вполне объяснимый «всплеск» соответствующих уголовных и административных дел, которые из-за относительной новизны вынудили следствие прибегать во многих случаях к помощи экспертов. К сожалению, в этой ситуации вновь вскрылось очередное противоречие между желаемым и действительным.

Так, в Методическом письме Министерства юстиции Российской Федерации «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации» прямо указано: «В компетенцию эксперта не входит юридическая (правовая) квалификация действий, установление вины и ее форм (умысел или неосторожность, вид умысла), мотивов деяния. Так, за пределы специальных знаний эксперта-лингвиста выходят решение вопросов, связанных с установлением заведомо ложной информации, квалификации информации как фейка, выявление признаков фейковой информации, а также проверка информации на соответствие действительности» [8, с. 4]. Там же четко прописано, что «в компетенцию эксперта-лингвиста входит установление того, допускает ли способ подачи информации ее проверку на соответствие действительности, то есть подается ли информация в виде утверждения о фактах и событиях (что подлежит проверке на соответствие действительности) либо в виде мнения. Юридически значимыми являются высказывания, в которых информация выражена в виде утверждения о фактах и событиях, поскольку только такой способ подачи информации позволит правоприменителю установить ее ложность либо достоверность» [8, с. 6]. Юридическое значение в данном случае имеет вопрос в следующей типовой формулировке: «Содержится ли в тексте информация о <...>, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?». Формулировка вопроса конкретизируется за счет подстановки на место пропуска предмета речи, то есть предмет речи определяется правоприменителем, ставящим перед экспертом вопрос, предполагаемый диспозицией соответствующей статьи УК или КоАП РФ. Задача эксперта – на основе имеющейся методики установить наличие/отсутствие формы утверждения [11, с. 109-126].

К сожалению, далее в методике наблюдается логический сбой. То есть говорится об установлении наличия/отсутствия формы – формы утверждения. Форма имеет признаки, то есть она идентифицируется по наличию/отсутствию признаков. Признаками считаются материально выраженные значения. Но в отношении языкового знака это неверно. Знак состоит из формы и значения. Это сущность двусторонняя. Форма имеет свои признаки, значение имеет свои признаки. Однако вместо выявления признаков формы и содержания, авторы методики предлагают эксперту выделять компоненты значения в утверждении как форме – объективная семантика предложения (диктумная семантика) и субъективная семантика предложения (модусная семантика). Оставляя без разъяснения, почему выделяются только два компонента, а не все. Кроме того, с точки зрения формаль-

ной логики языка, названное – компонентами не является. Первое – это тип. Второе – это категория [4]. Вместо материального выражения вторым этапом исследования предлагается выделить признаки значения, то есть признаки признака. Наконец, на третьем этапе алгоритма исследования предлагается обратить внимание на языковые средства выражения. При этом не специфицируется – выражением чего: признака или признака признака, семантики диктумной и модусной или признака значения.

Признаки подменяются эксплицитными способами выражения значения, данными по А.Н. Баранову: глаголы действия (акциональные предикаты) в форме настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения. Или имплицитными способами выражения: пресуппозиции, обязательные следствия и др. [1, с. 40-55].

Как видим, показатели недостоверности информации, то есть признаки утверждения о фактах, в методике отсутствуют. Все сказанное представляет собой не столько критику «методики», сколько свидетельствует о сложности тех задач, которые встают перед экспертом, исследующим продукты речевой деятельности. Специалисты МГЮА имени О.Е. Кутафина справедливо отмечают, «что трудности в детектировании фейкинга как речевого действия заключаются в том, что заведомо ложное сообщение подается под видом достоверных сведений в форме утверждения о фактах или событиях, оформляемого с помощью соответствующих языковых средств <...> при этом утверждение о факте какого-то события или обстоятельства, положения дел в случае фэйковой новости может быть как эксплицитным, так и имплицитным <...> так, например, недостоверная информация, подаваемая под видом достоверного сообщения, может быть представлена в форме пресуппозиции, скрытого утверждения, намек или оценочного суждения» [16, с. 81].

Исследование продуктов речевой деятельности в судебной экспертизе по умолчанию ориентируется на таксономию, описание и интерпретацию признаков, значимых для уликовой парадигмы, в которой работает экспертология в целом [12, с. 47-48]. К сожалению, пока что эксперт сталкивается с совершенно различной таксономией признаков, выделенных по разным логическим основаниям, которые присутствуют в методических рекомендациях, подготовленных специалистами различных ведомственных структур. Обратимся к сравнению имеющихся в распоряжении эксперта методических рекомендаций. Не в полном объеме за недостаточностью места, а исключительно в иллюстративных целях.

Так, РФЦСЭ предлагает, как мы проанализировали выше, в качестве «признаков» недостоверной информации рассматривать глаголы действия

(акциональные предикаты) в форме настоящего или прошедшего времени изъявительного наклонения, пресуппозиции, обязательные следствия. Языковые средства со значением уверенности говорящего (*точно, безусловно, конечно, без сомнения*), языковые средства с семантикой знания: уверения в достоверности утверждения (*это факт, это правда, я знаю точно, что...*), заверения о наличии фактов (*у меня есть факты, я могу доказать это фактами*), ссылки на всеобщее знание (*все знают, всем известно*), верификаторы, обозначающие факт получения знания (*оказалось, выяснилось, подтвердилось, обнаружилось, было установлено, доказано, узнал, видел, слышал и т. п.*) [11, с. 109 сл.].

Специалисты МГЮА, которые предпочитают говорить не о признаках, а об индикаторах, перечисляют следующие: «распространение в медиапространстве, преимущественно в социальных сетях, содержит остро актуальную для целевой аудитории, для множества людей информацию, которая важна именно в данный момент; текст строится по канонам журналистской новости (главное – в начале материала, потом по убыванию); цитирование третьей стороны без указания источника цитаты, имени и должности автора цитаты <...>» [16, с. 81 сл.].

Воронежская ассоциация лингвистов-экспертов рекомендует при производстве экспертизы использовать термин «маркер». При этом предлагается использовать при установлении недостоверной информации следующие маркеры: «содержит информацию, вызывающую сильные эмоции: испуг, страх, возмущение и т. п.; экстраполяция утверждения на геополитическую ситуацию; отсутствие подтверждения или опровержения информации официальными лицами <...>» [13, стр. 8 сл.].

Наконец, отдельные достаточно авторитетные криминалисты (например Е.И. Галяшина) считают, что эксперт имеет дело со свойствами продукта речевой деятельности. В качестве свойств, подлежащих установлению, предлагается выявлять следующие: «привлекающие внимание читателя «броские», «яркие», эмоциональные заголовки (содержат много заглавных букв или восклицательных знаков) с указанием на сенсационность содержания, чаще негативного; использование языка образов (тропы и фигуры речи): метафор, сравнений; псевдонаучных терминов; средств художественной выразительности; плана (заголовков или анонс содержат интригу, которая должна задержать внимание читателей или вызывать панику); небрежность текстового оформления, наличие стилистических, грамматических и иных языковых ошибок; абсурдность подачи <...>» [2, с. 29 сл.].

Фиксируемый в ходе нашего аналитического исследования «методик» разноречивой в попытках создать алгоритм работы эксперта связан, на наш взгляд

с тем, что, как указывает на это С.Н. Нефедов, «специалисты не пришли к стандартизации в судебно-экспертной деятельности в плане судебной лингвистической экспертизы, то есть не имеют адекватного методического обеспечения, неотъемлемыми элементами которого выступают терминология и требования к методике» [9, с. 61]. Он же считает, с чем мы полностью согласны, что «представляется целесообразным стандартизировать достаточно общую структуру, без детализации пошаговой процедуры, т. к. эти шаги (алгоритм) зависят от решаемой задачи <...>» [9, с. 68].

Исходя из этого, мы предлагаем, во-первых, терминологически разграничить для специалиста понятие «правдивость», понимаемое как соответствие реальной действительности и предполагающее возможность верифицируемости информации, и понятие «правдоподобие», когда текстовая информация может быть представлена как правдивая, но при этом являться нерелевантной действительности, правдоподобной только по своей лингвистическо-стилистической форме. В таком случае речь идет об эффекте правдоподобия, «псевдодокументальности»: в тексте используются стилистические средства, характерные для информативных, верифицируемых текстов, но их прагматическая направленность заключается не в донесении информации, а в создании для читателя эффекта иллюзии правды. При этом языковые средства, обычно выполняющие информативную, прагматическую функции языка, применяются в эстетической и эмотивной функциях.

Далее, правдоподобие текста предлагается понимать как уникальную системную взаимосвязь элементов реальности и вымысла, в которой соблюдается баланс вероятного и невероятного, отталкивающийся от трех тезисов, предложенных А.Е. Маховым: универсальная модель в отличие от случайного; должное в отличие от существующего в реальности, но лишенного обязательности; то, что согласуется с общим мнением, в противоположность тому, что не может быть принято на веру» [7, с. 15-18]. При этом статусы «вероятного-невероятного»/«правдоподобного», по наблюдению Е.В. Золотухиной-Аболиной, «формируются на коллективном уровне и затем проецируются на индивидуальное сознание реципиента текста» [5, с. 151].

Мы считаем, что в судебной лингвистической экспертизе необходимо использовать исключительно количественные индикаторы измерения их правдоподобности текста [10, с. 66]. Как представляется, индикаторами измерения правдоподобия могут быть стилистические приемы, то есть формально языковые и системно-структурные, стереотипно воспринимаемые адресатом как признаки правды или вымысла.

На этом основании существует возможность измерения степени вымышленности текста, что по-

зволяет говорить о применении компонентного анализа и создания градуального эталона фикциональности текста, а также о принципиальной возможности выявления языковых приемов создания эффекта «правды» и «вымысла» в тексте, баланс которых и делает его более или менее «правдоподобным» на градуальной шкале. На предлагаемой шкале с одной стороны находится правдивый документальный текст, то есть речевой акт, в котором актуализированы прагматические функции коммуникации, соотносящие его с явлениями действительности, и доминирует информативная функция языка. Вымысел в таком тексте может быть представлен в форме абстрактных понятий и/или предполагаемых действий. В целом здесь больше подходит термин «результат мышления», чем «вымысел», слишком близкий к понятиям «воображение» и «фантазия».

Саму методику анализа можно представить в виде шкалы, демонстрирующей характеристики типов фикционального и нефикционального текстов как ее градуальных полюсов, между которыми будет находиться все множество текстов, характеризующихся как достоверные, правдивые, документальные, правдоподобные, псевдодокументальные, вымышленные, ложные и другими возможными определениями.

Так, правдоподобные (нефикциональные) тексты характеризуются такими количественными признаками, как:

- превалирование информативной функции языка; эстетическая и экспрессивная функции языка вторичны и могут не приниматься во внимание в процессе чтения (восприятия);
- соотнесенность с действительностью, то есть с экстралингвистической ситуацией;
- возможность верификации (здесь в качестве инструмента используется программное обеспечение, дающее доступ и обеспечивающее процедуру идентификации на больших базах данных).

Неправдоподобные (фикциональные) тексты характеризуются такими количественными признаками, как:

- доминирование эстетической и экспрессивной функции языка (это позволяет установить, например, такое программное обеспечение как Voyant Tool);
- мнимость речевых актов (конститутивно-кондиционный режим литературности, то есть индивидуальный авторский стиль, слог, интенция);
- лингвистическо-стилистические приемы, эксплицирующие для адресата тему текста, содержание текста, заданные цели чтения текста, рему, дискурс и установку на понимание текста.

Переходную грань от документального верифицируемого текста к произведению, читаемому в режиме «отказа от недоверия», можно выявить и обо-

значить, отталкиваясь от доминирующей функции языка в тексте, определяемой авторской позицией. Если превалирует информативная функция, то текст находится в поле верифицируемой информации. Если доминирует эстетическая функция, то текст находится в поле недоверности восприятия.

Примером могут служить газетные «утки», фейковые новости или так называемые альтернативные факты, создаваемые в дискурсе новостных масс-медиа с помощью приемов газетного функционального стиля. В таких случаях происходит мимикрия недостоверного текста в языковой формат информационных сообщений. Например: «Пашинян заявил, что не подписывал указ о вводе войск ОДКБ в Казахстан», – гласит заголовок новостной статьи, при этом указанные референты существуют в реальности, но взаимосвязь их действий реализована только в синтаксисе заголовка и является продуктом языкового творчества.

В заключение подчеркнем, что текст, представляющий собой недостоверную информацию (фиктивный текст, фейк), – это инструмент выстраивания

элементов действительности, инструмент дезинформации, парафраз реальности. Правдоподобие в данном случае обеспечивается за счет стилистических (формально языковых) средств, которые подлежат количественному (статистическому) анализу, и представляют собой системно-структурное заимствование из числа характерных для информационно-прагматического типа текста. В документальном (соответствующем действительности), нефикциональном тексте используются исключительно языковые средства, необходимые как инструмент обобщения, выстраивания фактуальной информации в общую верифицируемую картину мира. Разумеется, они могут быть использованы в определенной, но не главной мере, для привлечения внимания и мотивации адресата. В обоих случаях правдоподобие обеспечивается лингвистическими приемами информативно-прагматических жанров, но в разном количественном соотношении. Тем самым, модус прочтения текста уже задан автором в структуре текста, хотя и воспринимается адресатом в зависимости от предшествующего опыта чтения.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта, 2007. – 592 с.
2. Галяшина Е.И. Феномен «фейка» в аспекте судебной лингвистической экспертизы // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: МГЮА, 2019. – С. 26-31.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
4. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис: Словарь-справочник. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 420 с.
5. Золотухина-Аболина Е.В. Проблема вымысла // Epistemology & Philosophy of Science. – 2010. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article-problema-vynysla> (дата обращения: 05.10.2023).
6. Лингвистика информационно-психологической войны / А.А. Бернацкая, Ю.А. Горностаева, И.В. Евсеева [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – 344 с.
7. Махов А.Е. Категория правдоподобия // Studia Litterarum. – 2020. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/kategoriya-pravdopodobiya> (дата обращения: 03.10.2023).
8. Методическое письмо «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации» ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. [Электронный ресурс]. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostyax-sudebnyx-lingvisticheskix-ekspertiz-informacionnykh-materialov-svyazannykh-s-publichnym-rasprostraneniem-pod-vidom-dostovernyx-soobshhenij-zavedomo-lozhnoj-nedostovernoy-informaczii/ (дата обращения: 13.10.2023).
9. Нефедов С.Н. Стандартизация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – № 1. – С. 61-72.
10. Огурцов А.П. Альтернатива истине: смысл или правдоподобие // Epistemology & Philosophy of Science. – 2009. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alternativa-istine-smysl-ili-priivdopodobie> (дата обращения: 05.10.2023).
11. Плотникова А.М., Кузнецов В.О. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. – М.: РФЦСЭ, 2018. – 140 с.
12. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2016. – 320 с.
13. Стернин И.А., Шестернина А.М. Маркеры фейка в медиатекстах. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 34 с.
14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч.2). – Ст. 5351.
15. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2023 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901. – Пп. 22, 28.

16. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие / Галашина Е.И. Никишин В.Д., Богатырев К.М., Пфейфер Е.Г. – М.: Блок-Принт, 2023. – 144 с.

References

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta. – М.: Flinta, 2007. – 592 s.
2. Galjashina E.I. Fenomen «fejka» v aspekte sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy // Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoj jekspertizy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – М.: MGJuA, 2019. – S. 26-31.
3. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 № 646 // SZ RF. – 2016.- № 50. – St. 7074.
4. Zherebilo T.V. Terminy i ponjatija lingvistiki: Sintaksis: Slovar'-spravochnik. — Nazran': ООО «Pilgrim», 2011. – 420 s.
5. Zolotuhina-Abolina E.V. Problema vymysla // Epistemology & Philosophy of Science. – 2010. – № 1. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article-problema-vynysla> (data obrashhenija: 05.10.2023).
6. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny / A.A. Bernackaja, Ju.A. Gornostaeva, I.V. Evseeva [i dr.]; pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. – Krasnojarsk: Sib. feder. un-t, 2020. – 344 s.
7. Mahov A.E. Kategorija pravdopodobija // Studia Litterarum. – 2020. – № 2. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/kategoriya-pravdopodobiya> (data obrashhenija: 03.10.2023).
8. Metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostjah sudebnyh lingvisticheskix jekspertiz informacionnyh materialov, svyazannyh s publicnym rasprostraneniem pod vidom dostovernyh soobshhenij zavedomo lozhnoj (nedostovernoy) informacii». [Elektronnyj resurs]. URL: https://ceur.ru/library/docs/departamental_regulations/metodicheskoe-pismo-ob-osobennostyah-sudebnyh-lingvisticheskix-ekspertiz-informacionnyh-materialov-svyazannyh-s-publicnym-rasprostraneniem-pod-vidom-dostovernyh-soobshhenij-zavedomo-lozhnoj-nedostovernoy-informacii/ (data obrashhenija: 13.10.2023).
9. Nefedov S.N. Standartizacija metodicheskogo obespechenija sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj jekspertizy. – 2016. – № 1. – S. 61-72.
10. Ogurcov A.P. Al'ternativa istine: smysl ili pravdopodobie// Epistemology & Philosophy of Science. – 2009. – № 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyber1eninka.ru/article/n/alternativa-istine-smysl-ili-priivdopodobie> (data obrashhenija: 05.10.2023).
11. Plotnikova A.M., Kuznecov V.O. Semanticheskie issledovaniya v sudebnoj lingvisticheskoy jekspertize.- М.: RFCSJe, 2018. – 140 s.
12. Rossinskaja E.R., Galjashina E.I., Zinin A.M. Teorija sudebnoj jekspertizy (Sudebnaja jekspertologija)/ Pod red. E.R. Rossinskoy. – М.: Norma, 2016. – 320 s.
13. Sternin I.A., Shesternina A.M. Markery fejka v mediateksth. – Voronezh: ООО «RITM», 2020. – 34 s.
14. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»// SZ RF. – 2021.- № 27 (ch.2). – St. 5351.
15. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2023 gody»// SZ RF. – 2017. – № 20. – St. 2901. – Pp. 22, 28.
16. Fejkovizacija kak sredstvo informacionnoj vojny v internet-medija: nauchno-prakticheskoe posobie / Galjashina E.I. Nikishin V.D., Bogatyrev K.M., Pfejfer E.G. – М.: Блок-Принт, 2023. – 144 s.

Кондратюк Сергей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Университета прокуратуры
Российской Федерации, Луганский юридический институт (филиал), город Луганск,
kondratyuk.serzh@mail.ru

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: УРОВНИ, ОРИЕНТИРЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Исследована проблема антикриминальной безопасности общества и государства. Антикриминальная безопасность рассматривается как элемент Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Угрозой обществу названа преступность в ее организованных формах, приобретающая экстремистское содержание, сращивающаяся с коррумпированным госуправлением. Актуализировано системное противодействие преступности, которое приобретает научную базу юридических и других наук: криминологии, социологии, политологии. Благодаря синтезу научного знания сформулировано понятие антикриминальной безопасности как состояния защищенности общества от воздействия со стороны преступных сообществ. Показана необходимость формирования антикриминальной политики, защищающей от криминального воздействия важные направления общественной практики. К таким направлениям отнесены политика, экономика, культура, а также спорт и досуг. Предложена структура антикриминальной политики государства. В ее структуру включены блок теоретических положений и операционный блок. Исследовано ее криминологическое содержание. Уточнены объект, субъекты, уровни реализации антикриминальной политики. Сформулированы показатели ее эффективности. Обращено внимание на научную обоснованность мер, реализующих антикриминальную политику. Даны рекомендации по совершенствованию отдельных направлений антикриминальной политики. Акцентировано внимание на антикриминальную защиту малоимущих слоев населения, а также молодежи. Исследован вопрос международного сотрудничества в сфере антикриминальной безопасности. Подчеркнута необходимость укрепления и налаживания новых международных связей в сфере антикриминальной безопасности. Уточнены основные показатели антикриминальной безопасности на общегосударственном и региональном уровнях. К ним отнесены результаты криминологической профилактики, правоохранительной деятельности, влияние преступных сообществ, степень развития гражданского общества и другие параметры. Ориентирами антикриминальной политики названы улучшение демографических показателей, укрепление законности, развитие кадрового, производственного, научного, культурного потенциалов страны. Рекомендовано повышать уровень правовой грамотности населения, направлять общественную активность на легальные способы жизнеобеспечения, способствовать вовлечению молодежи в общественно значимые проекты.

Ключевые слова: антикриминальная политика, антикриминальная безопасность, криминологическая профилактика, критерии законности, научности, адаптивности; социальные показатели результативности.

Sergey V. Kondratyuk,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines, University
of Prosecutor's office of the Russian Federation, Lugansk Law Institute (branch), Lugansk,
kondratyuk.serzh@mail.ru

ANTI-CRIMINAL POLICY OF THE STATE: LEVELS, GUIDELINES, PROSPECTS

Abstract. The problem of anti-criminal security of society and the state is investigated. Anti-criminal security is considered as an element of the National Security Strategy of the Russian Federation. Crime in its organized forms, acquiring extremist content, merging with corrupt public administration, is called a threat to society. The systemic counteraction to crime has been updated. The crime prevention system acquires a scientific base of criminology, sociology, political science, legal and other sciences. Thanks to the synthesis of scientific knowledge, the concept of anti-criminal security is formulated as a state of protection of society from the influence of criminal communities. The necessity of forming an anti-criminal policy that protects important areas of public practice from criminal influence is shown. These areas include, first of all, political, economic, cultural, as well as sports and leisure. The structure of the anti-criminal policy of the state is proposed. Its structure includes a block of theoretical

positions and an operational block. Its criminological content is investigated. The object, subjects, levels of implementation of anti-criminal policy have been clarified. The indicators of its effectiveness are formulated. Attention is drawn to the scientific validity of measures implementing anti-criminal policy. Recommendations are given to improve certain areas of anti-criminal policy. Attention is focused on the anti-criminal protection of the poor, as well as young people. The issue of international cooperation in the field of anti-criminal security is investigated. The need to strengthen and establish new international ties in the field of anti-criminal security was emphasized. The main indicators of anti-criminal security at the national and regional levels have been clarified. These include the results of criminological prevention, law enforcement, the influence of criminal communities, the degree of development of civil society, and other parameters. The guidelines of the anti-criminal policy are called the improvement of demographic indicators, the strengthening of the rule of law, the development of human, industrial, scientific, cultural potentials of the country. It is recommended to increase the level of legal literacy of the population, direct public activity to a legal way of life support. Promote the involvement of young people in socially significant projects.

Keywords: anti-criminal policy, anti-criminal security, criminological prevention, criteria of legality, scientific, adaptability; social performance indicators.

Современная преступность характеризуется организованными формами, применяет методы террора, приобретает формы экстремизма, сращивается с коррумпированным государственным управлением [21]. Проведенные нами криминологическо-социологические исследования подтверждают рост преступности в экстремистских ее формах на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации [16]. Данные статистики свидетельствуют и о росте организованной преступности во многих регионах страны¹.

В свете приведенных фактов, актуализировано системное противодействие преступности со стороны общества и государства [17]. Средством такого противодействия становится антикриминальная политика государства [19; 7], криминология же составляет ее научную основу [5; 8]. Разработаны и предложены механизмы реализации антикриминальной политики [2; 3], однако, на сегодня структура и приоритеты антикриминальной политики все еще требуют уточнений.

Цель исследования – уточнение структуры и направления развития антикриминальной политики государства, в аспекте ее криминологической составляющей.

Антикриминальная безопасность признается целью реализации антикриминальной политики государства. Понятием антикриминальной безопасности обозначаем максимально возможное освобождение общества от преступности. Можно говорить о подавлении противоправных проявлений в обществе, о минимизации влияния преступности на институты государства. Степень антикриминальной безопасности отра-

жает уровень защищенности общества от подобного влияния. Поступательное стабильное развитие страны немислимо без устранения преступности. Преступность и общество рассматриваем как противоположности, как разновекторные исторические силы. На достижение антикриминальной безопасности направлена деятельность многих государственных институтов. Реализация государственной антикриминальной политики обеспечивает стабильность развития общества и предотвращение угроз его безопасности со стороны преступных сообществ. Здесь следует принимать во внимание и международный уровень преступности, противодействующий российскому государству. Соответственно, антикриминальная политика учитывает текущее состояние преступности и ее воздействие на различные сферы общественной практики. Также антикриминальная политика опирается на криминологические прогнозы существующих и зарождающихся угроз криминального характера.

Принимая во внимание масштабность задач антикриминальной политики, в ее сферу вовлекается широкая общественность. К реализации задач антикриминальной политики в настоящее время активно подключаются, кроме государственных институтов, органов, организаций и общественные структуры, деятельность которых направлена на обеспечение антикриминальной безопасности общества и государства [11]. Но для результативного взаимодействия субъектов антикриминальной политики необходимо согласование их текущих задач и осуществляемых действий. Поэтому актуализируется выбор показателей результативности такой совместной деятельности. Возникает необходимость в текущем отслеживании показателей антикриминальной безопасности, что сводится к анализу и прогнозированию параметров состояния и развития общества [23; 22]. Считаем целесообразным распределить такие показатели по следующим уровням.

¹ Сводные отчеты федерального статистического наблюдения по форме № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» по России за 2013 и 2023 годы // Единая межведомственная информационно-статистическая система: [сайт] URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41855>

Общегосударственному уровню антикриминальной безопасности должны соответствовать показатели эффективности деятельности правоохранительных, правоприменительных, судебных, а также других органов государственной власти, действующих в данной сфере. Результативность антикриминальной деятельности указанных субъектов антикриминальной политики может быть отображена показателями качества криминологической профилактики. К ним также можно отнести показатели качества функционирования органов государственной власти, уровень влияния преступных сообществ отечественного и межгосударственного масштаба, в том числе и возглавляемых статусными лидерами преступной иерархии. Тогда обобщенным критерием антикриминальной безопасности на общегосударственном уровне называем степень развития гражданского общества [25; 13].

Полагаем, что показатели антикриминальной безопасности регионального уровня должны детализировать показатели зрелости гражданского общества. Соответственно, такими параметрами регионального значения называем следующие: вовлеченность населения в общественно-полезные мероприятия; уровень региональной преступности; эффективность профилактической деятельности на региональном уровне; количество преступных сообществ, распространенность криминальной субкультуры и др.; удельный вес региона в общегосударственной преступности; влияние преступных сообществ на территории региона.

Антикриминальная политика государства, в своем развитии, должна опираться на криминологические модели текущего состояния общества, с учетом его трансформации в будущем. Антикриминальная политика увязывается с направлением развития страны и отдельных ее регионов [20].

Политика рассматриваемого направления выполняет, по отношению к обществу, обеспечивающую функцию. Можно сказать, что такая политика адаптирована к текущим общественным отношениям и к тенденциям очищения их от преступного элемента. Учитывая постоянные изменения направлений способов деятельности преступных сообществ, можно увидеть, что такая политика подлежит постоянной корректировке и совершенствованию. Так, сформированная по адаптивному принципу, антикриминальная политика обладает весомыми преимуществами. В частности, такая политика способна переключаться на преодоление текущих криминальных воздействий.

Принцип эффективности принимаемых мер антикриминального воздействия определен минимизацией различных затрат [14]. Принцип законности реализован недопустимостью ущемления законных прав и интересов граждан в ходе такого воздействия.

В итоге, антикриминальную политику можно характеризовать показателями адаптивности, эффективности и законности. Этими показателями выражена допустимость антикриминального воздействия на общественные отношения, несущие угрозу антикриминальной безопасности общества и государства.

Любая деятельность, осуществляемая в ходе реализации антикриминальной политики, должна быть также научно обоснованной. А качество законопроектов, принимаемых на всех уровнях власти, должно неизбежно повышаться.

Показателем результативности мер, реализующих антикриминальную политику, называем их взаимосвязь со стабильностью государства и общества, общественной поддержкой, правовым воспитанием населения, образованностью молодёжи, развитостью культуры и др. В таком ключе, меры по антикриминальному воздействию на общественные отношения распределяем на долгосрочные и среднесрочные.

К долгосрочным относим следующие задачи по обеспечению антикриминальной безопасности, выполняемые государственными органами и общественными организациями:

- согласование и сближение антикриминальной деятельности государственных институтов, организаций, органов, а также общественных структур;
- разработка и уточнение принципов и критериев деятельности общественных и государственных субъектов, занятых в сфере антикриминальной безопасности;
- усиление контроля над соблюдением законности всеми субъектами антикриминальной политики;
- совершенствование механизма разрешения конфликтов и спорных вопросов, возникающих между субъектами реализации антикриминальной политики. Устранение противоречий и несогласованности между федеральными органами власти и органами исполнительной власти региона, по вопросам противодействия преступности;
- обучение и переобучение кадров, овладение ими современными методами антикриминальной деятельности;
- предотвращение социальных конфликтов, вызванных действиями преступных сообществ;
- гармонизация общественно-политических отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья в интересах антикриминальной безопасности государства.

В среднесрочной перспективе реализации подлежат следующие задачи антикриминальной политики:

- поддержка государственных и общественных проектов, направленных на профилактику преступности в стране и в регионе, при последовательном устранении неэффективных и устаревших проектов;

- развитие социальной инфраструктуры, необходимой для реализации антикриминальной политики;
- обеспечение эффективного использования кадровых, интеллектуальных, материально-технических ресурсов для реализации антикриминальной политики;
- обобщение и распространение положительного опыта реализации антикриминальной политики;
- преодоление структурных деформаций, согласование структуры государственных органов и общественных организаций, действующих в данном направлении;
- адаптация антикриминальной политики к текущему состоянию преступности;
- повышение уровня антикриминальной безопасности общества и государства.

Последовательное выполнение перечисленных заданий предотвращает различные угрозы, в частности, укрепление преступных сообществ, возглавляемых статусными лидерами преступной иерархии [6].

На основании вышесказанного можем выделить основные направления реализации антикриминальной политики. Учитывая долгосрочные и текущие перспективы, распределяем цели и задачи антикриминальной политики по субъектам ее реализации.

Перед субъектами общегосударственного уровня могут быть поставлены следующие задачи:

- повышение уровня правосознания и правовой культуры общества;
- привлечение молодёжи к участию в общественно-полезных проектах, программах, грантах;
- стимулирование актуальных направлений реализации антикриминальной политики государства;
- разработка и осуществление разнообразных общественных проектов антикриминального содержания;
- совершенствование воспитательной работы антикриминального направления в рамках общегосударственных мероприятий.

Субъектам регионального уровня предстоит решать следующие задачи:

- развитие общественных движений и организаций антикриминального направления;
- реформатирование или реорганизация государственных и общественных структур, неэффективных в плане антикриминальной безопасности;
- устранение условий для появления новых преступных сообществ;
- развитие общественных движений, действующих в русле антикриминальной политики.

Важным направлением реализации антикриминальной политики считаем необходимым назвать развитие и эффективное применение научного потенциала. Разрабатываются долгосрочные программы антикриминальной безопасности государства,

определены на ближайший период приоритеты государственной антикриминальной политики. Выделены сферы общественной и государственной деятельности, наиболее уязвимые к негативному воздействию со стороны преступных сообществ. Ключевая роль в решении задачи применения научного потенциала в реализации антикриминальной политики принадлежит криминологии и другим юридическим наукам, стимулирование развития которых, несомненно, требует также государственной поддержки.

Отмечаем угрозу антикриминальной безопасности, которую составляет несправедливое распределение общественного богатства. Малоимущие слои населения подпитывают преступность новыми участниками преступных сообществ. В свою очередь, эти сообщества, возглавляемые статусными лидерами преступной иерархии, навязывают обществу воровскую идеологию и криминальную субкультуру. Идеологическое воздействие со стороны преступных сообществ направлено на разрушение традиционных ценностей общества. И наиболее уязвимыми по отношению к такому воздействию оказываются малоимущие слои населения, в первую очередь, молодежь. Также можно видеть, как представители средних имущественных классов захватываются преступной идеологией, идут на поводу статусных лидеров преступной иерархии. Поэтому расслоение общества по имущественному признаку чревато социальными конфликтами. Преступность паразитирует на социальном неравенстве, умело окуливая социальные слои, подверженные фрустрации, подсказывая им простые (нередко экстремистские) решения социальных проблем. Отсюда вытекает тезис о значении экономического базиса преступности. Действительно, всякого рода общаки и воровские кассы, формируемые из взносов от преступного и полуправового бизнеса, поддерживают преступность и укрепляют ее влияние в обществе. Таким образом решение проблемы существования малоимущих социальных групп. На это направлены специальные программы, включающие комплекс законодательных и нормативных мер [4; 15], а эффективность реализации антикриминальной политики определена справедливым распределением общественных благ между различными социальными классами.

Реализация антикриминальной политики должна принести положительный общественно значимый экономический результат, выраженный в укреплении материального положения граждан, повышении уровня жизни населения. В таком случае антикриминальная политика сможет способствовать консолидации общества [1; 18], устойчивому развитию позитивных общественных отношений. В результате, будет достигнут уровень благосостояния, соответствующий современным запросам общества.

Реализация антикриминальной политики сопровождается мерами по социальной поддержке населения [12; 10]. Комплекс мер по реализации антикриминальной политики направлен на смягчение социальных противоречий, связанных с современным кризисным состоянием общества и государства. Тем самым меры по реализации антикриминальной политики предотвращают возможные социальные конфликты и, как их результат, вовлечение населения в поле влияния криминальных сообществ.

Как отмечают отечественные криминологи, в настоящее время обострились проблемы проникновения преступных сообществ из ряда стран ближнего зарубежья [26]. Соответственно, регулирование потоков миграции и выявления криминальных элементов требует разработки мероприятий по следующим направлениям:

- установление социальных гарантий для лиц, привносящих социально-полезные установки и традиционные социальные и культурные ценности;
- решение комплекса проблем, связанных с поддержкой общественных структур, направленных на преодоление криминальной субкультуры и антиобщественного образа жизни;
- создание правовой и социальной базы для привлечения населения и молодежи к участию в социально-значимых проектах по направлениям культуры, искусства, науки, спорта.

Комплексное решение проблем антикриминальной безопасности требует системного и долгосрочного подхода [24]. Необходимо согласование антикриминальной политики с положениями Стратегии национальной безопасности России. Антикриминальная политика по степени охвата решаемых ей проблем соответствует задачам государственного уровня, отвечает общественным и государственным интересам и приобретает нормативно-правовое оформление.

Долговременный и системный характер антикриминальной политики включает в свою структуру блоки целеполагания и планирования, блок рабочих операций, а также блок критериев эффективности ее реализации. Антикриминальная политика решает ряд социальных проблем криминогенного характера. На текущем этапе совершенствуется ее нормативное обеспечение. Результативность мер, предусмотренных антикриминальной политикой, становится показателем антикриминальной безопасности страны.

Таким образом, по результатам проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы.

1. Антикриминальная политика объединяет усилия государства и общества в противодействии

преступности, ее организованным формам. Целью реализации антикриминальной политики можно назвать антикриминальную безопасность, как состояние защищенности общества от воздействия со стороны преступных сообществ.

2. Криминологическую составляющую антикриминальной политики образует система взаимосвязанных блоков по обеспечению антикриминальной безопасности общества и государства.

3. Значение антикриминальной политики состоит, прежде всего, в том, что ее реализация минимизирует угрозы обществу со стороны преступности. Вместе с тем, антикриминальная политика направлена на обеспечение справедливого распределения материальных ресурсов общества между различными слоями населения. Одновременно, системная реализация такой политики способствует улучшению показателей демографических и интеллектуальных, укрепляет экономическую, финансовую, культурную основу общества.

4. Отмечена устойчивость и стабильность антикриминальной политики в сфере экономики. Обозначены направления защиты от дестабилизирующего влияния со стороны преступных сообществ, посягающих на правоотношения в данной сфере.

5. Сформирован перечень показателей эффективности антикриминальной политики, который позволяет оценивать:

- динамику и структуру преступности, уровень преступности по отдельным категориям, результативность криминологической профилактики, укрепление законности, а также результаты пропаганды законопослушного поведения;
- состояние демографического, кадрового, производственного, научного и культурного потенциалов страны;
- способность механизмов антикриминальной политики адаптироваться к меняющимся внутренним и внешним социально-политическим условиям, поддерживать состояние социально-политической защиты от воздействия со стороны преступных сообществ, как международного, так и внутригосударственного уровней;
- степень развития общественных институтов, государственных и общественных структур антикриминальной направленности;
- показатель антикриминального состояния жизнедеятельности общества и государства, уровень правовой грамотности населения, направленность основных групп населения на легальный способ жизнеобеспечения.

Список литературы

1. Александрова И.А. Концепция антикриминальной политики и противодействие преступности в экономической сфере / И.А. Александрова // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9 (9). С. 67-69.

2. Антикриминальная политика государства: блок криминологической профилактики / С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, Т.Н. Иванова, И.В. Цветкова // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 2 (43). С. 87-95.
3. Антикриминальная политика: теория формирования и показатели реализации / С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, Т.Н. Иванова [и др.] // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 3 (44). С. 152-160.
4. Антонян Ю.М. Бедность как криминогенный фактор / Ю.М. Антонян // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 2 (62). С. 31-39.
5. Биккинин И.А. Антикриминальная стратегия государства: теоретические и практические аспекты реализации / И.А. Биккинин, С.И. Муцалов // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2020. № 4 (40). С. 109-115.
6. Величко Ф.М. Проблемы противодействия организованной преступности в РФ / Ф.М. Величко, В.В. Копылов, А.А. Субботин // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 94-98.
7. Горшенков Г.Н. Антикриминальная политика в контексте общетеоретической науки о криминале / Г.Н. Горшенков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 300-302.
8. Горшенков Г.Н. Криминология как общетеоретическая наука дисциплин антикриминального цикла / Г.Н. Горшенков // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9 (9). С. 9-12.
9. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике / В.С. Джатиев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 31-37.
10. Ережипалиев Д.И. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Д.И. Ережипалиев, М.Л. Огурцова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 43-51.
11. Жариков Ю.С. Уголовная политика. Взаимодействие субъектов правоохранительной системы в процессе противодействия преступности (правовые и организационные аспекты): Учебное пособие для магистрантов / Ю.С. Жариков. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 207 с.
12. Жубрин Р.В. Проблемы противодействия незаконной миграции как угрозе национальной безопасности / Р.В. Жубрин, Т.В. Ашиткова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 6 (92). С. 5-11.
13. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды / А.С. Ильницкий // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 33-39.
14. Клейменов М.П. Эффективность противодействия преступности в сфере правосудия путем применения наказания / М.П. Клейменов, Е.С. Иванов // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 1. С. 108-118.
15. Клепицкий И.А. Социальная обусловленность уголовной политики / И.А. Клепицкий // Государство и право. 2017. № 4. С. 39-48.
16. Кондратюк С.В. Фашизм: социологическое исследование и детерминирующие факторы в условиях новых субъектов Российской Федерации / С.В. Кондратюк // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 103-110.
17. Королева М.В. Проблемы борьбы с организованной преступностью / М.В. Королева, И.М. Мацкевич. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 520 с.
18. Куршев А.Х. Антикриминальная политика России в XXI в.: проблемы и способы их решения / А.Х. Куршев // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 4. С. 146-150.
19. Номоконов В.А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы / В.А. Номоконов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106-116.
20. Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью / В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 438-446.
21. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / С.А. Бажутов, С.В. Кондратюк, П.В. Агапов [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. 192 с.
22. Саидов З.А. Современная теория уголовной политики и ее основные тенденции / З.А. Саидов, Е.С. Айсханова // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. 2020. № 4 (40). С. 93-102.
23. Сухов А.Н. Антикриминальная безопасность как научно-практическая проблема / А.Н. Сухов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 2260-2266.
24. Ульянов М.В. Новые тенденции экстремистской и террористической преступности и меры противодействия угрозам национальной безопасности / М.В. Ульянов // Вопросы безопасности. 2023. № 2. С. 27-34.
25. Умарова А.А. Эффективность современной уголовной политики по обеспечению экономической безопасности и противодействия коррупции / А.А. Умарова, В.П. Лебединская // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). С. 113-115.
26. Шевелева К.В. Об объекте геноцида / К.В. Шевелева // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 1 (35). С. 170-175.

References

1. *Aleksandrova I.A.* Kontseptsiiia antikriminal'noi politiki i protivodeistvie prestupnosti v ekonomicheskoi sfere / I.A. Aleksandrova // Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii. 2016. № 9 (9). S. 67-69.
2. Antikriminal'naia politika gosudarstva: blok kriminologicheskoi profilaktiki / S.V. Kondratiuk, A.M. Moiseev, T.N. Ivanova, I.V. Tsvetkova // Azimut nauchnykh issledovani: ekonomika i upravlenie. 2023. T. 12, № 2 (43). S. 87-95.
3. Antikriminal'naia politika: teoriia formirovaniia i pokazateli realizatsii / S.V. Kondratiuk, A.M. Moiseev, T.N. Ivanova [i dr.] // Azimut nauchnykh issledovani: ekonomika i upravlenie. 2023. T. 12, № 3 (44). S. 152-160.
4. *Antonian Yu.M.* Bednost' kak kriminogennyi faktor / Yu.M. Antonian // Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. 2022. № 2 (62). S. 31-39.
5. *Bikinin I.A.* Antikriminal'naia strategiiia gosudarstva: teoreticheskie i prakticheskie aspekty realizatsii / I.A. Bikinin, S.I. Mutsalov // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. № 4 (40). S. 109-115.
6. *Velichko F.M.* Problemy protivodeistviia organizovannoi prestupnosti v RF / F.M. Velichko, V.V. Kopylov, A.A. Subbotin // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2020. № 1. S. 94-98.
7. *Gorshenkov G.N.* Antikriminal'naia politika v kontekste obshcheteoreticheskoi nauki o kriminal'e / G.N. Gorshenkov // Yuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. 2016. № 3 (35). S. 300-302.
8. *Gorshenkov G.N.* Kriminologiiia kak obshcheteoreticheskaiia nauka distsiplin antikriminal'nogo tsikla / G.N. Gorshenkov // Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii. 2016. № 9 (9). S. 9-12.
9. *Dzhatiev V.S.* O rossiiskoi antikriminal'noi politike / V.S. Dzhatiev // Kriminologiiia: vchera, segodnia, zavtra. 2014. № 2 (33). S. 31-37.
10. *Erezhipaliev D.I.* Prokurorskii nadzor za sobliudeniem zhilishchnykh prav detei-sirot i detei, ostavshikhsia bez popecheniia roditel'ei / D.I. Erezhipaliev, M.L. Ogurtsova // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2022. № 2 (88). S. 43-51.
11. *Zharikov Yu.S.* Ugolovnaia politika. Vzaimodeistvie subektov pravookhranitel'noi sistemy v protsesse protivodeistviia prestupnosti (pravovye i organizatsionnye aspekty): Uchebnoe posobie dlia magistrantov / Yu.S. Zharikov. Moskva: Ai Pi Ar Media, 2020. 207 s.
12. *Zhubrin R.V.* Problemy protivodeistviia nezakonnoi migratsii kak ugroze natsional'noi bezopasnosti / R.V. Zhubrin, T.V. Ashitkova // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2022. № 6 (92). S. 5-11.
13. *Ilitsky A.S.* Protivodeistvie kriminal'noi ideologii v seti Internet s ispol'zovaniem tekhnologii antikriminal'noi propagandy / A.S. Ilitsky // Obshchestvo i pravo. 2022. № 1 (79). S. 33-39.
14. *Kleimenov M.P.* Effektivnost' protivodeistviia prestupnosti v sfere pravosudiia putem primeneniia nakazaniia / M.P. Kleimenov, E.S. Ivanov // Pravoprimenenie. 2019. T. 3, № 1. S. 108-118.
15. *Klepitskii I.A.* Sotsial'naia obuslovlennost' ugolovnoi politiki / I.A. Klepitskii // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 4. S. 39-48.
16. *Kondratiuk S.V.* Fashizm: sotsiologicheskoe issledovanie i determiniruiushchie faktory v usloviakh novykh subektov Rossiiskoi Federatsii / S.V. Kondratiuk // Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika. 2023. № 1 (36). S. 103-110.
17. *Koroleva M.V.* Problemy bor'by s organizovannoi prestupnost'iu / M.V. Koroleva, I.M. Matskevich. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «Prospekt», 2023. 520 s.
18. *Kurshev A.Kh.* Antikriminal'naia politika Rossii v XXI v.: problemy i sposoby ikh resheniia / A.Kh. Kurshev // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14, № 4. S. 146-150.
19. *Nomokonov V.A.* Antikriminal'naia politika: metodologicheskie i nrvstvennye osnovy / V.A. Nomokonov // Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. 2023. T. 25, № 3. S. 106-116.
20. *Nomokonov V.A.* O kriminogennosti rossiiskoi politiki v sfere bor'by s prestupnost'iu / V.A. Nomokonov // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. 2016. T. 10, № 3. S. 438-446.
21. Protivodeistvie organizatsionnoi deiatel'nosti lits, zanimaiushchikh vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii / S.A. Bazhutov, S.V. Kondratiuk, P.V. Agapov [i dr.]. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu «Prospekt», 2022. 192 s.
22. *Saidov Z.A.* Sovremennaia teoriia ugolovnoi politiki i ee osnovnye tendentsii / Z.A. Saidov, E.S. Aiskhanova // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2020. № 4 (40). S. 93-102.
23. *Sukhov A.N.* Antikriminal'naia bezopasnost' kak nauchno-prakticheskaiia problema / A.N. Sukhov // Innovatsii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 32. S. 2260-2266.
24. *Ulyanov M.V.* Novye tendentsii ekstremistskoi i terroristicheskoi prestupnosti i mery protivodeistviia ugrozam natsional'noi bezopasnosti / M.V. Ulyanov // Voprosy bezopasnosti. 2023. № 2. S. 27-34.
25. *Umarova A.A.* Effektivnost' sovremennoi ugolovnoi politiki po obespecheniiu ekonomicheskoi bezopasnosti i protivodeistviia korruptsii / A.A. Umarova, V.P. Lebedinskaiia // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 10 (190). S. 113-115.
26. *Sheveleva K.V.* Ob obekte genotsida / K.V. Sheveleva // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 1 (35). S. 170-175.

Макутчев Александр Валерьевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, город Тула,
mackutcheve@mail.ru

ФЕДЕРАЦИЯ ЭФИОПИИ И ЭРИТРЕИ В 1952-1962 ГОДАХ: УРОКИ НАВЯЗАННОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта существования Федерации Эфиопии и Эритреи, образованной в Восточной Африке в 1952 году. Характерной чертой этой федерации стал ее навязчивый характер – она была образована под давлением ООН, стремившейся урегулировать постколониальную ситуацию в регионе. Влияние мировых держав помешало эритрейцам обрести независимость, как и многим другим африканским нациям, после завершения Второй мировой войны. Единственной альтернативой независимости, предложенной Эритрее ООН, стало объединение с Эфиопией в федерацию. Предложенная ООН схема государственного устройства Федерации подразумевала равноправные отношения между двумя субъектами, их политическое равенство и сотрудничество. Созданная федерация должна была стать способом укрепления отношений между соседними субъектами, однако на деле стала лишь декорацией, позволившей Эфиопии в конечном счете аннексировать Эритрею в нарушении установленных ООН условий. Исследование недолгой истории Федерации показывает неэффективность навязанных извне федеративных отношений и позволяет выделить комплекс проблем, ведущих к распаду подобных федераций. К таковым можно отнести: неравноценность субъектов федерации (существенный перевес в социально-экономических показателях одного субъекта над другим, исключающий политический паритет между ними), существенные религиозные, этнические и культурные различия между субъектами, неготовность элит и основной массы населения к федеративным отношениям, деструктивное влияние внешних сил (ООН и отдельных государств), инициировавших создание федерации, но отказавшихся в дальнейшем защищать ее существование, и недостаток политической воли правящих элит, маскирующих идеями федерализма свои истинные цели.

Ключевые слова: федерализм, Восточная Африка, Эфиопия, Эритрея, международные отношения, Генеральная Ассамблея ООН, сепаратизм, национализм, аннексия, Хайле Селассие I.

Aleksandr V. Makutchev,

Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Legal Disciplines,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula,
mackutcheve@mail.ru

THE FEDERATION OF ETHIOPIA AND ERITHEA (1952-1962): LESSONS FROM IMPOSED FEDERALISM

Abstract. The article is devoted to the analysis of the experience of the Federation of Ethiopia and Eritrea, formed in East Africa in 1952. A characteristic feature of this federation was its imposed nature - it was formed under pressure from the UN, which sought to resolve the post-colonial situation in the region. The influence of world powers prevented the Eritreans from gaining independence, like many other African nations after the end of the Second World War, and the only alternative to independence offered to Eritrea by the UN was union with Ethiopia in a federation. The scheme of the state structure of the Federation proposed by the UN implied equal relations between the two subjects, their political equality and cooperation. The created federation was supposed to be a way to strengthen relations between neighboring entities, but in reality it became only a decoration that allowed Ethiopia to eventually annex Eritrea in violation of the conditions established by the UN. A study of the short history of the Federation shows the inefficiency of federal relations imposed from outside and allows us to identify a set of problems leading to the collapse of such federations. These include: the inequality of the subjects of the federation (a significant preponderance in the socio-economic indicators of one subject over another, excluding political parity between them), significant religious, ethnic and cultural differences between the subjects, the unpreparedness of the elites and the bulk of the population for federal relations, the destructive influence external forces (the UN and individual states) that initiated the

creation of a federation, but refused to continue to defend its existence, and the lack of political will of the ruling elites, who mask their true goals with the ideas of federalism.

Keywords: federalism, East Africa, Ethiopia, Eritrea, foreign relations, UN General Assembly, separatism, nationalism, annexation, Haile Selassie I.

В 1952 году в Восточной Африке появилось новое государственное образование – Федерация Эфиопии и Эритреи. Она включила в себя независимую к тому времени Эфиопскую империю, которая восстановила свой многовековой суверенитет в 1941 году, совместно с британскими войсками изгнав итальянских оккупантов и бывшую итальянскую колонию Эритреи, не имевшей опыта независимости. Субъекты образованной федерации, с одной стороны, были объединены долгой историей сосуществования (до итальянской колонизации Эритрея была одной из областей Эфиопского государства), с другой – отличались по этническому и религиозному принципу. Среди эритрейцев к 1950 годам также было немало сторонников независимости, тем не менее, ООН в рамках послевоенного урегулирования приняла решение об объединении Эфиопии и Эритреи в федерацию.

В мире есть примеры федераций, установленных «сверху» ради скрепления государств и при этом относительно стабильно функционирующих по сей день (например, Босния и Герцеговина), однако опыт эфиопо-эритрейского федерализма оказался неудачным, породив долгую и кровопролитную войну Эритреи с Эфиопией за независимость.

Целью данной статьи является анализ порядка образования эфиопо-эритрейской федерации (далее – ФЭЭ), причин ее распада и выявление ошибок в строительстве федераций, приведших ФЭЭ к распаду.

В отечественной историографии история существования ФЭЭ практически не затронута, исключением являются работы профессора РУДН Ныгусие Кассе В.М., посвященные истории Эфиопии XX века, в том числе периоду существования ФЭЭ [2, с. 84]. Будучи этническим эфиопом, автор анализирует процесс распада ФЭЭ с эфиопских позиций, показывая, что идея федерализма в случае Эфиопии и Эритреи была изначально нежизнеспособной, а основы федерации во многом расшатывали эритрейские элиты.

В западной историографии опыт эфиопо-эритрейского федерализма анализируется, в частности, в контексте борьбы Эритреи за независимость. Так, в работах Р. Шермана [18], Н. Бизюраса [3], А. Шиллера [17], К. Клеппа [4] распад ФЭЭ описан как процесс аннексии Эритреи Эфиопией в нарушении международных норм, закономерно повлекший за собой эскалацию. Также следует отметить «этническую тенденциозность» в оценке событий, связанных с историей ФЭЭ, в трудах этнических эфиопов и эритрейцев (на-

пример, в работах Р. Айоб [13], С. Хайле [12] и Т. Негаш [16]), она свидетельствует о том, что события 70-летней давности по-разному оцениваются как в Эфиопии, так и в Эритрее.

Изучение предыстории формирования ФЭЭ следует начать с послевоенного периода, когда союзные державы занялись определением судьбы колоний, потерпевших поражение Италии – Сомали, Ливии и Эритреи. В августе 1945 года на Потсдамской конференции США, Великобритании и СССР, в числе прочих вопросов, обсуждали дальнейший статус итальянских колоний, но к согласию не пришли. Стратегическая близость Эритреи к Баб-эль-Мандебскому проливу и Суэцкому каналу, через которые проходят важнейшие морские пути, затрагивала геополитические интересы держав, что повлияло на принятие дальнейших решений по судьбе страны.

10 февраля 1947 года Италия подписала мирный договор с союзниками и отказалась от прав на колонии, передав их под управление других держав (ст. 23 (3) [12, р. 9]). Для выяснения позиций жителей бывших колоний по поводу своего будущего была образована комиссия, но результаты ее работы оказались столь противоречивы, что члены комиссии передали полномочия по определению судьбы Эритреи, Ливии и Сомали Генеральной Ассамблее ООН.

В 1949 году Генеральная Ассамблея рассмотрела «формулу Бевина-Сфорца», составленную министрами иностранных дел Великобритании и Италии Э. Бевином и К. Сфорца. Согласно формуле, Эритрею следовало разделить по религиозному признаку между мусульманским Суданом, находившимся на тот момент под англо-египетским управлением, и христианской Эфиопией. Для Эфиопии данный вариант был идеальным, так как позволял получить доступ к морю через эритрейские порты Асэб и Массауа. Эту идею также поддержали США, которые налаживали связи с Эфиопией (в 1953 году был заключен договор о сотрудничестве между США и Эфиопией) [12, р. 10]. Британцы, контролировавшие часть Сомали, Йемен и Судан, также не были заинтересованы в образовании нового независимого государства в регионе. Однако против раздела Эритреи, со ссылкой на позицию эритрейских политических партий, выступили арабский и советский блоки, не желавшие усиления позиций США в регионе Красного моря (независимая Эритрея могла стать для СССР опорой в противодействии интересам США), в итоге формула была отклонена [7].

20 сентября 1949 года Генеральная Ассамблея ООН постановила предоставить независимость Ливии к январю 1952 года и стремиться к независимости Сомали, но по эритрейскому вопросу решение принято не было, в страну направили вторую комиссию для «более полного выяснения пожеланий и наилучших средств содействия благосостоянию жителей Эритреи по вопросу отчуждения Эритреи» [12, р. 10]. В соответствии с Резолюцией 289-A(IV) от 21 ноября 1949 года [8], комиссия из представителей Гватемалы, Пакистана, Бирмы, ЮАР и Норвегии посетила Эритрею и изучила факты конфликтов между сторонниками независимости с одной стороны и союза с Эфиопией – с другой, но вновь пришла к противоположным выводам. Гватемала и Пакистан предложили независимость Эритреи, Бирма и ЮАР – федерацию Эритреи с Эфиопией, а Норвегия – союз Эритреи и Эфиопии. Единогласно комиссия смогла постановить лишь недопустимость раздела Эритреи [10].

В итоге на заседании Генеральной Ассамблеи с подачи США и поддержавших их проект 14 государств было принято решение о создании федерации в составе Эфиопии и Эритреи. СССР раскритиковал этот проект и призвал к немедленной независимости Эритреи, утверждая, что независимость является «справедливым решением» [9]. Глава эритрейского Блока независимости Ибрагим Султан выступил перед Генеральной Ассамблеей и выразил тревогу эритрейского народа в связи с тем, что ООН навязывает Эритрее государственное устройство, не дав населению возможности высказать свое мнение. Он также заявил, что «федерация может существовать только между независимыми государствами с равным суверенным статусом, а не между независимым государством и государством, которому отказывают в независимости» [9]. Тем не менее Генеральная Ассамблея отклонила предложения СССР, Пакистана и Ирака о независимости Эритреи и приняла американский проект федерации, вопрос независимости был отвергнут [11]. Генеральная Ассамблея посчитала, что навязанная федерация Эфиопии и Эритреи может быть жизнеспособна.

План федерации был закреплен в Резолюции 390-A(V) от 2 декабря 1950 года [9], в которой содержался призыв к полной автономии эритрейского правительства во всех внутренних делах с определенными ограничениями юрисдикции как эритрейского, так и федерального правительств. В пункте 3 было проведено стандартное для федераций разграничение полномочий: федеральное правительство обладало исключительной юрисдикцией в сферах обороны, иностранных дел, финансов и внешней торговли, остальные вопросы входили в компетенцию правительств участников Федерации. Только федеральное правительство было компетентно осуществлять федеральные полномочия [12, р. 11].

На основе Резолюции 390-A(V) была составлена Федеральная резолюция между Эритреей и Эфиопией, а также Федеральный закон, однако они не содержали некоторых принципиальных моментов, связанных с государственным устройством Федерации. В частности, остался неясным статус федерального правительства. В пункте 5 Резолюции 390-A(V) и в статье 7 Конституции Эритреи говорилось о «Федеральном правительстве», отличном от правительств Эфиопии и Эритреи, которое могло на равных реализовывать интересы обоих участников федерации. Этим правительством должен был стать Имперский федеральный совет в составе пяти эритрейцев и пяти эфиопов, которому надлежало собираться не реже одного раза в год для вынесения рекомендаций по общегосударственным вопросам. По мнению С. Хайле, Эритрея рассчитывала на автономию и исполнение Резолюции ООН, Эфиопия же – на ослабление этой автономии, поэтому не собиралась формировать федеральное правительство, а пыталась добиться признания в качестве такового правительства Эфиопии [12, р. 13].

Гарантом исполнения Резолюции ООН был объявлен Комиссар ООН в Эритрее, боливиец Э. Матьенсо, который должен был в процессе переговоров с эритрейским и эфиопским правительствами определить детали организации федеральных органов власти [17, с. 378]. В помощь Комиссару Генеральный секретарь ООН Т. Ли назначил группу экспертов, которая подчеркнула различие между полномочиями, закрепленными за федеральным правительством, и полномочиями членов Федерации, а также заявила о необходимости следования принципам федерализма. Однако рекомендации экспертов не были выполнены ни правительством Эфиопии, ни Комиссаром. Э. Матьенсо согласился признать правительство Эфиопии Федеральным правительством и разрешить императору Хайле Селассие I иметь представителя в Эритрее, наделенного полномочиями по принятию нового законодательства, хотя Резолюцией 390-A(V) это не было предусмотрено.

К концу марта 1952 года была избрана Ассамблея Эритреи в составе 68 членов: 34 христианина и 34 мусульманина. Однако, по данным Ф. Текле, британские чиновники, ответственные за организацию голосования в Асэбе и Массауа, добились, чтобы половину мест в Ассамблее получили члены Юнионистской партии (проэфиопской), 15 мест – члены Мусульманской лиги (пробританской) и лишь 19 мест – сторонники Эритрейского демократического фронта за независимость [12, р. 16]. Генеральный секретарь Юнионистской партии Тедла Байру был избран президентом Ассамблеи Эритреи, а позже – главой правительства (исполнительным директором). 10 июля 1952 года пробританское и проэфиопское большин-

ство одобрило Федеральный закон и Конституцию Эритреи, 11 августа оба документа были ратифицированы императором Хайле Селассие, и 15 сентября 1952 года документы о создании Федерации Эритреи и Эфиопии вступили в силу.

Правительство Эфиопии заявило, что будет неукоснительно соблюдать положения Федерального закона [11]. Однако, как отмечает С. Хайле, уже с момента создания Федерации началось посягательство Эфиопии на автономию Эритреи [12, р. 13]. Представитель императора в заявлении Ассамблее Эритреи 22 марта 1955 года заявил: «В том, что касается канцелярии представителя Его Императорского Величества, нет никаких внутренних или внешних дел, и в будущем их не будет. Дела Эритреи касаются Эфиопии в целом и императора». Возмущения этой позицией, адресованные рядом депутатов ассамблеи Генеральной Ассамблее ООН, инициатору и гаранту федерации, не получили ответа [12, р. 13].

Эфиопскую оценку событий представляет Ныгуссие Кассе В.М. По его данным, за сохранение автономии Эритреи выступали главный архитектор внешней политики империи министр Пера Вольде И.Г. и министр иностранных дел Аклилу Х.В. Они не желали портить отношения с Западом, который обеспечил поддержку Эфиопии в присоединении Эритреи, и создавать почву для попыток СССР и арабских стран способствовать независимости Эритреи [2, с. 87]. Пера Вольде и Аклилу не скрывали своего желания упразднить федерацию, но они считали разумным, если это сделают сами эритрейцы на референдуме [2, с. 85]. Как и многие эфиопы, они были уверены, что большинству эритрейцев чужда идея федерации: лидеры проэфиопского большинства в Ассамблее Эритреи, в частности, глава правительства Т. Байру, неоднократно публично сомневались в жизнеспособности федерализма [2, с. 87].

Значительная часть эфиопского общества также не приняла федерации с Эритреей, опасаясь, что по примеру Эритреи другие провинции империи, в частности, известные своей непримиримостью северные провинции Тыграй и Годжам, потребуют аналогичных прав, что станет угрозой единству государства.

Сторонником упразднения федерации был и император Хайле Селассие, публично не высказывавший своей позиции. На эту позицию влияли и действия эритрейского руководства, порождавшие мысль о том, что ликвидация автономии Эритреи будет благом для эритрейского народа. Так, правительство Эритреи повысило налоги и таможенные пошлины, что серьезно ударило по интересам эритрейцев [3, р. 36]. 8 февраля 1954 года Хайле Селассие, «желая облегчить бремя своих эритрейских подданных», в выступлении фактически отменил закон правительства

Эритреи об увеличении налогов, обещая, что, как и в предыдущие годы, эфиопское правительство оплатит все налоги народа Эритреи [2, с. 87]. Это действие, с одной стороны, было призвано повысить авторитет Короны, с другой – подорвало и без того слабый авторитет правительства Эритреи.

Стиль руководства главы исполнительной власти Эритреи Т. Байру также вызывал постоянные конфликты и оппозицию со стороны эритрейского народа и противоборствующих политических партий. В августе 1955 года он был вынужден уйти в отставку, проэфиопским большинством Ассамблеи Эритреи председателем Правительства был избран Асфаха В.М., вице-представитель императора в Эритрее и противник федерализма, который, совместив два поста, в дальнейшем выполнял все приказы и инструкции из Аддис-Абебы. На парламентских выборах Асфаха сумел устранить своих противников – сторонников независимости Ибрагима Султана и Идриса Адема (будущих лидеров Фронта освобождения Эритреи). 24 декабря 1959 года флаг Эфиопской империи был объявлен единственным флагом, Ассамблея Эритреи одобрила это решение [14, р. 384].

Следующим шагом со стороны Эфиопии стал роспуск и запрет всех политических партий, кроме лояльной Юнионистской, замена языка тигринья и арабского в качестве государственных языков в Эритрее на амхарский (государственный язык Эфиопии). Амхаризация регионального управления (назначение на государственные посты эритрейцев-христиан, владевших амхарским) и образования вызвали недовольство эритрейцев-мусульман, в том числе студентов, которые отныне были обязаны изучать амхарский для получения среднего образования вместо арабского и тигринья [3, р. 37].

В 1959 году под давлением Эфиопии Ассамблея Эритреи проголосовала за смену наименования «Правительство Эритреи» на «Администрация Эритреи», отмену Конституции Эритреи и ратификацию Уголовного кодекса Эфиопии [16, р. 99]. В этих условиях в стране уже активно развивалось национально-освободительное движение. В 1958 году члены запрещенного Всеобщего союза трудовых синдикатов создали подпольное Эритрейское освободительное движение (ELM). В марте 1958 года в Асмэре и Масауа была организована всеобщая забастовка, парализовавшая экономическую жизнь в стране на один месяц. Демонстрация студентов и рабочих была разогнана эфиопскими войсками [18, р. 28].

ООН в целом и отдельные страны, среди которых были США, а также инициаторы создания ФЭЭ, не реагировали на обращения эритрейских политических лидеров. В 1960 году Г.К.Н. Тревакис, бывший британский администратор в Эритрее, посоветовал Эфиопии пересмотреть свою политику и соблюдать

Резолюцию 390-A(V) ООН. По его мнению, «искушение жестко подчинить Эритрею своему контролю со стороны Эфиопии всегда будет велико. Если она попытается это сделать, она рискует вызвать недовольство Эритреи и, в конечном итоге, восстание, которое при сочувствии и поддержке извне вполне может разрушить как Эритрею, так и саму Эфиопию» [20, р. 131].

В 1962 году, спустя 10 лет после образования, ФЭЭ фактически была ликвидирована Эфиопией в одностороннем порядке. 13 ноября 1962 года эфиопские войска заняли ключевые здания в Асмэре и других эритрейских городах. Члены Ассамблеи Эритреи, несогласные с этими действиями, были вынуждены отказаться от мандатов. 14 ноября 1962 года депутаты тайным голосованием приняли решение о роспуске Федерации. Асфаха зачитал членам Ассамблеи подготовленное заявление на амхарском языке, в котором от имени всех депутатов сказал: «Мы признали федерацию недействительной и отныне полностью едины с нашей родиной» [12, р. 14]. В нарушении Резолюции ООН Эритрея была аннексирована Эфиопией и стала одной из ее провинций.

Международная реакция на эти события была заблокирована США, которые тесно сотрудничали с Эфиопией. Вашингтон, с одной стороны, выразил сожаление о роспуске Федерации, с другой – обещал поддержку Эфиопии в недопущении обсуждения этого вопроса в ООН. «Мы располагаем сведениями о том, что Сомали, поддержанная арабскими государствами, может внести на рассмотрение вопрос об аннексии Эритреи Эфиопией. Мы с трудом одобряем действия Хайле Селассие I, при этом должны сказать премьер-министру Сомали Абдирашиду Шермарку, что обращаться с протестом по этому вопросу в ООН бесполезно» [6, р. 448].

Дальнейшие события показали губительность решений эфиопского руководства, как для стабильности во всем регионе, так и для самого себя. Сторонники упразднения федерации не учли возможные риски, а правительство Эфиопии не подготовило условий для слияния государств и борьбы с неизбежной оппозицией. «Никто из эфиопских политиков не имел представления о том, какой будет новая администрация Эритреи. Никто не имел ответа на вопрос: что даст упразднение федерации Эфиопской империи» [2, с. 87].

Ликвидируя федерацию, руководство Эфиопии не учло также международную обстановку: после Суэцкого кризиса лишение автономии Эритреи, где примерно половину населения составляли мусульмане, было воспринято арабскими странами Ближнего Востока как очередное посягательство на права мусульман в регионе и создало почву для международной поддержки национально-освободительного движения в Эритрее [5, р. 170]. Еще в 1960 году, в Каире,

Идрис Адем основал Фронт освобождения Эритреи (ELF), который занялся мобилизацией эритрейских беженцев в Судане, Сомали и Египте в ряды повстанцев [4, р. 120]. 1 сентября 1961 года они начали вооруженную борьбу против эфиопских войск. Принудительный роспуск федерации обеспечил эритрейским повстанцам образ борцов за свободу и против угнетения со стороны христиан [19, р. 318], и арабские страны Ближнего Востока начали поставки оружия для эритрейцев из Сирии и Южного Йемена через Красное море [15, р. 102].

Начавшаяся борьба Эритреи за независимость повлияла на политическую атмосферу на всем Африканском Роге. В 1974 году в Эфиопии произошел государственный переворот. Император Хайле Селассие I был свергнут, а американская и израильская военные миссии изгнаны пришедшим к власти Временным военно-административным советом (Дерг) во главе с полковником Менгисту Хайле Мариамом. Территория Эритреи в этих условиях стала местом сосредоточения антиправительственных группировок, которые в итоге в 1991 году способствовали падению режима Менгисту [13, р. 101]. В 1993 году, по результатам референдума, была провозглашена независимость Эритреи, однако напряжение в отношениях между Эритреей и Эфиопией не спало, чему в немалой степени способствовал неудачный опыт федерализации.

Анализ истории создания и распада эфиопо-эритрейской федерации позволяет выделить некоторые ценные уроки для понимания слабостей федерализма и предотвращения ошибок в построении федеративных государств:

1. До объединения в федерацию Эфиопия и Эритрея были «несообразными» субъектами: не равными по территории, численности населения, опыту независимости, экономической мощи. Формирование эффективных федеративных отношений между такими субъектами крайне затруднительно, так как неизбежно выделение «старшего брата» (более крупного, более населенного, более экономически развитого и политически опытного участника федерации) и «младшего брата», что нарушает баланс федеративных отношений и создает антагонизм между членами федерации. Примерами подобных ситуаций можно считать ФЭЭ, Сербию и Черногорию, Сенегамбию. Учитывая соотношение населения Эритреи и Эфиопии как примерно 1:20, эффективное функционирование федерального парламента по принципу равного представительства членов федерации представляется невозможным.

2. При образовании федерации следует учитывать религиозные и этнические различия между ее участниками. Наиболее успешные федерации характеризуются близостью языка, культуры и религии своих членов. ФЭЭ, напротив, подразумевал ассоциацию

христианской Эфиопии с Эритреей, где примерно половину населения составляли христиане-тигринья и мусульмане-тигре. В таких условиях религиозный фактор стал ключевым элементом местной идентичности (преобладание мусульман среди повстанцев, боровшихся за независимость Эритреи, в этом контексте не случайно). Зачастую религиозная принадлежность определяла отношение к федерации: среди христиан было много сторонников объединения с Эфиопией, среди мусульман – противников объединения. Культурные различия также были значительными: с 1890 года Эритреей управляла итальянская колониальная администрация, и к 1952 году значительная часть эритрейцев не ассоциировала себя с соседней Эфиопией ни в культурном, ни в языковом плане, поддерживая идею независимости.

3. Успеху ФЭЭ помешало отсутствие опыта федерализма у обеих ее членов и их неготовность к федеративным отношениям. Как отмечает И.Н. Ившина, «стартом для федерализации выступает возникающий к ней интерес со стороны различных социальных групп, который должен быть подкреплён идеологически на уровне профессионального и массового сознания [1, с. 122]. В случае с Эфиопией и Эритреей это условие соблюдено не было: идея федерации была чужда значительной части эфиопов и эритрейцев. В Эфиопии федерация с Эритреей многими воспринималась как временное явление и формальность, эритрейская политическая элита также не воспринимала всерьёз федеральное управление и автономию, не считаясь с мнением населения.

4. При создании ФЭЭ ключевую роль сыграли внешние акторы, но их участие стало в большей степени деструктивным фактором. Решение о создании федерации было принято Генеральной Ассамблеей ООН *извне*, вопреки указанным противоречиям между Эритреей и Эфиопией, в качестве компромиссной меры между стремлением Эритреи к независимости и желанием Эфиопии включить Эритрею в свой состав как провинцию. При этом усилий по поддержанию и защите федерализма внешние акторы не предприняли, что ускорило распад федерации.

5. Ключевым фактором распада ФЭЭ можно считать недостаток политической воли субъектов, которые были ответственны за ее существование. Под таковыми мы подразумеваем как внешних акторов, так и самих участников федерации, а под политической волей – убежденность в необходимости реализовывать взятые на себя обязательства. В наибольшей степени нежелание следовать официальным заявлениям было свойственно эфиопскому правительству, которое с самого начала существования федерации предпринимало шаги по ликвидации эритрейской автономии.

В целом опыт эфиопо-эритрейского федерализма иллюстрирует тезис о том, что навязывание федерализма «сверху» неэффективно, а федеративные отношения не следует рассматривать как альтернативу независимости, они должны быть результатом осознанного стремления равноправных субъектов к объединению. Только в таком случае федерация будет стабильной и эффективной.

Список литературы

1. Ившина И.Н. Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование. М., Юрлитинформ. 2014. С.328.
2. Ныгусие Кассе В.М. К вопросу об упразднении федерации Эритреи с Эфиопией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2006. №. 1. С. 83-88.
3. Bizioras N. The Genesis of the Modern Eritrean Struggle (1942–1961) // The Journal of the Middle East and Africa. 2013. Vol. 4 (1). Pp. 21-46.
4. Clapham C. Eritrean independence and the collapse of Ethiopian centralism: Causes, consequences and implications // Geopolitics and International Boundaries. The Journal of the National Committee on American Foreign Policy. 1996. Vol. 1 (2). Pp. 115-129.
5. Ellingson L. The Emergence of Political Parties in Eritrea, 1941–1950 // The Journal of African History. 1977. Vol. 18 (2). Pp. 261-281.
6. Foreign Relations of the U.S. 1961-1963. Vol. XXI. Washington, 1995. P. 599.
7. General Assembly Official Record: Third Session, Part II, Plenary Meetings. 5 April 1949. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (дата обращения: 11.06.2022).
8. General Assembly Official Record: Fifth Session, Plenary Meetings, 20 September – 10 December, 1949. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (дата обращения: 06.06.2022).
9. General Assembly Official Record: Fifth Session, Ad Hoc Political Committee, 27 November, 1950. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (дата обращения: 03.06.2022).
10. General Assembly Official Record: Fifth Session, Report of the United Nations Commission for Eritrea, Supplement № 8 (A/1285). 1950. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (дата обращения: 11.06.2022).
11. General Assembly Official Record: Fifth Session, Final Report of the United Nations Commissioner in Eritrea, Supplement № 15 (A/2188). 1952. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (дата обращения: 10.06.2022).
12. Haile S. The Origins and Demise of the Ethiopia-Eritrea Federation // A Journal of Opinion. 1987. Vol. 15. Pp. 9-17.

13. *Iyob R.* The Eritrean Struggle for Independence. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 198.
14. *Paul J.C.N., Clapham P.* Ethiopian Constitutional Development: A Sourcebook. Addis Ababa, 1972. P. 418.
15. *Legum C., Lee B.* Conflict in the Horn of Africa. London, 1977. P. 224.
16. *Negash T.* Eritrea and Ethiopia. The Federal Experience. Uppsala, 1977. P. 226.
17. *Schiller A.A.* Eritrea: Constitution and Federation with Ethiopia // The American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2 (3). Pp. 375-383.
18. *Sherman R.* Eritrea: The Unfinished Revolution. New York, 1980. P. 192.
19. *Spencer J.H.* Ethiopia at bay. A personal account of the Haile Selassie years. Algonac, 2006. P. 409.
20. *Trevaskis G.K.N.* Eritrea: A Colony in Transition, 1941-52. London : Oxford University Press, 1960. P. 288.

References

1. *Ivshina I.N.* Sozdanie federativnogo gosudarstva. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie. M., Yurlitinform. 2014. S. 328.
2. *Nyusie Kassae V.M.* K voprosu ob uprazhnenii federacii Eritrei s Efiopiej // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. № 1. S. 83-88.
3. *Biziouras N.* The Genesis of the Modern Eritrean Struggle (1942–1961) // The Journal of the Middle East and Africa. 2013. Vol. 4 (1). Pp. 21-46.
4. *Clapham C.* Eritrean independence and the collapse of Ethiopian centralism: Causes, consequences and implications // Geopolitics and International Boundaries. The Journal of the National Committee on American Foreign Policy. 1996. Vol. 1 (2). Pp. 115-129.
5. *Ellingson L.* The Emergence of Political Parties in Eritrea, 1941–1950 // The Journal of African History. 1977. Vol. 18 (2). Pp. 261-281.
6. Foreign Relations of the U.S. 1961-1963. Vol. XXI. Washington, 1995. S. 599.
7. General Assembly Official Record: Third Session, Part II, Plenary Meetings. 5 April 1949. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (data obrascheniya: 11.06.2022).
8. General Assembly Official Record: Fifth Session, Plenary Meetings, 20 September – 10 December, 1949. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (data obrascheniya: 06.06.2022).
9. General Assembly Official Record: Fifth Session, Ad Hoc Political Committee, 27 November, 1950. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (data obrascheniya: 03.06.2022).
10. General Assembly Official Record: Fifth Session, Report of the United Nations Commission for Eritrea, Supplement № 8 (A/1285). 1950. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (data obrascheniya: 11.06.2022).
11. General Assembly Official Record: Fifth Session, Final Report of the United Nations Commissioner in Eritrea, Supplement № 15 (A/2188). 1952. URL:<https://digitallibrary.un.org/record/> (data obrascheniya: 10.06.2022).
12. *Haile S.* The Origins and Demise of the Ethiopia-Eritrea Federation // A Journal of Opinion. 1987. Vol. 15. Pp. 9-17.
13. *Iyob R.* The Eritrean Struggle for Independence. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 198.
14. *Paul J.C.N., Clapham P.* Ethiopian Constitutional Development: A Sourcebook. Addis Ababa, 1972. P. 418.
15. *Legum C., Lee B.* Conflict in the Horn of Africa. London, 1977. P. 224.
16. *Negash T.* Eritrea and Ethiopia. The Federal Experience. Uppsala, 1977. P. 226.
17. *Schiller A.A.* Eritrea: Constitution and Federation with Ethiopia // The American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2 (3). Pp. 375-383.
18. *Sherman R.* Eritrea: The Unfinished Revolution. New York, 1980. 192 p.
19. *Spencer J.H.* Ethiopia at bay. A personal account of the Haile Selassie years. Algonac, 2006. P. 409.
20. *Trevaskis G.K.N.* Eritrea: A Colony in Transition, 1941-52. London : Oxford University Press, 1960. P. 288.

Олейник Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса,
Международный юридический институт, Москва,
oleynik.s.a@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье автором предпринята попытка проведения анализа норм действующего гражданского законодательства, регулирующего сделки, являющихся одним из основных институтов отрасли гражданского права. Предпринята попытка осмысления генезиса сделок, их значения в развитии современного общества. Автором сделаны обобщающие выводы о правовой природе сделки и о её основных характеристиках.

Ключевые слова: право, гражданское право, сделка, договор, общественные отношения, договорные отношения.

Sergey A. Oleynik,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure,
International Law Institute, Moscow,
oleynik.s.a@mail.ru

ON THE QUESTION OF SIGNIFICANCE TRANSACTIONS IN MODERN CIVIL LAW

Abstract. The presented article attempts to analyze the norms of the current civil legislation governing transactions, which is one of its main institutions. The article attempts to understand the genesis of transactions and their significance in the development of modern society. The author made generalizing conclusions about the legal nature of the transaction and its main characteristics.

Keywords: law, civil law, transaction, contract, public relations, contractual relations.

Как известно, гражданское право представляет собой систему внутренних и межотраслевых правовых норм, с помощью которых происходит регламентация общественных отношений в сфере имущественного и иного материального оборота, а также нематериальных благ. Эти нормы носят широкий и дифференцированный характер, и в виду складывания разнообразных правовых коллизий и жизненных обстоятельств тоже подвержены изменениям. Следовательно, все гражданские права и обязанности рождаются как итог правомерных осознанных действий организаций и граждан, выступающих субъектами хозяйственных отношений. Договорные отношения, являющиеся продуктом этого хозяйственного оборота, состоят в выполнении соответствующих обязательств и, стало быть, приводят к гражданско-правовым последствиям [11].

Сделки выступают ключевым и важнейшим инструментом договорных связей и отношений лиц, участвующих в решении имущественных вопросов. Не случайно они имеют разветвленный классификационный состав, свои особенности, достоинства и не-

достатки. Будучи изобретением человечества на самых ранних ступенях своего развития, сделки стали правовым регулятором отношений и быстро приобрели характер юридического факта.

В российской юридической литературе сложились различные подходы относительно понимания сделок и их толкования. Во второй половине XIX – начале XX века конструкция сделок получила детальное осмысление в трудах отечественных ученых-правоведов.

Среди них были такие известные авторы-цивилисты, как К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич, Е.В. Васильковский, Д.Д. Гримм, Д.И. Мейер, И.А. Покровский и иные.

В учебнике Е.В. Васильковского указывалось, что сделки представляют собой особые дозволенные правом действия, имеющие целью продуцировать различные осмысленные соглашения [7].

Анализ сделки Д.И. Мейером был схож с выше-рассмотренной позицией в том смысле, что на первый план он выделял в сделке основное целеполагание по поводу изменений сложившихся правовых

обыкновений [10]. Также и у профессора Г.Ф. Шершеневича подчеркнута позиция о выражении воли, состоящей в обоюдном согласии и влекущей за собой правовой продукт [12].

Цивилистика советского периода истории дала определенные конструктивные начала в теоретическом осмыслении сделки. Как полагал М.М. Агарков, понятие сделки не следует толковать в расширительном смысле, поскольку она связана не с фактом-действием вообще, а лишь с таким юридическим шагом, который может привести к благоприятному и ожидаемому итогу [2].

Диаметрально противоположную позицию выражал О.С. Иоффе, видевший в сделке дуализм выражения воли и подписания юридического акта [9]. У отдельных исследователей для сделки центральным фактором ее содержания выступает выражение воли её участников [3; 7]. В этом случае ученые в качестве субъективного элемента сделки указывали волю, а в качестве объективного элемента – выражение этой самой воли, то есть волеизъявление. В отдельных трудах указывается, что сделкой осуществляется стремление субъектов добиться правовых результатов, которые экстраполируются во внешнюю среду [4]. Но так происходит не всегда. Например, имеют место противозаконные деяния лиц, которые хотя и приводят к правовым результатам, но сделками являться не могут. В настоящее время в науке гражданского права приоритетными являются научные позиции о сделках и их недействительности, среди которых мы выделим работу В.А. Белова. В его дефиниции в сделке центральную роль играет результат, достигаемый частными субъектами на основе закона. При этом на достижение этих юридических последствий и направлен смысл сделки [5].

Интересен и социолого-правовой подход на содержание сделки. В этом подходе сделка выступает в качестве шага к волевому взаимодействию, но это – более узкая трактовка. Волевой акт охватывает существенно более широкий круг сознательных действий. Сделка является разновидностью такого действия с одной лишь спецификой. По причине правового содержания сделки она, как и законодательный акт, содержит в себе правовую норму. Автор статьи считает, что можно признать данную систему «идеально-нормативным порядком», своеобразной программой и даже регламентом.

У профессора Е.В. Голобородкиной понятие сделки также связано с выражением воли и заключением самостоятельного юридического документа, который является результатом действий дееспособных к совершению сделки лиц. И в этом случае целеполагание сделки может быть сведено к фокусированию гражданско-правовых последствий, которые необходимо осуществить.

Однако относительно правомерности сделки ряд авторитетных российских специалистов выражают другую точку зрения. Они считают ее лишь факультативной характеристикой сделки, а не основной [6]. Она подтверждает реальность взаимных стремлений субъектов, чем обуславливает наличие юридического факта. Только в таком случае стороны вправе ожидать наступления позитивных правовых последствий. Как полагает З.А. Бейтуллаева [4], с которой мы согласны, в ст. 153 ГК РФ допущен ряд погрешностей. Ведь норма статьи не охватывает действия иных субъектов гражданско-правовых отношений, кроме граждан и юридических лиц.

Смысловая трактовка сделок должна исходить из узкого и широкого их понимания. Узкий подход наделяет сделку правомерным содержанием, которое детерминировано содержанием нормативно-правовых актов и, соответственно, им подчинено. В этом сделка отлична от противозаконных действий, которыми являются деликты (гл. 59 ГК РФ). Помимо этого, главой 60 ГК РФ введен в оборот институт неосновательного обогащения, содержание которого тоже является неправомерным. Правда, последнее имеет такую юридическую трактовку в том лишь случае, когда это обогащение возникает в результате действий со стороны субъекта гражданского права. Недействительной сделка объявляется тогда, когда ее содержание противоречит нормативному закреплению. Последствия такой ситуации весьма вариативны и регламентируются положением § 2 гл. 9 ГК РФ [1].

Как указывает п. 2 ст. 1 ГК РФ, оформление сделок между субъектами гражданских правоотношений происходит добровольно с учетом воли и интересов каждой из сторон. Однако в ряде случаев закон санкционирует принудительный способ совершения сделки. Например, принуждение допустимо при заключении контракта, в котором предусмотрен обязательный порядок. Информация об этом содержится в ст. 445 ГК РФ и примечании к ней. Отдельный случай представляет собой заключение сделки через представителя. В такой ситуации, поскольку представитель тоже выступает участником сделки (гл. 10 ГК РФ), его воля принимает участие в оформлении сделки. Имеются также нормы, которыми установлен порядок заключения сделок в чужом интересе.

Во всех разновидностях сделок их центральным элементом выступает действие. Ведь бездействие не может придать нужного импульса желанию сторон, воле и интересам.

Пожалуй, на втором месте по своей законодательной значимости числится такой признак, как правомерность действия. Этот акцент обязателен, в противном случае действительность сделки оказывается под угрозой. Ведь элемент неправомерности неизбежно ударяет по правам участников гражданского

оборота, поскольку искажает или открыто нарушает их интересы.

Широкий подход, которым оперируют правоведы в отношении сделки, базируется на ее понимании в качестве автономного института гражданского права. В этом смысле сделку рационально отделять от нормативных документов государственных институтов и муниципальных органов. Они, как известно, тоже закреплены правовой нормой как основание для возникновения гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 8 ГК РФ) [3].

В этой связи сделка выполняет функцию регулятора взаимоотношений между гражданско-правовыми субъектами. От сделок, при условии их законности, субъекты вправе ожидать положительный (в формальном и материальном смыслах) юридический результат. Волевоому акту в сделке придает легитимность и осуществимость факт дееспособности.

В ряде случаев некоторые сделки предполагают ограничение дееспособности субъектов, их совершающих. В связи с этим сделки следует считать таким правовым инструментарием, с помощью которого определяется объем прав и обязанностей у самостоятельных и равноправных лиц – субъектов права.

Важно, что в сделке требуется достижение правовой цели, имеющей обоюдный характер. Однако это не так просто. Ведь для этого требуется, чтобы сделки отвечали требованию действительности, являющемуся важнейшим и принципиальным условием.

Роль сделки в современном правовом пространстве огромна. Видимо, этим можно объяснить ту известную долю вольности, которая допущена законодателем в ее отношении. В правовой практике получил достаточное распространение институт свободы сделок, что опять же указывает на предоставленные им преференции и вариативность регулирования. В то же время, какой бы степенью свободы не сопровождалось их регулирование, нельзя не учитывать и высокую степень защиты прав человека в правовом государстве.

Сделки посягать на нее не могут. Соответственно, в интересах лиц появилось выделение в структуре недействительных сделок – оспоримых и ничтожных их разновидностей. Они угрожают договорной дисциплине, способны нарушить права как участников конкретной сделки, так и интересы третьих лиц, непосредственно со сделкой не связанных. В дополнение скажем, что такие сделки препятствуют достижению цели, делают абсурдными ее правовые итоги.

Одним из главных критериев оценки действительности сделки выступает ее структура, состоящая из обязательных частей. Ключевыми и неизменными составными частями являются как сами ее субъекты, а также их воля и волеизъявление, так и форма сделочных отношений. Последняя состоит из содержания, договорных условий и сроков их исполнения.

Формы сделок, как и способы их заключения, имеют достаточную вариативность. Ст. 158 ГК РФ закрепила в качестве наиболее распространенного варианта заключения сделок прямое волеизъявление. Оно реализуется письменным или вербальным путем с нотариальным участием или без него. Также сделки могут быть заключены конклюдентно и даже пассивно (то есть посредством молчания). Поскольку сделка, в первую очередь, представляет собой трансляцию воли, то ее форму следует рассматривать не иначе как способ материализации, воплощения воли субъектов в действительность.

Многие юристы сегодня подчеркивают, что вербальная форма выражения сделки безвозвратно устарела, она трудна для сторон в доказывании, поскольку не оставляет после себя никакого формального следа. Поэтому приоритет отдается сделкам, совершаемым письменно. Таким способом нет проблем удостоверить наличие юридического факта в суде. Кроме того, наличие документа открывает возможность его нотариального удостоверения, чего нельзя сказать об устных договоренностях.

В нотариальную контору сегодня обращается все большее число граждан, желающих дополнительно обезопасить себя от возможных проблем. Ведь удостоверенная нотариусом сделка будет служить весомым аргументом в суде в случае возникших между сторонами неразрешимых противоречий. К тому же нотариус при совершении требуемой процедуры комментирует сторонам их права и обязанности, что в условиях низкой правовой грамотности населения невозможно переоценить.

Воля также выступает принципиальным элементом в заключении сделки, поскольку от нее зависит ее действительность. При этом между волей и волеизъявлением субъекта должно быть соответствие, равенство (паритет). В противном случае говорить о свободе действия лица при совершении сделки не представляется возможным. Здесь уже можно будет заподозрить наличие принудительного режима действий.

В отличие от воли присутствующие в сделке сроки выступают лишь факультативным признаком. Однако, если в договоре стороны на них сделали особый акцент, то их игнорирование при исполнении обязательств будет неизменно сопряжено с наступлением неблагоприятных последствий.

Какой бы ни была специфика сделок в гражданском обороте, бессмысленно опровергать их важную роль в этом процессе. Именно сделки приводят в оборот всю совокупность благ материального и нематериального характера. Сделками наполнены вся жизнь и весь быт человека; невозможно представить без сделок формат рыночных отношений.

При этом, не только физические и юридические лица, но и публично-правовые образования выступа-

ют субъектами участия в сделках. С учётом этих обстоятельств крайне важно, чтобы их реализация происходила в условиях неукоснительного соблюдения и обоюдных интересов, и законодательных требований [8].

Таким образом, значимость гражданско-правовых сделок в процессе возникновения материальных правоотношений невозможно опровергнуть. При этом, не всегда речь идёт исключительно о двухсторонних способах удовлетворения имущественных интересов. Ведь сделки бывают не только двусторонние, но и односторонние. Несмотря на действие одностороннего характера материальный эффект от такой сделки зачастую имеет весьма значительные показатели.

Следует учитывать, что гражданское законодательство не содержит исчерпывающий перечень возможных к заключению сделок, да и не преследует такой цели. В этом вопросе только субъекты права способны определить тот формат, который наиболее приемлем для них в смысле достижения взаимных интересов.

В наше время все большее количество вариаций сделок выходят за пределы регулирования гражданским законодательством. Однако все они носят легитимный характер в силу своего непротиворечия ему, а также соответствия общим началам и духу гражданского права, славящегося диспозитивностью своих норм (п. 1 ст. 8 ГК РФ). Например, в последнее

время весьма современной и распространенной практикой стало «производство» смешанных договоров, конструкция которых представляет собой диффузию нескольких гражданско-правовых сделок.

В интересах рыночной экономики эволюции подверглись и бывшие до этого устойчивыми представления о формах и содержании сделок. Например, все большую практику получает ситуация, когда стороны письменно обмениваются информацией о намерениях заключить договор. С точки зрения правоприменения, эти действия сегодня расцениваются как этап переговорного процесса, устанавливающий права и обязанности сторон будущего договора.

Итак, сделка в любом случае представляет собой активные действия субъектов права, в основу которых положен элемент ярко выраженной воли и рациональные способы реализовать эту волю.

Таким образом, для выработки исчерпывающего понимания сущностного содержания сделки следует аккумулировать внимание на совокупность ее принципиальных характеристик. Во-первых, сделка – это взаимодействие лиц, осуществляемое на принципах свободы воли и свободного волеизъявления. Во-вторых, сделка – это действие субъектов, наделённое высокой степенью правомерности с точки зрения государства и легитимности с точки зрения общественной оценки. Сделка преследует целью образовать, видоизменить или прекратить гражданское правоотношение.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в действ. ред.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 11. Ст. 1698.
2. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3-4. С. 47-48.
3. Аракелян Л.К., Загитова Г.С., Хованская А.И. Понятие и признаки сделок // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 16. С. 676.
4. Бейтуллаева З.А. Правовая сущность и соотношение понятий «сделка» и «договор» // Современное право. 2008. № 12. С. 85.
5. Белов В.А. Гражданское право: учебник / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2015. – 1093 с.
6. Брагинский М.И. Сделки: понятие, виды и формы (комментарий к новому ГК РФ). М.: Инфра-М, 1995.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 2-е изд. Кн. первая. М.: Зерцало, 2005.
8. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2003. – 382 с.
9. Гражданское право / ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК-Велби, 2001. С. 89.
10. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: учебник / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – 518 с.
11. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 2-е, испр. / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
12. Олейник С.А., Чмеленко И.А. Государственные и муниципальные образования как самостоятельные участники гражданских правоотношений // Закон и власть. – 2020. – № 2. – С. 56-58. – EDN UTMNVE.
13. Шершеневич Г.Ф. Гражданское право: учебник. – М.: Статут, 2005. – 294 с.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 № 51-FZ (as amended) // SZ RF. 1994. № 32. Art. 3301; 2021. № 11. Art. 1698.
2. Agarkov M.M. The concept of a transaction under Soviet civil law // Soviet State and Law. 1946. № 3-4. Pp. 47-48.
3. Arakelyan L.K., Zagitova G.S., Khovanskaya A.I. Concept and signs of transactions // Alley of Science. 2017. T. 4. № 16. P. 676.
4. Beytullaeva Z.A. Legal essence and relationship between the concepts of "transaction" and "agreement" // Modern law. 2008. № 12. P. 85.

5. *Belov V.A.* Civil law: textbook / V.A. Belov. - M.: Yurayt, 2015. – 1093 p.
6. *Braginsky M.I.* Transactions: concept, types and forms (commentary to the new Civil Code of the Russian Federation). M.: Infra-M, 1995.
7. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contract law. General provisions. 2nd ed. Book first. M.: Mirror, 2005.
8. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil law. – M.: Statute, 2003. – 382 p.
9. Civil law / ed. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstoy. M.: TK-Velby, 2001. P. 89.
10. *Ioffe O.S.* Selected works on civil law: textbook / O.S. Ioffe. - M.: Statute, 2000. – 518 p.
11. *Meyer D.I.* Russian civil law (2 parts). Based on the corrected and expanded 8th ed., 1902. Ed. 2nd, rev. / D.I. Meyer. – M.: Statute, 2000. – 831 p.
12. *Oleynik S.A., Chmelenko I.A.* State and municipal entities as independent participants in civil legal relations // Law and power. – 2020. – № 2. – P. 56-58. – EDN UTMNVF.
13. *Shershenevich G.F.* Civil law: textbook. - M.: Statute, 2005. – 294 p.

Румянцев Михаил Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт Деловой карьеры; руководитель департамента юриспруденции, Московский институт современного академического образования, Москва,
mikrumjancev@rambler.ru

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, член-корреспондент РАН, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры; доцент кафедры Частного права, директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва,
nauka@ideka.ru

ГРАНИЦЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются пределы регулирования общественных отношений государством. Приводится понятие и характерные признаки саморегулируемых отношений. Основанием для разграничения нуждающихся в государственном регулировании отношений и саморегулируемых служит потребность в правовом регулировании. Авторы подчеркивают, что она носит оценочный характер. Саморегулируемые общественные отношения представляют собой самый нижний уровень человеческих отношений, складывающийся между людьми в ходе их жизнедеятельности. Некоторые из этих отношений самопроизвольно возникают и также естественным путем прекращаются. Но некоторая, наиболее удачная форма отношений закрепляется в определенном коллективе или социальной группе и может протекать достаточно длительное время. Государство, устанавливая пределы саморегулирования, определяет границы правомерного действия этих отношений.

Ключевые слова: государство, саморегулируемые отношения, правовое регулирование, потребность, уровень, общественные отношения, жизнедеятельность, коллектив, социальная группа, пределы.

Mikhail B. Rumyantsev,

Ph.D of Juridical Science, Associate Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of business career; Head of the Department of Jurisprudence, Moscow Institute of Modern Academic Education, Moscow,
mikrumjancev@rambler.ru

Pavel O. Milov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Corresponding member of the RANS, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career; Associate Professor at the Department of Private Law, Director of the editorial and publishing house, Russian New University, Moscow,
nauka@ideka.ru

THE BOUNDARIES OF SELF-REGULATION OF PUBLIC RELATIONS AND STATE LEGAL REGULATION

Abstract. There are limits of public relationships state regulation considered in the paper. A term and main fingerprints of the self-regulated relationships are advanced. The legal regulation need is used as a background to differentiate the public relationships to be regulated by state and self-regulated ones. The legal regulation need is highlighted to have estimative character. The self-regulated public relationships are the lowest level of human relationships formed among people during their activity of daily living. Some relationships appear of their own accord and stop in natural manner. However, several most favorable forms come into the force in certain collective or social group and can persist during a long time. The state establishes the legal regulation limits and determines the area of regulation observance.

Keywords: state, self-regulated relationships, legal regulation, need, level, public relationships, living activities, collective, social group, limits.

Общественные отношения в основном формируются стихийно под воздействием постоянно меняющихся социально-экономических, политических, культурных и других процессов. Предпосылкой создания норм права является познание тех условий, факторов и обстоятельств развивающихся общественных отношений, правовое регулирование которых диктуется нуждами социального прогресса. Лишь после того, как осознаны потребности и цели правового регулирования тех или иных отношений, осуществляется переход от познания к деятельности [10], направленной на их упорядочение, придание нормативного характера. При этом субъект правотворчества учитывает социальное значение и сферу действия сложившихся общественных отношений, их фактическое воздействие на взаимоотношения людей, изучает возможность и необходимость правового регулирования.

Те или иные общественные отношения возникают и развиваются в самых различных группах, коллективах и общностях людей и, как правило, в этот момент не нуждаются в государственном правовом регулировании. В первую очередь потому, что эти отношения затрагивают достаточно ограниченный круг лиц, на которых распространяется их воздействие, и, во-вторых, – в силу многообразия таких сообществ, функционирующих по своим правилам, что исключает реальную возможность государственного регулирования таких отношений.

В силу этого возникает дилемма: как определить границу между саморегулирующимися общественными отношениями и теми, которые требуют своего упорядочения в результате правотворческих решений государственных органов? Это очень важный вопрос, поскольку общественные отношения, объективно нуждающиеся в правовом регулировании, но фактически не получившие его, приводят к дезорганизации общественной жизни, порождая хаос и произвол, а «если отношения объективно не нуждаются в правовом регулировании, но фактически получили его, то это означает, что государство излишне вмешивается в межличностные отношения, не оставляя личности пространства для самовыражения и саморегулирования» [9].

Основанием для разграничения саморегулируемых общественных отношений и тех, которые нуждаются в урегулировании нормами права, по мнению ученых, является потребность [6] конкретных сложившихся отношений в их нормировании, переводе в русло государственного воздействия с целью повышения эффективности функционирования данных отношений.

Более точны в своих высказываниях Н.А. Придворов и В.В. Трофимов. По их мнению, разделение общественных отношений на нуждающиеся в право-

вом нормировании и не нуждающиеся в нем определяется по потребности защиты социально полезных интересов, «которые не могут воплотиться в определенные действия и, соответственно, реализоваться в цели лишь на основе аксиологической модели (например, на основе моральной оценки), для них необходима более четкая формально-юридическая граница, позволяющая определить управомоченное и обязанное лицо относительно объекта удовлетворения данного интереса» [8].

Такая оценка является правильной, хотя и сужает круг оснований, по которым проходит граница между саморегулированием общественных отношений и их нормативным закреплением.

При выработке правотворческих решений в ходе правового регулирования общественных отношений субъекты правотворчества (каждый на своем уровне) руководствуются прежде всего задачами, стоящими перед государством в целом, регионом, муниципальным образованием или локальной организацией. Правовое регулирование осуществляется (во всяком случае должно осуществляться) не только для урегулирования уже существующих сложившихся общественных отношений, но и с целью побуждения (или даже принуждения) к возникновению определенных полезных для общества и конкретных физических и юридических лиц отношений. Норма права должна быть обращена не в прошлое, а в будущее. Она должна стимулировать лиц, кому адресована, формировать такие отношения, которые несут в себе потенциал общественного развития, экономического, политического, социального и культурного процветания.

Отдельные авторы употребляют термин «опережающее правотворчество», указывают, что это может спровоцировать «нежелательные социальные процессы». Однако правотворчество не может не учитывать тенденции общественного развития и отражать их в правотворческих документах [11].

Это хорошо видно на таких примерах правового регулирования общественных отношений, как законодательство, поощряющее рождаемость, обеспечивающее поддержку малого и среднего бизнеса в период пандемии коронавируса, регулирующее деятельность банков в период экономических кризисов, закрепляющее строгие меры по охране природы и окружающей среды и т. д. Здесь мы видим, что правовые меры направлены на упреждение тех или иных нежелательных последствий. Очевидно, что и без указанных мер государственного регулирования складывающихся негативных явлений общество преодолело бы возникшие трудности, но в аспекте долгосрочного развития несомненно правильным является разработка и принятие нормативной базы, направленной на смягчение возможных отрицательных последствий.

Кроме того, по справедливому мнению М.А. Матвеевой, «правотворчество как внешний регулятор необходимо, там, где внутренний потенциал саморегулирующейся системы оказывается исчерпанным или недостаточным для стабилизации и порядка» [3]. Из этого выходит, что саморегулирование исключается в тех случаях, когда существует потребность в государственном правовом регулировании, выявленная в ходе изучения определенной группы общественных отношений, и когда государство формирует в нормах права определенные правила поведения с целью упреждения возможных (реальных или гипотетических) угроз.

Любые общественные отношения нуждаются в регулировании социальными нормами. Но в тех случаях, когда это происходит без участия государства, в их регулировании такой формат функционирования общественных отношений принято называть саморегулированием. Очевидно, что степень свободы личности в выборе вариантов своего поведения при саморегулировании является наиболее комфортной. Межличностные отношения при этом регулируются нормами морали, обычаев, традициями или правилами, разработанными на уровне определенной конкретной общности людей (производственный коллектив, объединение граждан по интересам, общественная организация и т. д.).

В юридической науке главным отличительным признаком общественных отношений, относящимся к саморегулируемым, признается факт отсутствия у них потребности в регулировании нормами, выработанными государственными органами. И это действительно соответствует устоявшемуся мнению большинства ученых, исследующих проблему правового регулирования общественных отношений [4]. Но понятие «потребность» носит оценочный характер и поэтому не имеет (и не может иметь) однозначного понимания. Взять хотя бы проблему правильного выбора уровня правового регулирования. Выявленную потребность можно урегулировать нормами права в масштабах государства, субъекта федерации, муниципалитета. Поэтому возникают вопросы: какой государственный орган обязан издавать норму права? Она должна быть выражена в форме закона или подзаконного акта? Ответы на данные вопросы можно получить только в результате большой исследовательской, аналитической работы, которую обязан осуществить субъект правотворчества. Но фактически глубокой исследовательской работы при издании нормативных правовых актов не проводится. Субъект, обладающий правом законодательной инициативы, обязан представить готовый законопроект с обоснованием его необходимости. А проекты подзаконных нормативных правовых актов разрабатываются соответствующими субъектами правотворчества по

поручению Правительства РФ. Они тоже, как правило, специального исследования возникшей проблемы правового регулирования общественных отношений своего уровня не проводят. И в первом, и во втором случаях потребность общественных отношений в правовом регулировании определяется достаточно субъективно, на «глазок», без глубокого изучения всех сопутствующих данным общественным отношениям социальных, экономических, политических и культурных процессов и по существу без учета тех возможных последствий, которые могут наступить в результате действия предложенного законопроекта или другого нормативного правового акта. Законодательно эта деятельность субъекта правотворчества не урегулирована.

Субъект правотворчества в первую очередь должен определить относятся ли данные общественные отношения к числу саморегулируемых и только после этого решать вопрос, имеется ли у них потребность именно в государственном регулировании. Безусловно, под воздействием меняющихся условий, протекающих в обществе, те или иные саморегулируемые отношения могут получить потребность в их государственном нормировании, что соответствует всякому естественному диалектическому развитию социальных процессов. Вместе с тем потребность в правовом регулировании общественных отношений возникает не только в связи с ее обнаружением в ходе специальных исследований, но и по другим причинам. Например, в связи с необходимостью конкретизации законодательной нормы подзаконным актом. Следовательно, в таких случаях речь идет не о саморегулируемых общественных отношениях, а о функционирующих правоотношениях, нуждающихся в уточнении их правового содержания. Субъект правотворчества должен точно знать, какие общественные отношения ему предстоит урегулировать нормами права и в каких именно границах.

Саморегулируемые общественные отношения имеют следующие признаки:

1. Они представляют собой самый нижний уровень человеческих отношений, складывающийся между людьми в ходе их жизнедеятельности. Некоторые из этих отношений самопроизвольно возникают и также естественным путем прекращаются. Но некоторая, наиболее удачная форма отношений, закрепляется в определенном коллективе или социальной группе и может протекать достаточно длительное время. Собственно говоря, именно на таком уровне первоначально возникают любые общественные отношения, которые впоследствии (при их широком распространении в масштабах страны) находят свое закрепление в нормативных правовых актах государства (либо субъектов федерации и муниципалитетов).

Как справедливо отмечается в юридической литературе: «история человечества определяется едиными универсальными законами и все народы в своем историческом развитии идут одинаковыми путями» [1]. Любая социальная группа людей либо коллектив, связанный определенной деятельностью, стремится к самоорганизации, упорядочению своих взаимоотношений. Это вытекает из естественной необходимости наиболее эффективно устроить свой быт, свою трудовую деятельность, свои семейные отношения.

Процессы самоорганизации взаимоотношений между людьми в первичных ячейках (коллективах, группах, населённых пунктах и т. д.) общественного организма современного мира протекают так же стихийно и непрерывно, как это было и в древние времена. Поэтому, если мы имеем в виду самоорганизующиеся общественные отношения, то должны понимать, что такие отношения складываются только в социализированных группах людей, связанных между собой каким-то общим интересом. Самоорганизации между различными коллективами и группами людей уже не происходит, поскольку нужен внешний фактор их объединения.

2. Саморегулируемые общественные отношения обладают такой особенностью, что их невозможно урегулировать нормами права, идущими от государства, в силу многообразия форм (связей), неопределенности действия во времени, а также неясности территориального распространения. Но эти отношения порождают свои правила упорядочения, либо протекают в соответствии с социальными нормами (правила морального поведения, обычаи, традиции), либо нормами локального правотворчества. Локальное правотворчество, будучи обособленной сферой правового регулирования, занимает свою нишу в системе правотворчества, которую невозможно заменить какой-либо иной, и без которой невозможно представить завершенность правового регулирования нижнего (основного) уровня общественных отношений, протекающих в трудовых, общественных, кооперативных, образовательных, корпоративных и в других структурных организациях и коллективах. В связи с этим саморегулируемые общественные отношения функционируют без проблем, а лица, участвующие в реализации таких отношений, чувствуют себя более комфортно, чем в рамках установленных государством правоотношений, поскольку действуют добровольно, а не по принуждению государства, исполняя его предписания.

3. Саморегулируемые общественные отношения не находятся в противоречии с действующим законодательством. Они допускаются государством как первоначальный этап упорядочения постоянно возникающих и меняющихся под воздействием соци-

альной среды отношений. Эти отношения либо постепенно принимают стабильный характер в силу того, что функционируют по присущим им правилам, а также по устоявшимся правилам морали, обычаев, традиций или локальным нормам, либо исчезают в силу их ограниченного распространения. К тому же локальное правотворчество «осуществляется в соответствии и во исполнение положений нормативных правовых актов законодательного и общегосударственного подзаконного уровней» [12]. Таким образом, саморегулирование общественных отношений – это не пробел правового регулирования, а определённый этап их пребывания в социальной действительности, когда они заявляют о своем рождении, и пока остается непонятно, какого значения и какого уровня они могут достичь. В дальнейшем, когда определенная группа саморегулируемых общественных отношений займет место важного регулятора жизнедеятельности людей, и возникнет объективная потребность закрепления в нормах права, их статус будет изменен, и таким отношениям государство придаст нормированный характер.

4. Саморегулируемые общественные отношения нуждаются в осуществлении государственного контроля за их функционированием. Саморегулирование – это естественный самопроизвольный процесс. Определенный порядок взаимоотношений между людьми возникает самопроизвольно и протекает в рамках стихийных процессов, в ходе которых апробируются различные варианты приемлемого для участников этих отношений поведения. Естественно, что государство контролировать зарождающиеся и постепенно формирующиеся общественные отношения не может, хотя прогнозировать и отслеживать свои прогнозы, по нашему мнению, обязано.

Вместе с тем государство контролирует эффективность правового регулирования общественных отношений, то есть тех отношений, которые само установило. В ходе такого контроля могут быть выявлены сбои саморегулирования общественных отношений, что обуславливает необходимость вмешательства государства с целью упорядочения малоэффективных установившихся отношений и придание им нового потенциала развития с помощью нормативного регулирования. В каждом конкретном случае должно проводиться тщательное изучение эффективности саморегулирования и выявления точных причин необходимости перевода его на путь нормативного регулирования.

5. Важным признаком саморегулируемых общественных отношений является их психологическая восприимчивость всеми участниками таких отношений. Это объясняется тем, что данные отношения возникли стихийно, без участия государства, и поэтому все участники воспринимают их как естественный

процесс развития взаимоотношений между ними на новом социально-экономическом или культурном уровне. Поскольку нет установленных государством нормативных предписаний, то каждый участник саморегулируемых отношений действует по своему усмотрению, выбирая выгодную ему линию поведения. Результатом такого выбора может быть наступление положительных достижений в семейном бюджете либо в предпринимательской деятельности. Конкретное лицо может добиваться большего успеха в жизни за счет своего таланта, работоспособности, умения сотрудничать с партнером и т. д.

Кроме того, психологически важно и то, что государство участников саморегулируемых отношений не оставляет без своей защиты и поддержки. В случае, если возникает необходимость, любое лицо может обратиться в государственный компетентный орган для защиты своих интересов и законных прав.

Таким образом, критериями отнесения саморегулируемых общественных отношений к числу тех, которые нуждаются именно в государственном нормативном закреплении являются следующие признаки:

- 1) данные отношения относятся к числу саморегулируемых;
- 2) они имеют объективную потребность в нормировании, что повысит эффективность их функционирования;
- 3) эти саморегулируемые отношения не требуют локального или муниципального правового регулирования;
- 4) перевод саморегулируемых общественных отношений на нормативное функционирование потенциально возможно в рамках определённой отрасли права.

Подводя итог рассматриваемого вопроса, можно сделать следующие выводы:

1. Саморегулирование в основном распространяется на неформализованные общественные отношения.
2. Саморегулирование общественных отношений – это важный способ упорядочения их функционирования на самом нижнем (основном) уровне социальных отношений. Изменение значимости таких отношений обуславливает необходимость их регулирования государством с помощью норм позитивного права. Для установления объективной потребности таких общественных отношений в государственном регулировании следует первоначально определить их принадлежность к саморегулируемым отношениям, что позволяет правильно выявить границу

(предел) предполагаемого регулирования, поскольку большинство общественных отношений можно урегулировать нормами права, а некоторые исключительно только нормами права. Однако, если саморегулирование в той или иной сфере общественных отношений является эффективным, то вмешательство государства в таком случае нежелательно, поскольку оно может повлиять на их свободное функционирование, что приведет к обратному результату.

3. Государство, устанавливая границы саморегулирования, тем самым определяет пределы правомерного действия стихийных общественных отношений, очерчивает пространство, где они зарождаются, развиваются, отсеиваются или приживаются в качестве удачных образцов взаимодействия между людьми. Это своеобразный испытательный полигон различных вариантов образования и прекращения социальных связей, нерегулируемый действующий механизм выработки и апробирования на качественную пригодность общественных отношений для их дальнейшего использования в правовом регулировании.

4. Саморегулируемые общественные отношения контролируются государством, признаются им в качестве самого нижнего слоя функционирования возникающих и непрерывно изменяющихся связей между людьми, что создает предпосылки, в случае необходимости, их нормативного закрепления. В связи с этим субъекты саморегулируемых общественных отношений находятся под защитой государства, хотя эти отношения и не носят правовой характер.

5. В конечном счёте граница между саморегулируемыми общественными отношениями и отношениями, функционирующими под воздействием норм права, определяется их:

- социальной и публичной значимостью;
- невозможностью достижения субъектом таких отношений своих интересов без нормативных предписаний;
- необходимостью обеспечения реализации с помощью мер принуждения со стороны государства;
- потребностью закрепления четких тенденций дальнейшего развития этих отношений;
- широкой распространенностью в масштабах страны при наличии региональных особенностей, либо в пределах региона или определенной местности (муниципального образования);
- природой, в силу которой они изначально нуждаются исключительно в государственном правовом регулировании, когда саморегулирование не допускается (в сфере публичных отношений).

Список литературы

1. Артемова О.Ю. Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика: сб. ст. (Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера): Сост. и отв. ред. В.А. Попов. – СПб., 2000. – С. 25.

2. Белоусов С.А. Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи // Вестник ВГУ. – 2015. – № 1. – С. 64.
3. Матвеева М.А. Теория правотворчества: методологические и концептуальные аспекты. Дис. к.ю.н. – М., 2017. – С. 61.
4. Монахова Ю.В. Правотворческая деятельность в современном российском обществе (теоретический анализ). – М., 2005. – С. 50-51.
5. Мурашко С.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность. Дис. д.ю.н. – М., 2019. – С. 83.
6. Научные основы советского правотворчества. Под ред. Р.О. Халфиной. – М., 1981. – С. 17.
7. Парламентское право России: учеб. пособие / Под ред. И.М. Степанова, Т.Я. Хабриевой. – М., 1999. – С. 392.
8. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М. : Норма, 2016. – С. 204.
9. Соловьев С.Г. Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 1 (15). – С. 49.
10. Ширяев Ю.Е. Современное понятие и сущность правотворчества и законотворчества // Человеческий капитал. – 2012. – № 3 (39). – С. 86.
11. Куксин И.Н., Каминская Е.А. О некоторых проблемах предпроектного этапа муниципального правотворческого процесса // Вестник МГПУ Консультант-плюс.
12. Кириленко И.С. Локальное правотворчество в современных условиях правового регулирования: вопросы теории и практики // Современное право. – 2014. – № 3. – С. 11.

References

1. Artemova O.Yu. Early forms of social organization: genesis, functioning, historical dynamics: Collection of articles (Russian Academy of Sciences, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera): Comp. and ed. V.A. Popov. – St. Petersburg, 2000. – P. 25.
2. Belousov S.A. Lawmaking and legislative imbalance: dialectics of interrelation // Bulletin of VSU. – 2015. – № 1. – P. 64.
3. Matveeva M.A. Theory of lawmaking: methodological and conceptual aspects. Dis. Candidate of Law, M., 2017. – P. 61.
4. Monakhova Yu.V. Law-making activity in modern Russian society (theoretical analysis). – M., 2005. – P. 50-51.
5. Murashko S.O. Axiological dimension of the process of legal education: history and modernity. Dis. D.yu.n. – M., 2019. – P. 83.
6. Scientific foundations of Soviet law-making. Edited by R.O. Khalfan. – M., 1981. – P. 17.
7. Parliamentary Law of Russia: studies. stipend / Edited by I.M. Stepanov, T.Ya. Khabrieva. – M., 1999. – P. 392.
8. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. Legal education and law-forming factors in law. – M. : Norm, 2016. – P. 204.
9. Soloviev S.G. The concept of the subject of legal regulation and its relationship with another legal categories // Bulletin of the Perm University. – 2012. – № 1 (15). – P. 49.
10. Shiryayev Yu.E. Modern concept and essence of lawmaking and lawmaking // Human capital. – 2012. – № 3 (39). – P. 86.
11. Kuksin I.N., Kaminskaya E.A. About some problems of the pre-project stage of the municipal law-making process // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University Consultant-plus.
12. Kirilenko I.S. Local law-making in modern conditions of the legal regulation: issues of theory and practice // Modern Law. – 2014. – № 3. P. 11.

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА С ВЕЛОСИПЕДОМ

Аннотация. Постоянно растущий спрос на транспорт и необходимость перевозить как людей, так и товары привели к увеличению загруженности дорожно-транспортных сетей. В результате чего увеличивается и количество серьезных дорожно-транспортных происшествий. Из общего числа дорожно-транспортных происшествий значительный рост был зарегистрирован среди велосипедистов: в 2022 году – 13,9 % от общего числа транспортных средств, попавших в дорожно-транспортные происшествия, по сравнению с 6,6 % в 2010 году. Настоящая статья основана на тщательном анализе кинематических и динамических параметров в случае столкновения транспортного средства с велосипедом. Чтобы изучить тип столкновения транспортного средства с велосипедом, мы провели сравнительный анализ в отношении расстояния, на которое отбрасывается велосипедист после столкновения, изменения скорости транспортного средства и велосипеда, изменения скорости в области головы велосипедиста, а также изменения ускорения на транспортном средстве, велосипеде и в области головы велосипедиста. Следовательно, мы моделировали столкновение транспортного средства с велосипедом для двух различных случаев: лобовое столкновение транспортного средства с велосипедом сзади и лобовое столкновение транспортного средства с велосипедом спереди. Основываясь на результатах, полученных после моделирования столкновения транспортного средства с велосипедом, для двух различных случаев, а именно лобового столкновения транспортного средства с велосипедом сзади и лобового столкновения транспортного средства с велосипедом спереди, мы установили, что, хотя общее проекционное расстояние велосипедиста больше в первом случае (лобовое столкновение транспортного средства с велосипедом сзади), максимальная скорость и ускорение больше во втором (лобовое столкновение транспортного средства с велосипедом спереди). **Ключевые слова:** дорожно-транспортные происшествия, столкновение транспортного средства с велосипедом, моделирование, общее проекционное расстояние, ускорение головы.

Evgeny A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh,
382652@mail.ru

SIMULATION OF A COLLISION BETWEEN A VEHICLE AND A BICYCLE

Abstract. The ever-growing demand for transport and the need to transport both people and goods have led to an increase in the congestion of road transport networks. Subsequently, the main negative effect is an increase in the number of serious road accidents. Of the total number of serious road accidents, a significant increase was registered among cyclists: in 2022, 13.9 % of the total number of vehicles involved in road accidents, compared with 6.6 % in 2010. This article is based on a thorough analysis of kinematic and dynamic parameters in the event of a collision of a vehicle, a bicycle and a cyclist assembled. To study the type of collision between a vehicle and a bicycle, we conducted a comparative analysis with respect to the distance by which the cyclist is thrown after the collision, changes in the speed of the vehicle and bicycle, changes in speed in the area of the cyclist's head, as well as changes in acceleration recorded on the vehicle, bicycle and in the area of the cyclist's head. Therefore, we have modeled a collision of a vehicle with a bicycle for two different cases, i.e. a head-on collision of a vehicle with a bicycle from behind and a head-on collision of a vehicle with a bicycle from the front.

Keywords: traffic accidents, collision of a vehicle with a bicycle, simulation, total projection distance, head acceleration.

Велосипед, несомненно, становится все более эффективным средством передвижения, оказывающим положительное влияние на окружающую среду, а также на загруженность уличной сети.

Однако из-за отсутствия надлежащей инфраструктуры, то есть соответствующих велосипедных дорожек, а также из-за пробок на дорогах в последние десятилетия регистрируется все большее число дорожно-транспортных происшествий с серьезными травмами (см. Рисунок 1). На долю велосипедистов приходится 9 % смертей в Российской Федерации. Число смертельных исходов среди велосипедистов сократилось всего на 3 % с 2010 по 2022 год, что значительно меньше, чем снижение общего числа смертельных исходов (на 18 %) за тот же период. Наибольшее число смертей зафиксировано в ориентированных на велосипед городах с хорошо развитой велосипедной инфраструктурой.

Дорожно-транспортные происшествия с уязвимыми участниками дорожного движения, а именно пешеходами или велосипедистами, были проанализированы нами в соответствии с использованием трех различных подходов: углубленного расследования дорожно-транспортных происшествий, численного моделирования с использованием модели с несколькими телами и экспериментального восстановления с объектом исследования, чтобы определить корреляцию между скоростью автомобиля и положением жертвы при столкновении.

Столкновения типа “транспортное средство-велосипед” имеют ряд особенностей, обусловленных следующими аспектами:

- в начальный момент столкновения велосипедист является частью велосипеда, но во время столкновения (столкновений) он отделится от него;
- вес велосипеда и велосипедиста близок по величине, что оказывает влияние на столкновение:

первоначально при столкновении участвует сумма масс, а затем, из-за отстраненности велосипедиста, удар выдерживается только массой велосипеда; следовательно, мы можем говорить о столкновении с телом, масса которого изменяется с течением времени;

- столкновение велосипеда с транспортным средством происходит на более высокой скорости транспортного средства в сравнение со скоростью велосипеда, следовательно, приводит к различным смещениям велосипеда по траектории, которая может сильно повлиять на тяжесть аварии.

Типы столкновений транспортного средства и велосипеда

Чтобы проанализировать кинематику столкновения транспортного средства с велосипедом, нам необходимо определить несколько параметров, которые влияют как на траектории движения участников дорожного движения, так и на травмы, полученные в результате столкновения. Наиболее важными факторами являются: тип и масса транспортного средства, направление движения, характеристики дороги, на которой произошло столкновение и окружающая среда. На Рисунке 2 показаны различные типы столкновений транспортного средства с велосипедом:

- 1) фронтальное транспортное средство – боковой велосипед;
- 2) фронтальный велосипед – переднее транспортное средство;
- 3) фронтальный велосипед – боковое транспортное средство;
- 4) фронтальный велосипед – угол транспортного средства;
- 5) фронтальный велосипед – заднее транспортное средство;
- 6) фронтальное транспортное средство – задний велосипед;
- 7) другие типы столкновений.

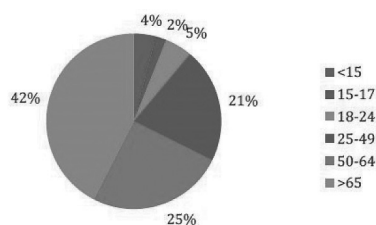

Рисунок 1. Процентное распределение жертв велосипедных аварий по возрастным группам

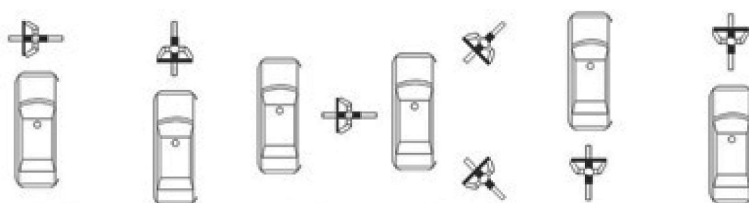

Рисунок 2. Классификация столкновений транспортного средства с велосипедом

Кинематические параметры столкновения велосипеда с транспортным средством

При лобовом столкновении велосипеда с транспортным средством (см. Рисунок 3) скорости должны определяться, исходя из расстояния, на которое велосипед или велосипедисты были отброшены после столкновения.

Считается, что узел велосипед-велосипедист имеет центр тяжести над точкой удара на высоте h (см. Рисунок 3) оси x ортогональной системы координат, при этом ось x расположена в плоскости дороги в направлении движения велосипеда; и поскольку ось y проходит через этот центр в положении, соответствующем моменту столкновения велосипеда с транспортным средством, то ее положение считается ориентиром временной шкалы для математической интерпретации соответствующего физического явления.

Значимость кинематических параметров, характеризующих столкновение велосипеда с транспортным средством, указана в Таблице.

После падения с велосипеда велосипедист перемещается по воздуху на определенное расстояние (проекционное расстояние), а затем падает на землю, одновременно скользя, чтобы остановиться. Энергия тела расходуется на преодоление трения, повреждение внутренних органов, переломы костей и разрывы одежды. Между S_{pc} , проекционным расстоянием велосипедиста, и v_{bc} , скоростью велосипедиста, со-

ответственно между S_{pb} – проекционным расстоянием велосипеда и v_{bb} – скоростью велосипеда, после удара были установлены следующие эмпирические зависимости:

$$\text{для велосипедиста: } v_{bc} = 8,5458 \cdot S_{pc} \left[\frac{km}{h} \right] \quad (1)$$

$$\text{для велосипеда: } v_{bb} = 7,31211 \cdot S_{pb} \left[\frac{km}{h} \right] \quad (2)$$

В случае велосипедистов среднее замедление d_c движения после удара увеличивается с увеличением расстояния проекции, в то время как для велосипедов замедление d_b демонстрирует обратное изменение. Скорость велосипедиста, v_{bc} , и скорость велосипеда, v_{bb} , могут быть определены на основе средних замедлений (d_c , d_b) их движения во время их проекции на S_{pc} и, в частности, расстояния S_{pb} . Соответственно, мы рассматриваем следующие соотношения:

$$\text{для велосипедиста: } v_{bc} = \sqrt{26 \cdot d_c \cdot S_{pc}} \left[\frac{km}{h} \right] \quad (3)$$

$$\text{для велосипеда: } v_{bb} = 7,31211 \cdot S_{pb} \left[\frac{km}{h} \right] \quad (4)$$

Скорость велосипедиста с момента столкновения зависит как от его начальной скорости, так и от скорости транспортного средства. Применяя принцип сохранения импульса, можно установить скорость удара, принимая во внимание массы транспортного средства, велосипедиста и велосипеда наездника.

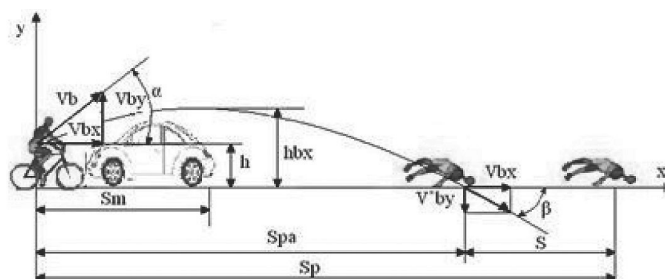

Рисунок 3. Схема лобового столкновения транспортного средства с велосипедом

Таблица

Кинематические параметры столкновения транспортного средства с велосипедом

Параметры	Обозначение
расстояние, пройденное телом велосипедиста при скольжении по земле	S
расстояние, пройденное велосипедистом до максимальной высоты	S_m
расстояние, пройденное велосипедистом с момента броска до приземления	S_{pa}
расстояние, пройденное велосипедистом от начала его броска до остановки на земле	S_p
высота центра тяжести велосипедиста в начале броска	h
максимальная высота траектории движения велосипедиста	h_{bx}
начальная скорость велосипедиста (скорость велосипеда в момент удара)	v_b
угол между первоначальной траекторией движения велосипедиста и дорогой	α
угол между конечной траекторией движения велосипедиста и дорогой	β

Моделирование столкновения транспортного средства – велосипеда «в сборе» – велосипедиста

Для более точного анализа, а также при меньших затратах по сравнению с экспериментальным тестированием, было разработано несколько программных платформ. Такие платформы позволяют нам моделировать ряд сценариев дорожно-транспортных происшествий с учетом кинематики транспортного средства до и после столкновения, а также определять динамические параметры столкновения. Программное обеспечение VirtualCrash использует модель столкновения Кудлича-Слибара, предоставляя возможность вычислять параметры после столкновения с данными до столкновения на основе определенных входных данных (масса, положение и т. д.).

Эта модель основана, с одной стороны, на том факте, что столкновение происходит за очень короткий промежуток времени, следовательно, учитывается движение транспортных средств во время столкновения. С другой стороны, передача силы происходит в одной точке. Расчет столкновения основан на том факте, что силы, воздействующие на транспортное средство, пренебрежимо малы помимо реальной силы столкновения. Метод использует скорости до столкновения в качестве входного параметра и учитывает совместное движение точек столкновения, таким образом вычисляя их скорости.

В нашем исследовании мы провели сравнительный анализ столкновения транспортного средства с велосипедом с учетом проекционного расстояния велосипедиста после столкновения, изменения скорости транспортного средства, велосипеда и велосипедиста, а также изменения ускорения, зарегистрированного на транспортном средстве, велосипеде и голове велосипедиста.

Мы смоделировали столкновение транспортного средства с велосипедом для двух различных случаев: случай 1 – лобовое столкновение транспортного средства с велосипедом сзади (см. Рисунок 4) и случай 2 – лобовое столкновение транспортного

средства с велосипедом спереди (см. Рисунок 5). В двух проанализированных случаях данные о транспортном средстве, велосипеде и велосипедисте до столкновения были идентичными. Единственное изменение связано с направлением движения велосипеда относительно положения транспортного средства. Значение скорости велосипеда было установлено для велосипедиста мужского пола в возрасте 31-50 лет со средней скоростью 18 км/ч.

Велосипедные травмы в результате столкновения с транспортным средством наиболее часто встречаются среди мужчин среднего возраста, произошедшие в населенном пункте. Основываясь на данной статистике, мы посчитали, что дорожно-транспортное происшествие произошло в пределах населенного пункта, поэтому скорость транспортного средства составляла 50 км/ч. Кроме этого, мы рассмотрели динамическое состояние транспортного средства при торможении с ускорением 4 м/с^2 (см. Рисунок 5).

Основной удар в случае 1 приходится на заднее колесо велосипеда, то есть на переднюю часть транспортного средства. А в случае 2 основной удар приходится на переднее колесо велосипеда и переднюю часть транспортного средства. В результате первичного столкновения транспортного средства с велосипедом велосипедист оказывается переброшенным через переднюю часть (капот) транспортного средства (см. Рисунок 6).

Велосипедист приподнимается на передней части транспортного средства (далее – ТС) к ветровому стеклу и переносится транспортным средством по направлению движения велосипеда. Как только включается тормозная система автомобиля, его скорость снижается, и велосипедист начинает скользить по передней части ТС. Велосипедист выбрасывается на проезжую часть перед транспортным средством в направлении его движения. После того, как велосипедиста выбрасывает на проезжую часть, он начинает катиться по дороге. Конечное положение транспортного средства и велосипедиста показано на Рисунке 7 для двух проанализированных ситуаций. Мы опреде-

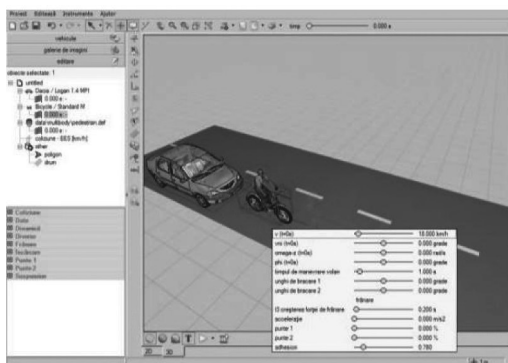

Рисунок 4. Начальная скорость велосипеда

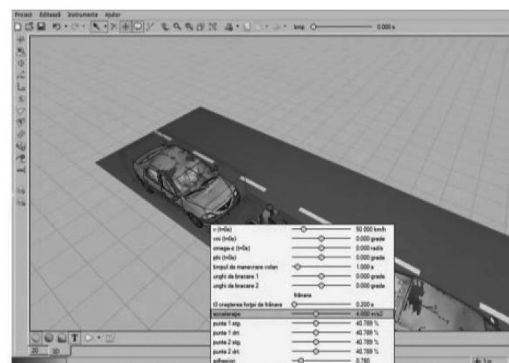

Рисунок 5. Динамическое состояние транспортного средства – торможение

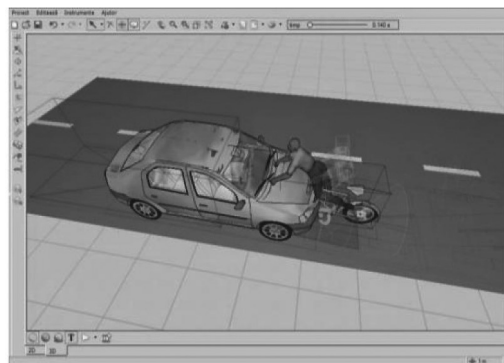
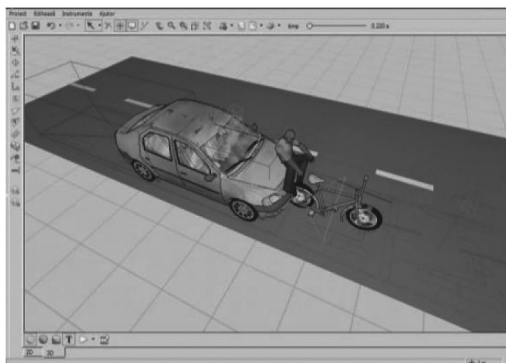

Рисунок 6. Велосипедист переброшен через переднюю часть (капот) транспортного средства

лили общее проекционное расстояние велосипедиста, включая расстояние, когда велосипедиста перевозят на капоте транспортного средства, и расстояние, на которое велосипедист катится по проезжей части. Общее проекционное расстояние велосипедиста относительно места первичного столкновения в случае 1 составляет 21,4 м, а в случае 2 – 19 м.

Чтобы определить изменение скорости участников, нами были сгенерированы диаграммы зависимости времени от скорости. По данным на рисунках 8 и 9 мы можем заметить, что скорость транспортного средства в момент столкновения составляет 50 км/ч, а велосипеда – 18 км/ч в обоих проанализированных случаях. После удара скорость транспортного средства составляет 45 км/ч (в случае 1) и 42 км/ч (в случае 2). Для велосипеда мы зафиксировали скорость 50 км/ч (в случае 1) и 52 км/ч (в случае 2). Максимальная скорость, зарегистрированная в области головы велосипедиста, достигла 45 км/ч в первой ситуации и 53 км/ч в случае лобового столкновения транспортного средства с велосипедом.

В случае лобового столкновения транспортного средства с велосипедом сзади максимальное значение ускорения в области головы велосипедиста регистрируется на этапе захвата велосипедистом передней части транспортного средства – до уровня ветрового стекла и достигает 100 м/с². В случае лобового столкновения транспортного средства с велосипедом максимальный уровень ускорения в области головы

велосипедиста регистрируется на этапе захвата велосипедистом передней части транспортного средства – до уровня ветрового стекла и достигает 250 м/с².

Вывод

Чтобы изучить столкновение транспортного средства с велосипедом, мы провели сравнительный анализ проекционного расстояния велосипедиста после столкновения, изменения скорости транспортного средства, велосипеда и в области головы велосипедиста, а также изменения ускорения, зарегистрированного на транспортном средстве, велосипеде и в области головы велосипедиста.

Мы разработали моделирование столкновения типа транспортное средство – велосипед для двух различных случаев, а именно: лобовое столкновение транспортного средства с задним велосипедом и лобовое столкновение транспортного средства с передним велосипедом. В двух проанализированных случаях данные о транспортном средстве, велосипеде и велосипедисте до столкновения были идентичными. Единственное изменение связано с направлением движения велосипеда относительно положения транспортного средства.

Проведя сравнительный анализ двух проанализированных случаев, а именно лобового столкновения транспортного средства с задним велосипедом и лобового столкновения транспортного средства с передним велосипедом, мы смогли сделать следующие выводы:

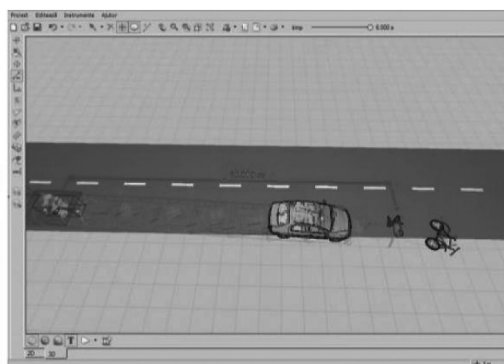
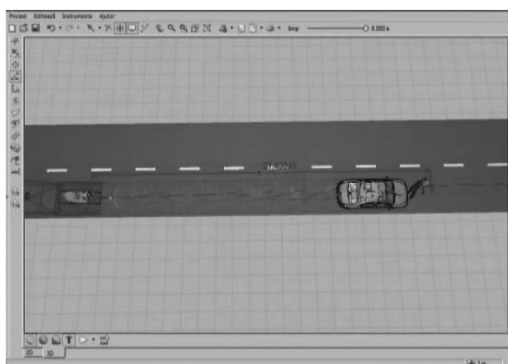

Рисунок 7. Общее проекционное расстояние велосипедиста

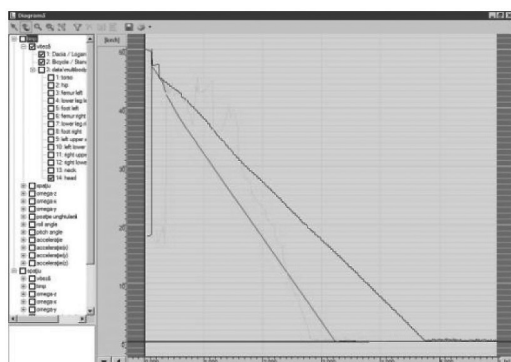

Рисунок 8. Изменение скорости с течением времени – пример 1

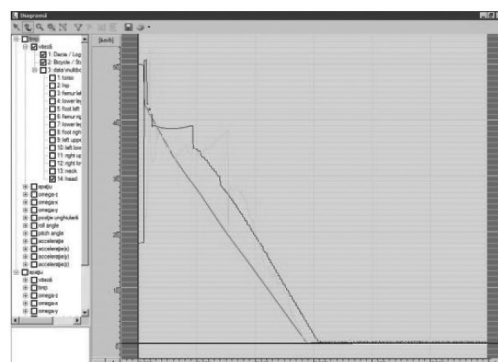

Рисунок 9. Изменение скорости с течением времени – пример 2

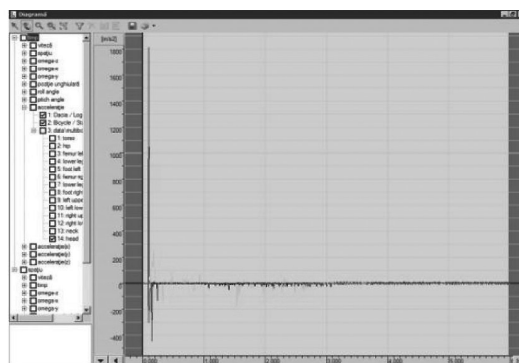
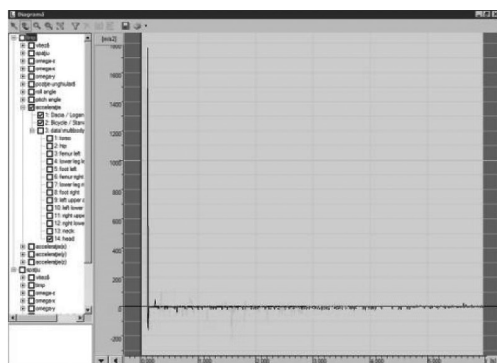

Рисунок 10. Ускорение в области головы велосипедиста: а – удар сзади, б – лобовой удар

1. Что касается общего проекционного расстояния велосипедиста, то мы установили, что в случае 1 расстояние было больше (21,4 м) по сравнению со случаем 2, где велосипед был сбит спереди и общее проекционное расстояние велосипедиста составляло 19 м.

2. Максимальная скорость, зафиксированная в области головы велосипедиста, составляла 53 км/ч при лобовом столкновении и 45 км/ч при заднем столкновении.

3. Значительные различия были также зарегистрированы в отношении максимального ускорения, зафиксированного в области головы велосипедиста.

При лобовом столкновении было зафиксировано максимальное ускорение в 250 м/с^2 , в то время как при заднем столкновении максимальное значение ускорения составило 100 м/с^2 .

Основываясь на результатах, полученных после моделирования столкновения транспортного средства с велосипедом, для двух различных случаев, а именно лобового столкновения транспортного средства с велосипедом сзади и лобового столкновения транспортного средства с велосипедом спереди, мы установили, что, хотя общее проекционное расстояние велосипедиста больше в случае 1, максимальная скорость и ускорение больше в случае 2.

Список литературы

1. Тарасов Е.А. Важность применения криминалистических методов при сборе материалов для автотехнической экспертизы обстоятельств ДТП // Адвокатская практика. – 2020. – № 4. – С. 37-43.
2. Матыцин М.А. Основные проблемы назначения и производства судебных экспертиз и пути их преодоления // Эксперт-криминалист. 2013. – № 1. С. 17-20.
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). Учебник. 2-е издание. – М.: Норма, 2016. – 368 с.
4. Смирнова С.А. Актуальные пути совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 2. – С. 32-34.

References

1. Tarasov E.A. The importance of using forensic methods when collecting materials for an auto-technical examination of the circumstances of an accident // Lawyer's practice. – 2020. – № 4. – Pp. 37-43.

2. *Matytsin M.A.* The main problems of appointment and production of forensic examinations and ways to overcome them // *Expert criminalist*. – 2013. – № 1. – Pp. 17-20.
3. *Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M.* Theory of forensic examination (Forensic expert science). Textbook. 2nd edition. – M.: Norma, – 2016. – 368 p.
4. *Smirnova S.A.* Actual ways of improving forensic expert activity in the Russian Federation // *Expert criminalist*. – 2018. – № 2. – Pp. 32-34.

Терещенко Александр Геннадьевич,
аспирант, Институт социальных наук, Москва,
1880555@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СО СТОРОНЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ¹

Аннотация. В статье рассматривается современное значение гражданско-правового режима в регулировании долговых обязательств со стороны юридических лиц. Отдельное внимание уделяется существующим правоприменительным проблемам и законодательным пробелам в исследуемой сфере ввиду активного интеграционного характера процессов цифровизации общественных отношений. Цель работы состоит в исследовании современных тенденций развития законодательства в сфере регулирования долговых обязательств со стороны юридических лиц. Результаты работы заключаются в: 1) установлении и аргументации наиболее актуальной и распространенной формы правового регулирования сферы долговых обязательств со стороны юридических лиц, где договор выступает основным источником права; 2) сформулированной автором работы классификации разделения договоров, по цели исполнения долговых обязательств, по внешним условиям, по назначению; 3) установлении междисциплинарных особенностей регулирования долговых обязательств в условиях активной цифровизации общественных отношений, возникающих в цифровой среде. Автор приходит к выводу, что дальнейшая научная проработка и исследование частноправовых отношений в сфере регулирования долговых обязательств со стороны юридических лиц посредством использования договора в цифровой среде является перспективным гражданско-правовым научным направлением, имеющим ярко выраженный комплексный междисциплинарный характер с множеством неизученных правоприменительных проблем. Решение обозначенных научных и правоприменительных проблем позволит государству усовершенствовать договорной институт в сфере долговых обязательств, а также развить систему права в Российской Федерации с учетом особенностей технологического развития и появления цифровых технологий.

Ключевые слова: договорные обязательства, юридические лица, особенности правоотношений, финансовые обязательства, долговые обязательства, кредитор, заемщик, договор займа, имущественная ответственность.

Alexander G. Tereshchenko,
Postgraduate, Institute of Social Sciences, Moscow,
1880555@gmail.com

MODERN FEATURES OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF DEBT OBLIGATIONS ON THE PART OF LEGAL ENTITIES

Abstract. The article examines the modern significance of the civil law regime in the regulation of debt obligations on the part of legal entities. Special attention is paid to the existing law enforcement problems and legislative gaps in the field under study due to the active integration nature of the processes of digitalization of public relations. The purpose of the work is to investigate the current trends in the development of legislation in the field of regulation of debt obligations on the part of legal entities. The results of the work are: 1) the establishment and argumentation of the most relevant and widespread form of legal regulation of the sphere of debt obligations on the part of legal entities, where the contract is the main source of law; 2) the classification of the division of contracts formulated by the author of the work, according to the purpose of fulfilling debt obligations, according to external conditions, according to purpose; 3) the establishment of interdisciplinary regulatory features debt obligations in the context of active digitalization of public relations arising in the digital environment. The author comes to the conclusion that further scientific study and research of private law relations in the field of debt regulation by legal entities through the use of a contract in a digital environment is a promising civil law scientific direction having a pronounced complex interdisciplinary character with many unexplored law enforcement problems. The solution of the identified scientific

¹ Научный руководитель: **Апухтин Михаил Павлович**, кандидат юридических наук, доцент, Институт социальных наук; **Mikhail P. Apukhtin**, Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Institute of Social Sciences, Moscow, gen.barmaglot@mail.ru

and law enforcement problems will allow the state to improve the contractual institution in the field of debt obligations, as well as to develop the legal system in the Russian Federation, taking into account the peculiarities of technological development and the emergence of digital technologies.

Keywords: contractual obligations, legal entities, peculiarities of legal relations, financial obligations, debt obligations, lender, borrower, loan agreement, property liability.

Традиционно, сфера хозяйственной деятельности общества связана с личными имущественными и неимущественными общественными отношениями. Одной из наиболее давних форм хозяйственной кооперации является – договор займа [7, с. 15].

С течением исторических, экономических и политических событий в обществе договор займа получил разностороннее применение и последующую правовую трансформацию, следствие этого представлено в настоящее время в законе соответствующим перечнем норм права [2].

Наряду с этим, в современной юридической литературе понятие «долговые обязательства» является достаточно устоявшимся и общепринятым элементом гражданско-правовых отношений, правовой сущностью которого является документальное подтверждение факта получения финансовых средств и обязанностей по их возврату [7, с. 15].

Следует отметить, что в связи с исторической самобытностью процедуры выстраивания российским обществом системы правового регулирования гражданских правоотношений, связанных в том числе с долговыми обязательствами, остаются неизменными в разные периоды времени участники подобного характера правоотношений: хозяйственные общества и физические лица.

На основании Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), сторонами исследуемых правоотношений являются: 1) заемщик, который непосредственно получает займ 2) кредитор, который выдает соответствующие финансовые средства или ценностные активы в форме имущества на определенных условиях.

В каждом из вышеизложенных случаев, заемщиком или кредитором может выступать физическое или юридическое лицо.

Структура правового регулирования долговых обязательств состоит из:

- Конституции Российской Федерации;
- ГК РФ;
- иных законных и подзаконных нормативно-правовых актов.

Так, наиболее распространенным документом, регулирующим данные правоотношения, является договор, который закрепляет соответствующие условия долговых обязательств в письменной форме, наделяя участников правоотношений определенными

правами, обязанностями и ответственностью в рамках приобретаемых дополнительных гражданско-правовых статусов, связанных с долговыми правоотношениями.

В частности, Е.А. Суханов пишет, что в регулировании договорных отношений «...проявляются особенности гражданского (частного) права, которое обычно разрешает и позволяет участникам регулируемых отношений самим выбрать наиболее приемлемый вариант поведения в общих рамках, установленных законом, наделяя их для этого соответствующими правовыми возможностями...» [7, с. 25].

Следовательно, подвижность и достаточно широкий спектр диспозитивных возможностей позволяют сторонам долговых правоотношений эффективно выстраивать наиболее оптимальную формулу правового и финансового взаимодействия между собой на заранее определенных условиях с целью удовлетворения интересов управомоченных лиц.

Нередки и распространены случаи, когда возникают споры и конфликты интересов у сторон подобного рода правоотношений, о чем свидетельствует достаточно большой объем материалов судебной практики. Так, по состоянию на ноябрь 2023 года на электронном ресурсе <https://sudact.ru>, который публикует материалы судебной практики в открытом доступе – зафиксировано 16 970 документов, связанных понятием долговых обязательств, что свидетельствует об особой актуальности исследуемой темы.

Например, из выдержки результатов статистических отчетов о банкротствах юридических лиц в 2022 году (см. Таблицу), следует, что интенсивность правовых споров в сфере обязательственных и договорных отношений с участием юридических лиц характеризуется, как существенная в 2022 году на общем фоне прошлых лет.

Таким образом, вышеизложенные цифровые показатели [6] ставят перед цивилистической наукой общепределяющую цель по поиску решения существующих правоприменительных и законодательных проблем в исследуемой сфере.

Между тем, в разные годы проблемам надлежащего исполнения долговых обязательств со стороны юридических лиц уделялось особое внимание в научных исследованиях ряда ученых, например: Бартелеми Янгонго изучал проблему преемственности имущественных и долговых обязательств [5, с. 21],

Количество сообщений о введении судами процедур в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств [6]

	январь 2022	февраль 2022	март 2022	апрель 2022	май 2022	июнь 2022	июль 2022	август 2022	сентябрь 2022	январь-сентябрь 2022	январь-сентябрь 2021
о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства	710	853	981	1020	793	833	679	698	660	7227	7407
о введении наблюдения	526	621	677	699	498	506	332	274	208	4341	6251
о введении внешнего управления	11	13	16	19	14	16	8	12	4	113	121
о введении финансового оздоровления	2			1	1	1		1	1	7	20

Н.В. Кириченко исследовала тему собственных долговых обязательств банков, как инструмента регулирования ресурсов в экономической сфере [8, с. 20], А.Т. Козонов обратил внимание цивилистики на проблему правового регулирования обращения финансовых обязательств по ценным бумагам и дебиторской задолженности [10, с. 23], Г.В. Колодуб исследовал проблему исполнения гражданско-правовой обязанности [11, с. 26], О.А. Шемчук более фундаментально обратила внимание на теоретико-правовой аспект категории обязанности в гражданском праве [21, с. 24] и др. [14, с. 66; 18, с. 27; 22, с.18].

Однако, наукой малоизученными остаются особенности гражданско-правового регулирования исполнения долговых обязательств со стороны юридических лиц, что и обуславливает актуальность, научную новизну и практическую значимость заявленного исследования.

Основная часть

На современном этапе развития общественных отношений, реальность осуществления прав и обязанностей в рамках гражданско-правовых отношений зависит от уровня социальных, экономических и правовых гарантий государства.

Например, существенное количество санкций, введенных по отношению к различным отраслям экономики, обусловили необходимость ее трансформации. В этой связи государство вынуждено трансформирует экономическую отрасль, делая ее менее уязвимой из «вне», тем самым укрепляя национальную безопасность. В этой связи, Президент РФ В.В. Путин в своем ежегодном Послании, отмечает, что «...Разумное импортозамещение – наш долгосрочный приоритет, независимо от обстоятельств...» [3].

Соответственно, активно оказываемое политическое и экономическое давление странами Западной Европы негативно воздействует на субъекты хозяйственной деятельности в России, некоторые из них вынуждены перестраивать свою деятельность,

фиксируя в отчетах финансовые убытки, а оставшиеся, не сумев адаптироваться к процессам импортозамещения, терпят еще более серьезные убытки и ликвидируются, оставляя неисполненные в полной мере существенные долговые обязательства, принятые ими [20, с. 82].

Следовательно, от того, насколько эффективно государственные гарантии будут функционировать, зависит и удовлетворение интересов управомоченных лиц (кредиторов).

В рамках достижения цели исследования, предлагается центральное внимание уделить особенностям обеспечения государством правовыми гарантиями общества при процедуре исполнения долговых обязательств юридическими лицами, как для заемщика, так и для кредитора.

Как уже ранее установлено, одним из основных инструментов правового регулирования частноправовых отношений в сфере исполнения долговых обязательств юридическими лицами, является соблюдение условий одной из форм заключенного сторонами договора, подразумевающего выдачу соответствующих активов (финансовых или иных) юридическим лицам под различные цели и с соответствующими обязательствами.

По мнению В.Ф. Попондуполо, «...договор ввиду неизбежной трансформации и глобализации общественных отношений в мире приобретает роль многофункционального и универсального правового регулятора общественных отношений...» [15], это предопределяет необходимость более подробного изучения места и роли института договора через призму исполнения долговых обязательств юридических лиц на современном этапе развития общественных отношений.

Разновидности формы договоров в гражданском праве имеют существенную множественность в связи с чем, некоторые из договоров ученые условно разделяют по сущности на:

1) выполняющие функции нормативно-правового регулятора;

2) как индивидуальные соглашения сторон.

В частности, в отличие от договора, выполняющего роль нормативно-правового регулятора, индивидуальный договор, по мнению В.Ф. Попондуполо, выполняет функции акта правоприменения, следовательно, норму права и соглашение сторон в форме договора следует различать, отмечает ученый в своем научном труде [15].

Однако, следует не согласиться, договор, как динамичный источник права, устанавливается на основании принципов, положений ГК РФ и иных нормально-правовых актов.

Условия и порядок правоотношений, выступая, хотя и актом правоприменения, в том числе по долговым обязательствам, при этом регламентирует порядок и соответствующие условия исследуемых правоотношений. Следовательно, договором приоритетно реализуется назначение нормативно-правового регулятора.

Исходя из этого, в настоящей работе необходимо отталкиваться от данной позиции и выстраивать последующие научные мысли, опираясь на это.

Характер правового назначения договора определенно заставляет задуматься о месте и роли договора в сфере долговых обязательств, как следствие правового регулятора долговых обязательств.

В этой связи необходимо отметить основные признаки договора в сфере долговых обязательств:

- совершен письменно;
- определенность адресатов;
- согласованная и свободная воля сторон договора;
- в условиях прописаны условия займа.

А.Д. Корецкий факультативно отмечает, как особенность – межотраслевую природу договора, где могут быть использованы отдельные индивидуальные условия, что не противоречит ранее обозначенной научной позиции Е.А. Суханова [7, с. 50] и В.Ф. Попондуполо [15].

Между тем, договор в сфере долговых обязательств не имеет целенаправленных исследований, посвященных особенностям правового регулирования для долговых обязательств юридических лиц по договору, на основании чего предложено сформулировать собственную научно-правовую классификацию:

I. По цели исполнения долговых обязательств у юридических лиц договор разделяют на две категории ввиду сроков:

- до 12 месяцев (краткосрочные);
- более 12 месяцев (долгосрочные).

II. По внешним условиям, принятие долговых обязательств для юридического лица – это не всегда показатель плохого положения дел, а скорее, наоборот,

в отдельных случаях служат показателем прогресса и интенсивности развития компании на определенный период времени.

Например, любое экономически здоровое развитие хозяйственного общества подразумевает задействование существенного количества активов для увеличения прибыли и масштабирования производства

Соответственно, отсутствие возможности высвобождения финансовых активов, находящихся в производственном обороте компании, обуславливает запрос на адекватные правовые инструменты, позволяющие получить свободные финансовые активы на различного рода условиях.

Таким образом, по внешним условиям долговые обязательства юридических лиц бывают обусловлены:

- положительными условиями;
- негативными условиями.

III. По назначению, опираясь на пункт II, можно выделить следующие виды долговых обязательств по договору:

- коммерческие. В частности, долговые обязательства строятся среди хозяйственных обществ и обусловлены ведением такой деятельности;
- частные. Преимущественно личного характера и связаны с личными целями, заемщиком выступает физическое лицо.

Определив общеправовой характер наиболее распространенного способа правового обеспечения надлежащей реализации исполнения долговых обязательств юридическими лицами по договорам, наиболее явной становится специфика индивидуальности каждой практической ситуации.

При этом, предложенная в работе авторская классификация правового регулирования для долговых обязательств юридических лиц по договору также оставляет место для современных научно-технических тенденций – интеграционных процессов цифровизации общества.

В этой связи, проведя анализ научных статей и материалов судебной практики, нами установлены следующие проблемы, которые наиболее актуальны для цивилистики в настоящее время ввиду интеграционного характера процессов цифровизации, проникнувших во все сферы общественных отношений:

1. Общее состояние общественных отношений в настоящее время следует охарактеризовать, как активно переживающее интенсивную цифровизацию и как следствие автоматизацию всех сфер жизни см. Рисунок.

Соответственно, чем больше цифровые технологии проникают и интегрируются в общественную жизнь, тем больше гражданские правоотношения проникают в цифровую среду, где исполнение обяза-

Рисунок. Затраты на развитие цифровой экономики в млрд [20, с. 40]

тельств, а также традиционная форма и представление о договоре, существенно трансформируется, создавая также ряд юридических коллизий и пробелов.

В частности, М.Г. Терехов развивает научную мысль А.Д. Корецкого о междисциплинарном характере договора и в контексте своего исследования пишет, что «...комплексный межотраслевой характер правоотношений образует новую правовую плоскость – цифровую среду, где традиционные нормы права не могут быть эффективно применимы касательно возникающих правовых споров...», «... исходя из чего, требуются новые правовые нормы, отвечающие эффективности в их применении...» [17, с. 67].

Следовательно, определяемые Е.А. Сухановым функции гражданского права в их традиционном понимании наукой: «охранительная» и «регулятивная» не могут быть всецело реализованы, исходя из чего, «превентивное» и «восстановительное» назначение функций также представляется, по мнению авторов исследования, затруднительным к качественному достижению [7, с. 35].

2. В отдельных случаях, установлена проблема невозможности императивного исполнения долговых обязательств юридических лиц ввиду транснационального характера совершаемых юридических значимых действий в цифровой среде.

Гражданско-правовой характер долговых обязательств, возникающих в цифровой среде между заинтересованными сторонами, одна из которых является юридическим лицом (кредитор или заемщик), расположенным в иностранном государстве, не имеющим установленных международным правом оснований для правового сотрудничества, либо находящимся в санкционном или политическом противоборстве с Россией, не может обеспечить реализацию правосудия. Например, страны Европейского Союза, которые не отвечают на судебные запросы по гражданским делам из России и всячески игнорируют их [16, с. 190].

3. Диспозитивный характер цифрового права, указанный в статье 141.1 ГК РФ, который имеет

ряд нерегулируемых законом аспектов в отдельных правоприменительных случаях, следовательно, не позволяет всецело обеспечить права, обязанности и ответственность сторон при возникновении долговых правоотношений у сторон договора, например на правовую защиту.

В частности, условиями долговых обязательств, которые обязаны исполнить юридические лица, могут явно нарушать базовые принципы гражданского права и конституционные нормы в соответствии с частью 2 статьи 45 Конституции России на правовую защиту.

Например, хозяйствующий субъект, находящийся на территории России, выступив кредитором в рамках гражданско-правовых отношений с иностранным резидентом (заемщиком в данном случае), имеет риск не вернуть свои активы, ввиду отсутствия правовых и практических механизмов для действительной реализации своего права на защиту в случае конфликта или спора сторон.

Следовательно, перечисленные проблемы в пунктах 1-3 не позволяют обеспечить экономическую независимость и самостоятельность принятия решений в рамках закона субъектам правоотношений, исходя из этого, принцип юридического равенства также не обеспечен.

4. Наряду с вышеперечисленными остается не решенной проблема определения правового режима объектов, не имеющих телесной формы, размещенных исключительно в цифровой среде и характеризующихся ценностными свойствами, схожими с традиционными объектами гражданского права. Данные объекты именуются отдельными учеными, например, А.В. Тумаковым, Н.А. Петраковым, как «цифровые» или «цифровое имущество» [19].

Использование подобных объектов в гражданском обороте не позволяет реализовать в отдельных случаях долговые обязательства, например, по договору займа, совершенному в цифровой среде между юридическим и физическим лицом из-за противоречий и споров, которые в настоящее время не могут

быть обеспечены императивными правовыми нормами и техническими возможностями со стороны государства, как ранее уже было отмечено нами.

Выводы

Таким образом, вышеизложенные проблемы можно обозначить, как современные правоприменительные особенности, получившие свое начало из-за активных интеграционных процессов автоматизации общественных отношений в сфере долговых обязательств.

Данные аспекты необходимо учитывать не только в сфере долговых обязательств юридических лиц со стороны заемщика, но и со стороны кредитора, использующих для межличностной и деловой коммуникации цифровую среду. Также требуется комплексный научный подход по предложению решений для совершенствования нормативно-правовых актов в России, регламентирующих гражданские правоотношения в цифровой среде.

Предлагается:

I. Статью 141.1 ГК РФ дополнить и изложить в следующей редакции: 1) «1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание, условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам **и принципам**...»; 2) также дополнить пунктом «2.1. Примечание – идентификационные данные, подтверждающие правило владения имуществом, могут быть закреплены в государственной информационной системе (Госуслуги)».

II. Сформулированную авторскую научно-правовую классификацию особенностей правового регулирования для долговых обязательств юридических лиц по договору, рекомендовать молодым ученым далее развивать в различных научных направлениях: юриспруденции, экономике, финансах.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации // СПС Гарант.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Гарант.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // СПС Гарант.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС Гарант.
5. *Бартелеми Янгонго*. Правопреемство государств в отношении имущественных и долговых обязательств [Текст]: (Анализ практики государств Экваториальной Африки): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. (12.01.10) / Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. Киев: [б. и.], 1974. С. 21.
6. Банкротства в России: 2022 год. Статистический релиз Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39>.
7. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 720.
8. *Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В.* «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая». Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2021. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kommentarii_k_gk_rf_chast_vtoraya/?ysclid=loobogrufig481772937.
9. *Кириченко Н.В.* Собственные долговые обязательства банков как инструмент регулирования ресурсов: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.01.10 / С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. Санкт-Петербург, 2003. С. 20.
10. *Князева Е.Ю., Терехова В.В.* Государственная долговая политика России на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-dolgovaya-politika-rossii-na-sovremennom-etape>.
11. *Козонов А.Т.* Правовое регулирование обращения финансовых обязательств по ценным бумагам и дебиторской задолженности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.01.10 / Козонов Алан Таймуразович; [Место защиты: Всерос. гос. налоговая акад. М-ва финансов РФ]. Москва, 2007. С. 23.
12. *Колодуб Г.В.* Исполнение гражданско-правовой обязанности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.01.10 / Колодуб Григорий Вячеславович; [Место защиты: Сарат. юрид. акад.]. Москва, 2011. С. 26.
13. *Мигранов С.Д.* Перемена лиц в обязательстве: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.01.10 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2004. С. 25.
14. *Москаленко А.А.* Проблема гармонизации международной и российской системы учета долговых обязательств субнационального уровня // Известия БГУ. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garmonizatsii-mezhdunarodnoy-i-rossiyskoy-sistemy-ucheta-dolgovykh-obyazatelstv-subnatsionalnogo-urovnya>.
15. *Покачалова Е.В.* Публичный долг: Теоретические и практические аспекты российского финансового права: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.01.10 / Покачалова Елена Вячеславовна; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. Саратов, 2007. С. 66.
16. *Попондонуло В.Ф.* Договор – средство частноправового регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-sredstvo-chastnopravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 08.11.2023).

17. Терехов М.Г. О некоторых аспектах судебных запросов в зарубежные юрисдикции по делам, связанным с цифровыми активами // Тенденции частноправового и публично-правового взаимодействия: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. С. 190-197.
18. Терехов М.Г. Цифровое право // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6, № 3 (27). С. 67-70.
19. Тирская Е.В. Категория денежного долга в гражданском праве России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.01.10 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2004. С. 27.
20. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-aspekty-tsifrovogo-imuschestva>.
21. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 82.
22. Шемчук О.А. Категория «обязанность» в гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.01.10 / Шемчук Оксана Анатольевна; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. Москва, 2014. С. 24.
23. Шурыгина О.Н. Государственное регулирование долговых обязательств в современных условиях: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.01.10 / Шурыгина Ольга Николаевна; [Место защиты: Марийск. гос. техн. ун-т]. Йошкар-Ола, 2009. С. 18.

References

1. The Constitution of the Russian Federation // SPS Garant.
2. The Civil Code of the Russian Federation dated 30.11.1994 № 51-FZ // SPS Garant.
3. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 21.02.2023 // SPS Garant.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 22, 2016 № 54 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations and their fulfillment" // SPS Garant.
5. Barthelemy Yangongo. Succession of States in relation to property and debt obligations [Text]: (Analysis of the practice of the States of Equatorial Africa): Abstract of the dis. for the degree of Candidate of Law. (12.01.10) / Kyiv State University named after T.G. Shevchenko. Kiev: [B. l.], 1974. P. 21.
6. Bankruptcy in Russia: 2022. Statistical release of the Fedresourc. URL: <https://fedresurs.ru/news/4353186e-a965-450c-9acf-8efd86cf6e39>.
7. Civil law. In 4 vols. Vol. 1: General part: studies. for university students, ed. by E.A. Sukhanov. 3rd ed., pererab and add. M.: Walters Kluwer, 2006. Pp. 720.
8. Grishaev S.P., Svit Yu.P., Bogacheva T.V. "Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Two." Prepared for the ConsultantPlus system, 2021. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/kommentarij_k_gk_rf_chast_vtoraya/?ysclid=loobogrufg481772937.
9. Kirichenko N.V. Banks' own debt obligations as a tool for regulating resources: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.01.10 / St. Petersburg State University of Economics and Finance. St. Petersburg, 2003. P. 20.
10. Knyazeva E.Yu., Terekhova V.V. State debt policy of Russia at the present stage // Bulletin of the Russian State State University. The series "Economics. Management. The right." 2017. № 4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-dolgovaya-politika-rossii-na-sovremenno-etape>.
11. Kozonov A.T. Legal regulation of the circulation of financial obligations on securities and receivables: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.01.10 / Alan Taimurazovich Kozonov; [Place of protection: All-Russian State Tax Academy. Ministry of Finance of the Russian Federation]. Moscow, 2007. P. 23.
12. Kolodub G.V. Fulfillment of civil law obligations: abstract of the dissertation of the candidate of Legal sciences: 12.01.10 / Kolodub Grigory Vyacheslavovich; [Place of protection: Sarat. Jurid. akad.]. Moscow, 2011. P. 26.
13. Migranov S.D. The change of persons in obligation: issues of theory and practice: abstract of the dissertation of the candidate of Law: 12.01.10 / Sarat. state Academy. rights. Saratov, 2004. P. 25.
14. Moskalenko A.A. The problem of harmonization of the international and Russian accounting system of subnational debt obligations // Izvestiya BSU. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-garmonizatsii-mezhdunarodnoy-i-rossiyskoy-sistemy-ucheta-dolgovykh-obyazatelstv-subnatsionalnogo-urovnya>.
15. Pokachalova E.V. Public debt: Theoretical and practical aspects of Russian financial law: abstract of the dissertation... Doctor of Law: 12.01.10 / Pokachalova Elena Vyacheslavovna; [Place of protection: Sarat. state Academy. rights]. Saratov, 2007. P. 66.
16. Popondopulo V.F. Contract – a means of private law regulation // Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 14. Right. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-sredstvo-chastnopravovogo-regulirovaniya> (accessed: 08.11.2023).

17. *Terekhov M.G.* On some aspects of judicial requests to foreign jurisdictions in cases related to digital assets // Trends in private law and public law interaction: collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies, 2023. Pp. 190-197.
18. *Terekhov M.G.* Digital law // Economy. Right. Society. 2021. Vol. 6, № 3 (27). Pp. 67-70.
19. *Tirskaya E.V.* The category of monetary debt in Russian civil law: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.01.10 / Russian Academy of State Services under the President of the Russian Federation. Moscow, 2004. P. 27.
20. *Tumakov A.V., Petrakov N.A.* Civil law aspects of digital property // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-aspekty-tsifrovogo-imuschestva>.
21. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement [Text]: dokl. to the XX Apr. international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 9-12 Apr. 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg et al.; scientific ed. L.M. Gokhberg; National research. Higher School of Economics Uni. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. P. 82.
22. *Shemchuk O.A.* Category "duty" in civil law: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.01.10 / Oksana Anatolyevna Shemchuk; [Place of protection: Moscow. acad. economics and law]. Moscow, 2014. P. 24.
23. *Shurygina O.N.* State regulation of debt obligations in modern conditions: abstract of the dissertation of the candidate of Economic Sciences: 08.01.10 / Shurygina Olga Nikolaevna; [Place of protection: Mariis. state Technical University. un-t]. Yoshkar-Ola, 2009. P. 18.

Буркина Татьяна Александровна,

старший преподаватель кафедры Экономики, филиал Самарского государственного
технического университета в Сызрани, город Сызрань,
burkina_ta@mail.ru

“SCIENTIFIC AND INDUSTRIAL COOPERATION” CONCEPT

Abstract. *The innovative development of Russia and the its technological sovereignty achievement is impossible without close contact between institutions such as science, business and the state. The research objective is to formulate the “scientific and industrial cooperation” concept based on the research detailed study of this issue. The research methodology includes: scientific work analysis on this topic, a comparison to establish common features and differences, as well as a synthesis obtained during the results analysis and comparison. The article presents the fourteen researcher works overview on studying the issues of interaction between industrial enterprises, scientific organizations and the state. This review is conducted in the studying context of the scientific and industrial cooperation concept. Currently existing definitions either describe cooperation as any kind of co-work without goals definition or define the goals rather vaguely. As a result of the existing approaches analysis the article proposes a refined definition of the scientific and industrial cooperation concept.*

Keywords: scientific and production cooperation, technological sovereignty, innovation, innovative potential, cooperation, scientific organizations, industrial enterprises.

Tatyana A. Burkina,

Senior Lecturer at the Department of Economics, Samara State Technical University branch in Syzran, Syzran,
burkina_ta@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ “НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА”

Аннотация. *Инновационное развитие России и достижение ее технологического суверенитета невозможно без тесного контакта таких институтов как наука, бизнес и государство. Цель исследования – формулирование понятия «научно-производственная кооперация» на основе детальной проработки исследований по данному вопросу. Методология исследования включает в себя: анализ работ ученых по данной теме, сравнение для установление общих черт и различий, а также синтез полученных при анализе и сравнении результатов. В статье представлен обзор работ четырнадцати исследователей, изучающих вопросы взаимодействия промышленных предприятий, научных организаций и государства. Данный обзор проведен в разрезе изучения подходов к сущности понятия научно-производственной кооперации. Существующие на сегодняшний момент определения либо описывают кооперацию как любое сотрудничество, не конкретизируя цели, либо определяют цели достаточно размыто. В результате анализа существующих подходов в статье предлагается уточненное определение понятия научно-производственная кооперация.*

Ключевые слова: научно-производственная кооперация, технологический суверенитет, инновации, инновационный потенциал, сотрудничество, научные организации, промышленные предприятия.

According to the «Concept of Technological Development until 2030» [1], adopted by the RF Government in May 2023, Russia has set a course to achieve technological sovereignty and innovative development. The country's technological development management should be based on science and production cooperation, while it is assumed that the state will create favorable conditions for improving such interaction according to this concept. To identify and study the cooperative relations development problems, first of all, it is necessary to

study the «scientific and industrial cooperation» concept essence, which determines this study relevance.

Currently, the studying problems research, as well as forms and methods of scientific and industrial cooperation development is being conducted very actively. However, there are very few publications where the concept essence under discussion, is studied.

Thus, Simachev Yu.V. participates in research projects on the tools analysis for the stimulating innovation and the scientific and industrial cooperation develop-

ment, on the long-term socio-economic and innovative development strategy of Russia. They work together with Kuzyk, M.G. on the effectiveness evaluating issues of scientific and industrial cooperation and its impact on the enterprises activities. They study contradictions and problems between the cooperation participants, as well as the state policy impact on the cooperation effectiveness. The research results indicate that the scientific and industrial cooperation impact potential on the enterprises development is currently not used enough in Russia. Simachev Yu.V. and Kuzyk M.G. highlight the key problem of establishing effective communications. This is «cultural incompatibility», particularly, differences in values, goals and motivation for establishing communications between participants [2].

The authors identify the following problems that require solutions today:

- stable cooperative ties with science are typical for large companies in Russia, especially for "age-related" companies established in the USSR, which managed to maintain the ties established 35-40 years ago. There is a lot of unused potential in the small and medium-sized businesses segment. But such enterprises, as a rule, have low innovative activity plus scientific organizations are not interested in the small-scale studies implementation this business segment can offer. The state is still in search of large-scale effective measures to establish successful interactions in this area;

- weak susceptibility of Russian companies to innovation, which is based on weak firms motivation to develop: they are either satisfied with the current state of affairs, or they are afraid to expand so as not to attract the attention of the state and competitors;

- poor awareness of business and scientific organizations about each other, existing problems which can open up opportunities for cooperation.

Krivoshei V.A. represents scientific and industrial cooperation as the economy modernization basis of any country [3]. He thinks that scientific organizations are the basis for progressive development system of the country. His works are aimed at researching optimal organizational forms based on integration and cooperation.

However, V.A. Krivoshei conducts research exclusively in the agro-industrial complex and the goal is to ensure the country's food security. The author does not extrapolate to other industries and does not consider the scientific and industrial cooperation relationship with the country innovative development.

Kuznetsova E.P. explores the current state of industrial cooperation in Russia, and also studies its relationship with the socio-economic development of the country. According to the author, an important task for Russia is to accelerate technological progress based on scientific and industrial cooperation because of the sanctions and the import substitution need. The works note

the importance of the current system of state support as a necessary condition for establishing effective interactions between the scientific community and production. According to Kuznetsova E.P., one of the first steps in this direction is an objective assessment of the interaction development level and therefore the author proposes a methodology for assessing the industrial cooperation development [4].

Kirillova E.A. also notes the dependence of sustainable economic development and innovation, which require communication between science, industry and the state. At the same time, she highlights the following problems:

- inefficient spending on innovation;
- low interest of industrial enterprises in the scientific research results;
- weak focus of scientific research to the market needs and insignificant realization of the human resources potential in scientific organizations.

All these factors, according to the author, require closer long-term scientific and technical cooperation, which is impossible without the state support [5].

Dezhina I.G. and Ponomarev A.K. study practical approaches that increase the science feedback and ensure the state technological independence. Their proposals consider the "technological leap" need, based on the cooperative relations organization, which is currently insufficiently developed. The authors note the "technological leap" policy requires large financial investments, therefore, budget financing will be required in the first years. Another problem is the key specialists outflow, which has intensified in the last few years. That is why, researchers emphasize that measures are needed to retain and attract specialists in order to ensure the state technological independence [6; 7].

Dezhina I.G. and Ponomarev A.K. consider technological independence to be the basis of technological sovereignty. Private and mixed technology companies operating in close cooperation with universities, small innovative enterprises and scientific organizations are needed to stimulate their own technologies development. Such consortia should be supported by the state with the subsequent involvement of investors.

R.V. Kashbraziev focuses his research on international industrial cooperation, concluding that the high-tech goods production is possible only at the manufacturing and scientific companies interstate networks. At the same time, the author defines the main problem of integration into international communication chains: the technical level increase in the economy and the innovations development rises dependence on foreign partners, leading to a weakening of the country's economic security. The problem solution is possible with the effective development of the national innovation system [8].

Shamaeva N.P. studies the industrial and scientific-industrial cooperation relationship with the economic growth of the country. She thinks scientific and industrial cooperation is one of the most effective forms of combining the efforts of separate organizations. The flexibility of this type of communication allows you to increase competitive advantages and gain additional profit. The author suggests to develop technological platforms, as a creating favorable conditions tool, that should become a communication platform for considering technological development significant issues, for identifying and jointly choosing development priority areas and research topics for strengthening cooperative ties. Technological platforms, according to N.P. Shamayeva, should contribute to the efforts of business, science and the state, which will lead to the high-quality and promising innovation proposals influx. [9; 10].

Recent years dissertation researches have highlighted cooperation in the construction, machine-building and processing complexes of various regions and have considered the problems of regional industrial cooperation, innovative cooperation management of industrial clusters subjects.

Maznitsa E.M. conducted research on the industrial cooperation of the construction complex [11]. In his works, the author describes the types and forms of relationships between business entities and justifies the expediency of implementing effective forms of industrial cooperation in the construction complex. The researcher pays special attention to the issues of interaction between small and large enterprises, proves the importance of forming cooperative industrial relations to increase the small enterprises sustainability in the regional industry market formation and development conditions. He proposes the selecting options method for enterprises industrial cooperation in the construction complex.

However, in her works, Maznitsa E.M. focuses on the small enterprises functioning sphere of the complex and increasing their sustainability. Industrial cooperation is considered only as a form of interaction between companies, and the issue of possible interaction with scientific organizations and universities is not touched upon.

A.O. Skopin studies the problems of regional industrial cooperation and cluster projects [12]. The research was conducted on the timber industry complex basis of the Kirov region. He developed methodological recommendations for the industrial cooperation development between small, medium and large enterprises. The main factors hindering the industrial cooperation development have been identified. A production cluster model in the region, based on the economic entities interaction in the innovative industry projects implementation in market conditions, is proposed.

However, A.O. Skopin emphasis the interconnection study of industrial enterprises within the regional

industrial cluster framework, as well as the economic justification for the choice of innovative projects in the cluster. The issues of the possible interaction with various scientific organizations and universities, as well as the interaction effectiveness assessment, are not given due attention in the works of A.O. Skopin.

Trapeznikov V.A.'s research concerns the industrial cooperation development in the regional machine-building complex (Middle Urals) [13]. The author has developed the classification of types in industrial cooperation and the industrial cooperation development program in the machine-building complex of the region, he also systematized evaluation indicators for the cooperation effectiveness, and proposed a methodology for the effectiveness analysis of the Program implementation for the industrial cooperation development.

However, Trapeznikov V.A. hardly consider the industrial enterprises communication sphere with scientific organizations and universities in his current and previous works. The development program, evaluation indicators for the cooperation effectiveness, etc. are presented only within the interaction framework only within the industrial enterprises.

Karpichev E.V. studied the innovative cooperation management mechanisms industrial clusters subjects [14]. He described the development trends in the industrial clusters, assessed the cooperation level in national clusters, proposed a cooperation scheme for industrial cluster subjects, and for innovative cooperation managing mechanisms of industrial clusters subjects.

However, Karpichev E.V. considers cooperation precisely within the framework of the cluster model. In addition, this study does not consider the effectiveness evaluation of various forms of cooperation.

One of the latest studies is the work of Vlasova V.V., which examines scientific and industrial cooperation as a factor in the innovative potential development of Russian manufacturing enterprises [15]. Scientific and industrial cooperation is considered as the institutional interaction of enterprises with scientific organizations and/or universities in order to create innovations. The author has studied the variety of cooperative strategies and enterprises networking, the factors determining the companies involvement in organizations interaction with the research and development sector.

Vlasova V.V. in her research mainly focuses on studying the specifics of cooperation in the manufacturing industry and does not pay due attention to extrapolation to other industries; does not consider the scientific and industrial cooperation relationship with innovative development and economic security of the Russian Federation.

Despite numerous studies in this area, many issues remain not fully understood. In many studies, cooperation is considered only as the industrial enterprises interaction with each other, and the issues of establishing

systematic interaction with scientific organizations and universities are not reviewed, the scientific and industrial cooperation development conditions are not determined, the factors preventing the effective cooperative relations establishment between economic entities are not investigated. Research is often conducted within the single industry framework without the problem extrapolation to other types of economic activity.

The definitions currently available either describe cooperation as any cooperation without specifying the goals, or define the goals rather vaguely ("increasing overall efficiency", "maximizing synergetic effects").

The refined definition of this category is proposed as a result of the existing approaches analysis to the scientific and industrial cooperation essence.

Scientific and industrial cooperation is a formalized long-term mutually beneficial cooperation between industrial enterprises, scientific organizations and universities, built within the framework of the national innovation ecosystem and aimed at strengthening technological sovereignty and innovative development of the country.

A distinctive feature of the proposed definition is, firstly, the clear goal indication of scientific and industrial cooperation, namely, the innovations creation and the

strengthening of technological sovereignty. Secondly, scientific and industrial cooperation should be built into a single network within the national innovation ecosystem framework. Ecosystem principles will contribute to all cooperation participants development.

This definition also emphasizes the fact that the relations between the cooperation participants must be documented, for example, through a cooperation agreement. The formalization of contractual relations imposes additional responsibility on the participants, as well as performs a controlling and stimulating function.

The study of the scientific and industrial cooperation concept is both theoretical and applied. The conducted research helps to reveal this concept essence, and also shows the close relationship of scientific and industrial cooperation with the country innovative development. To identify and study the problems of developing cooperative relations between scientific organizations, industrial enterprises and the state, additional analysis, which will be carried out at further stages of the study, is necessary.

The results of the work can be useful to researchers studying the issues of interaction between science, business and the state.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ № 22 от 29.05.2023. Раздел IV. Часть II. ст. 3964
2. Симачев Ю.В. Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения / Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык // Вопросы экономики. – 2021. – № 6. – С. 103-138. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138.
3. Кривошей В.А., Ткач А.В. Научно-производственная кооперация как основа модернизации экономики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2010. – № 5. – С. 23-27.
4. Кузнецова Е.П. К вопросу оценки развития производственной кооперации в регионе / Е.П. Кузнецова // Проблемы развития территории. – 2019. – № 5 (103). – С. 64-77. – DOI 10.15838/ptd.2019.5.103.4.
5. Кириллова Е.А. Сравнительный анализ основных тенденций взаимодействия организаций науки и образования с промышленными предприятиями. Управленческие науки. 2021; 11 (4): 86-98. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-3-86-98.
6. Дежина И.Г., Пономарев А.К. Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России / И.Г. Дежина, А.К. Пономарев // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 53-68. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.5.
7. Дежина И.Г. От науки к технологиям: новые тренды государственной политики / И. Г. Дежина, А.К. Пономарев // Инновации. – 2020. – № 10 (264). – С. 30-40. – DOI 10.26310/2071-3010.2020.264.10.004.
8. Кашбразиев Р.В. О целях международной производственной кооперации / Р.В. Кашбразиев // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 39-42.
9. Промышленная кооперация в современных условиях / Е.В. Александрова, С.А. Мохначев, В.А. Соколов, Н.П. Шамаева // Транспортное дело России. – 2020. – № 1. – С. 49-52.
10. Шамаева Н.П. Промышленная кооперация как фактор экономического развития / Н.П. Шамаева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2014. – № 1. – С. 98-108.
11. Мазница Е.М. Производственная кооперация как фактор повышения устойчивости малых предприятий строительного комплекса (на примере Волгоградской области): диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Мазница Е.М. – Волгоград, 2004. – 159 с.
12. Скопин А.О. Развитие региональной производственной кооперации и кластерных проектов: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Скопин А.О. – Киров, 2008. – 220 с.
13. Трапезников В.А. Развитие производственной кооперации в региональном машиностроительном комплексе: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Трапезников В.А. – Екатеринбург, 2011. – 183 с.

14. *Карпичев Е.В.* Механизмы управления инновационной кооперацией субъектов промышленных кластеров: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Карпичев Е.В. – Санкт-Петербург, 2019. – 148 с.
15. *Власова В.В.* Научно-производственная кооперация как фактор развития инновационного потенциала предприятий обрабатывающей промышленности России : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Власова В.В. 2021. – 98 с.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 № 1315-r «On approval of the Concept of technological development for the period until 2030» // Collection of legislation of the Russian Federation № 22 dated May 29, 2023. Section IV. Part II. Art. 3964
2. *Simachev Yu.V.* Interaction of Russian business with science: points of contact and stumbling points of metals / Yu.V. Simachev, M.G. Kuzyk // Questions of Economics. – 2021. – № 6. – P. 103-138. – DOI 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138.
3. *Krivoshey V.A., Tkach A.V.* Scientific and production cooperation as the basis of a progressive economy // Economics of agricultural and processing enterprises. - 2010. - № 5. - Pp. 23-27.
4. *Kuznetsova E.P.* On the issue of assessing the development of industrial cooperation in the region / E.P. Kuznetsova // Problems of territory development. – 2019. – № 5 (103). – P. 64-77. – DOI 10.15838/ptd.2019.5.103.4.
5. *Kirillova E.A.* Comparative analysis of the main trends in the interaction of scientific and educational organizations with industrial enterprises. Management Sciences. 2021; 11 (4): 86-98. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-3-86-98.
6. *Dezhina I.G., Ponomarev A.K.* Approaches to ensuring technological independence of Russia / I.G. Dezhina, A.K. Ponomarev // Science management: theory and practice. 2022. T. 4, № 3. Pp. 53-68. DOI: 10.19181/smt.2022.4.3.5.
7. *Dezhina I.G.* From science to technology: new trends in state policy / I.G. Dezhina, A.K. Ponomarev // Innovations. – 2020. – № 10 (264). – P. 30-40. – DOI 10.26310/2071-3010.2020.264.10.004.
8. *Kashbraziev R.V.* On the goals of international production cooperation / R.V. Kashbraziev // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2015. – № 4. – P. 39-42.
9. Industrial cooperation in modern conditions / E.V. Aleksandrova, S.A. Mokhnachev, V.A. Sokolov, N.P. Shamaeva // Transport business of Russia. – 2020. – № 1. – P. 49-52.
10. *Shamaeva N.P.* Industrial cooperation as a factor of economic development / N.P. Shamaeva // Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law. – 2014. – № 1. – P. 98-108.
11. *Maznitsa E.M.* Industrial cooperation as a factor in increasing the sustainability of small enterprises in the construction complex (on the example of the Volgograd region): dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / E.M. Maznitsa. – Volgograd, 2004. – 159 p.
12. *Skopin A.O.* Development of regional production cooperation and cluster projects: dissertation for the degree of candidate of economic sciences / A.O. Skopin. – Kirov, 2008. – 220 p.
13. *Trapeznikov V.A.* Development of production cooperation in the regional machine-building complex: dissertation for the academic degree of Candidate of Economic Sciences / V.A. Trapeznikov. – Ekaterinburg, 2011. – 183 p.
14. *Karpichev E.V.* Mechanisms for managing innovative cooperation of subjects of industrial clusters: dissertation for the degree of candidate of economic sciences / E.V. Karpichev – St. Petersburg, 2019. – 148 p.
15. *Vlasova V.V.* Scientific and production cooperation as a factor in the development of the innovative potential of manufacturing enterprises in Russia: dissertation for the academic degree of Candidate of Economic Sciences / V.V. Vlasova, 2021. – 98 p.

Васецкая Елена Сергеевна,

аспирант кафедры Экономики промышленности и производственного менеджмента, Самарский государственный технический университет, город Самара,
elenaneunylova98@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье рассмотрены исторические аспекты теории человеческого капитала, от этапа зарождения с первыми попытками оценить производительную стоимость человека, до формирования фундаментальной теории человеческого капитала и современных трактований данного понятия. Заложенные в теории идеи кардинально изменили отношение к вложениям в человека, в них стали видеть инвестиции, которые могут обеспечить долгосрочный производительный эффект. Делается вывод о том, что о том, роль и место человеческого капитала в экономике, его развитие и использование является приоритетным вопросом на всех этапах развития науки.

Ключевые слова: человеческий капитал, теория человеческого капитала, инвестиции в человеческий капитал, интеллектуальный капитал.

Elena S. Vasetskaya,

Postgraduate at the Department of Industrial Economics and Production Management,
Samara State Technical University, Samara,
elenaneunylova98@gmail.com

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF HUMAN CAPITAL

Abstract. The article examines the historical aspects of the theory of human capital, from the inception stage with the first attempts to estimate the productive value of a person, to the formation of the fundamental theory of human capital and modern interpretations of this concept. The ideas contained in the theory radically changed the attitude towards investments in people; they began to be seen as investments that can provide a long-term productive effect

Keywords: human capital, human capital theory, investment in human capital, intellectual capital.

Неоднозначность понятия «человеческий капитал» объясняется многообразием подходов и методов его измерения и оценки. Зарождение концепции человеческого капитала связано с именами представителей английской классической политической экономии: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо.

Еще в семнадцатом веке Вильям Петти попытался оценить денежную стоимость производительных свойств индивидуума и ввел понятие «живые действующие силы человека». По его мнению, ценность большинства людей, подобно земле, равна 20-ти кратному годовому доходу, который они приносят.

В своем труде «Политическая арифметика» он говорил о зависимости богатства общества от вида занятий людей и их способностей к труду. К примеру, моряка он приравнивал к трем крестьянам, а взрослого оценивал вдвое дороже, чем ребенка [9].

Век спустя Адам Смит и другие представители экономической теории также признали концепцию

человеческого капитала. В 1776 году в своем трактате «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит указал, что благосостояние общества зависит преимущественно от числа рабочих и качества их навыков. Затраты на обучение, по его мнению, и составляют основной капитал, который реализуется в человеке [10].

Д. Рикардо в своем труде «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817 год) говорит о главной роли образования в формировании человеческого капитала и относит его к основному виду затрат. Причиной разного уровня экономического развития стран он считал недостаток образования.

Говоря об этапе зарождения теории человеческого капитала, стоит отметить основоположника неоклассического направления – Альфреда Маршалла. В своем главном труде «Принципы экономической науки» (1890 год) он отмечает здоровье и силу населения (физическую, умственную, нравственную) как

основу производительности [7]. А. Маршалл рассматривал государственные расходы на образование в качестве национальных инвестиций, которые необходимо увеличивать, чтобы открыть перед людьми большие возможности, чем они сами смогут себе обеспечить.

В 1896 году была опубликована работа И.И. Янжула, А.И. Чупрова, Е.Н. Янжул «Экономическая оценка народного образования», в которой авторы пришли к выводу о влиянии уровня образования как на производительность труда, так и на качество работы. Кроме того, более высокий уровень образования способствовал продвижению работников по службе, грамотные люди отличались большей добросовестностью, меньшей распущенностью и праздностью. Данные заключения были получены на основании результатов анкетных опросов и статистических исследований, проведенных на группе фабрик.

Следует отметить вклад русского академика С.Г. Струмилина в развитие теории человеческого капитала. В свою очередь, он говорил об особой значимости и пользе для государства инвестирования в образование, что позволит добиться опережающего экономического развития страны.

В 1935 году был опубликован его труд «Черная металлургия в России и СССР», содержащий актуальные в наше время слова: «независимо от вещного состава новой техники на этих предприятиях для их освоения необходимо еще накопить немалый невещественный фонд производственного опыта и технических навыков в рабочих кадрах, без чего теряет цену и лучшая техника».

Исследования мировых классиков экономической мысли, рост важности человеческого фактора в условиях научно-технической революции стали основой для формирования теории человеческого капитала в 50-60х годах XX века. Ее основоположниками считаются американские ученые, лауреаты Нобелевской премии по экономике – Т. Шульц и Г. Беккер. Их теория до сих пор считается ведущей, на ней основывается большая часть современных исследований, однако многие методологические элементы теории остаются дискуссионными.

Впервые словосочетание «человеческий капитал» (human capital) появился в 1958 году в работе американского экономиста Джейкоба Минсера «Инвестиции в человеческий капитал». Автор трактовал его как «комплекс знаний и умений, которые используются для создания благ, способных удовлетворить потребности общества».

Впоследствии эту тему развивали Т. Шульц и Г. Беккер, они заложили фундамент теории человеческого капитала, за что им была присуждена Нобелевская премия по экономике в 1979 и 1992 годах соответственно. Их теория до сих пор является ведущей, на

ней базируется большое количество современных исследований, хотя многие моменты остаются спорными. Теодор Шульц, как и многие ученые, рассматривали в качестве человеческого капитала лишь образование, он также отмечал важность повышения его уровня для женщин и молодежи. Инвестирование в человеческий капитал, по мнению Шульца, является единственным способом преодоления бедности государства.

Кроме того, Т. Шульц, экономически сравнивая человеческий капитал с вещественным, утверждал, что между ними принципиальных отличий, так как они оба приносят доход.

Последователь Т. Шульца – Г. Беккер внес большой вклад в развитие теории человеческого капитала. В своем представлении о человеческом капитале он использовал такие понятия, как цена, редкость, альтернативные издержки и т. п. в самых разных аспектах человеческой жизни.

Под человеческим капиталом Г. Беккер понимал запас знаний, навыков и мотиваций. Инвестированием в него можно считать обучение, производственную подготовку, охрану здоровья, миграцию и т. д. [1]. Всё это способствует росту производительных сил, интеллектуальному и культурному потенциалу людей.

Его работа «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» стала фундаментом дальнейших исследований. Благодаря Г. Беккеру была доказана эффективность идеи высококачественной образовательной системы для национальной экономики в долгосрочной перспективе, что привело к реализации политики государственного инвестирования в сферу образования.

Г. Беккер выделял три формы проявления человеческого капитала: общие (знания, формирующиеся в семье и учебных заведениях), специальные (знания, полученные в процессе трудовой деятельности) и прочие (знания, формирующиеся в результате работы с информационными продуктами).

Концепции, заложенные в теории человеческого капитала, кардинально изменили отношение к вложениям в человека, в них стали видеть инвестиции, обеспечивающие долговременный производственный эффект.

В результате многолетних исследований зарубежных ученых теория человеческого капитала стала общепризнанным научным направлением в мире, активно изучающимся в образовательных учреждениях.

Большой интерес вызывает работа Л. Эдвисона и М. Мэлоуна «Интеллектуальный капитал» (1997 год), в которой человеческий капитал рассматривается в рамках конкретной фирмы (на микроуровне), а не на макроуровне, как у большинства исследователей.

Данную работу, на наш взгляд, можно рассматривать как новый шаг в практике использования те-

ории человеческого капитала. Авторы к классическому определению человеческого капитала добавляют такие составляющие, как моральные ценности, культура труда и общий подход к делу.

Теорией человеческого капитала в России начали фундаментально заниматься в 90-х годах XX столетия, в период осуществления радикальных экономических реформ.

Стоит отметить коллективный труд Добрыни-на А.И., Дятлова С.А., Цыреновой Е.Д. «Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования» (1999 год). Авторы классифицируют виды человеческого капитала, разрабатывают систему показателей его оценки. Отдельное внимание они уделяют совокупному человеческому капиталу региона, утверждая, что его накопление способствует развитию и экономическому росту региона, и соответственно, социальному благосостоянию [5].

Современные определения человеческого капитала имеют более широкие толкования.

С.А. Дятлов под человеческим капиталом понимает «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков (доходов) данного человека» [4].

А.А. Цыренова под человеческим капиталом понимает «накопленный запас здоровья, знаний, навыков, мотиваций, профессионального опыта, адаптационных, коммуникативных и нравственных свойств личности, формируемый путем инвестиций в условиях изменяющихся социальных институтов, адекватный состоянию трансформируемой институциональной среды и активно влияющий на характер происходящих изменений».

Л.А. Ефимова применяет к понятию «человеческий капитал» термин «компетенции», который особенно актуален для современной системы образования: «Человеческий капитал – это совокупность природных способностей, приобретенных знаний, умений, навыков, мобильности, мотивации и физического состояния человека, то есть набор компетенций,

который целесообразно используется человеком в определенной сфере общественного воспроизводства, способствует росту производительности труда и эффективности производства».

Ю.Г. Быченко дает развернутое трактование развития человеческого капитала: «процесс, осуществляемый в результате инвестиций государства, предприятий, частных лиц в формирование запаса знаний, умений, навыков, опыта, здоровья, интеллектуальных и физических способностей к труду, которые могут использоваться или используются в экономических целях для получения или увеличения дохода общества, предприятия или работника». Он подразделяет человеческий капитал на две категории: потенциальный и реально-функционирующий.

Г.Н. Соколова рекомендует использовать вместо человеческого капитала понятие «интеллектуальный капитал», понимая под этим «сформированный в виде инвестиций и накопленный человеком определенный запас культуры и здоровья, научно-образовательных знаний и мотиваций, который целесообразно используется в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействует росту производительности и качества труда и тем самым ведет к росту личного и общественного благосостояния».

Понятие, содержание, формы и способы оценки человеческого капитала со временем дополняются и уточняются, так как данная тема привлекает все больше исследователей. Ведь человеческий капитал – это ключевой фактор развития как на микроуровне (в рамках предприятия), так и макроуровне (в рамках государства). Особенную важность человеческий капитал принимает в настоящее время, в условиях цифровизации, когда требования к навыкам, знаниям и компетенциям человека растут в геометрической прогрессии. Постоянное обучение, повышение квалификации, в некоторых случаях переквалификация, освоение смежных профессий становится необходимым условием для востребованности на рынке труда.

Таким образом, изучив исторические аспекты формирования теории человеческого капитала, от этапа зарождения в 17 веке до настоящего времени, можно сделать вывод о том, что роль и место человеческого капитала в экономике, его развитие и использование является приоритетным вопросом на всех этапах развития науки.

Список литературы

1. Беккер Г. Человеческий капитал. Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. – 1993. № 11. – С. 11-12.
2. Голованова Е.Н. Инвестиции в человеческий капитал предприятия / Е.Н. Голованова, С.А. Лочан, Д.В. Хавин. - М.: ИНФРА-М, 2017. - 959 с.
3. Грузков И.В. Воспроизводство человеческого капитала в условиях формирования инновационной экономики России. Теория, методология, управление: моногр. / Грузков И.В. - М.: Экономика, 2018. - 129 с.
4. Добрынин А.Н., Дятлов С.А., Курганский С. Методология человеческого капитала // Экономика образования. Международный периодический научный журнал. Кострома, № 1. 1999.

5. Добрынин А.Н., Дятлов С.А. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: «Наука», 1999.
6. Кокуйцева Т.В., Шиманский А.А. Теоретические основы формирования и развития человеческого капитала в российской и зарубежной литературе // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Том 10. – № 1. – С. 233-248.
7. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993, 351 с.
8. Милль Дж.С. Основы политической экономии: Т.1 – М.: Прогресс, 1980.
9. Петти У. Экономические и статистические работы. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Изд-во Соцэкгиз, 1962.

References

1. Bekker G. Chelovecheskij kapital. Vozdejstvie na zarabotki investicij v chelovecheskij kapital // SShA: ekonomika, politika, ideologiya. – 1993. № 11. – С. 11-12.
2. Golovanova E.N. Investicii v chelovecheskij kapital predpriyatiya / E.N. Golovanova, S.A. Lochan, D.V. Havin. - М.: INFRA-M, 2017. - 959 s.
3. Gruzkov I.V. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v usloviyah formirovaniya innovacionnoj ekonomiki Rossii. Teoriya, metodologiya, upravlenie: monogr. / Gruzkov I.V. - М.: Ekonomika, 2018. - 129 s.
4. Dobrynin A.N., Dyatlov S.A., Kurganskij S. Metodologiya chelovecheskogo kapitala // Ekonomika obrazovaniya. Mezhdunarodnyj periodicheskiy nauchnyj zhurnal. Kostroma, № 1. 1999.
5. Dobrynin A.N., Dyatlov S.A. Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, effektivnost ispolzovaniya. SPb.: «Nauka», 1999.
6. Kokujceva T.V., Shimanskij A.A. Teoreticheskie osnovy formirovaniya i razvitiya chelovecheskogo kapitala v rossijskoj i zarubezhnoj literature // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. – 2020. – Том 10. – № 1. – С. 233-248.
7. Marshall A. Principy ekonomicheskoy nauki. – М.: Progress, 1993, 351 s.
8. Mill Dzh.S. Osnovy politicheskoy ekonomii: T.1 – М.: Progress, 1980.
9. Petti U. Ekonomicheskie i statisticheskie raboty. – М.: Socekiz, 1940. – 324 s.
10. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. – М.: Izd-vo Socekiz, 1962.

Джаксбаева Ольга Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Социально-правовых дисциплин,
Московский гуманитарный университет, Москва,
dzhaksbaevaolga@gmail.com

Клейменова Татьяна Николаевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры Товароведения и таможенного дела,
Российский университет кооперации, Калининград,
tanja.56@list.ru

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности кадровой политики таможенных органов, их проблемы, а также возможные способы решения. Используются федеральные нормативно-правовые акты для определения текущего состояния кадровой политики таможенных органов с целью выявления закономерностей формирования кадров. Авторами предлагаются различные методики повышения качества подбора кадров, поступающих на службу работников таможенных органов. Акцент делается на процедуре кадровой политики, ее особенностях и тех аспектах, которые в той или иной степени влияют на формирование кадров таможенных органов. Сделан вывод, что выявление ряда проблем с их последующим решением позволит существенно повысить эффективность работы таможенных органов, сформировать более слаженную структуру, что, в свою очередь, облегчит внешнюю экономическую деятельность государства.

Ключевые слова: кадровая политика, таможенные органы, персонал организации, государственное управление, эффективность работы.

Olga V. Dzhaksbaeva,

Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Legal Disciplines,
Moscow University for the Humanities, Moscow,
dzhaksbaevaolga@gmail.com

Tatiana N. Kleimenova,

Ph.D. of Agricultural Sciences, Associate Professor at the Department of Commodity Science and Customs,
Russian University of Cooperation, Kaliningrad,
tanja.56@list.ru

PROBLEMS OF PERSONNEL POLICY IN CUSTOMS AUTHORITIES

Abstract. This article discusses the features of the personnel policy of customs authorities, their problems, as well as possible solutions. Federal regulatory legal acts are used to determine the current state of the personnel policy of customs authorities in order to identify patterns of personnel formation. Various methods are proposed to improve the quality of recruitment of personnel entering the service of customs officials. The emphasis is on the procedure of personnel policy, its features and what forms the personnel of customs authorities to one degree or another. Identification of a number of problems with their subsequent solution will significantly improve the efficiency of the customs authorities, form a more coherent structure, which, in turn, will facilitate the external economic activity of the state.

Keywords: personnel policy, customs authorities, organization personnel, public administration, work efficiency.

Кадровая политика в любой организации является крайне важным направлением, напрямую определяющим эффективность работы той или иной структуры организации. Наиболее заметный вклад кадровой политики виден при работе государственных структур, каковой является таможня. Правильная методика и грамотные решения по подбору кадров

позволяют не только снизить нагрузку на таможенные органы, но и наладить механизмы, от оперативности реализации которых зависит немалая часть экономики.

Кадровая политика в таможенных органах имеет как общие черты с другими видами государственной службы, так и особенные, характерные именно

для данной отрасли. В первую очередь необходимо понять степень кадровой укомплектованности таможенных органов, чтобы сделать выводы относительно текущего состояния. В 2018 году Федеральная таможенная служба (далее – ФТС) опубликовала итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России, согласно которому федеральные и региональные таможенные органы были укомплектованы более чем на 90 % [1].

Однако уже в 2020 году, согласно Постановлению Правительства РФ от 15 апреля 2020 года № 509 «О внесении изменения в пункт 6 Постановления Правительства Российской Федерации от 21 августа 2004 года № 429», предельная численность сотрудников региональных таможенных управлений, таможенных постов и организаций была увеличена с 14 тысяч единиц до 25 тысяч единиц [2]. Подобная тенденция дает понять, что законодатель в той или иной мере предпринимает попытки увеличения кадрового состава Федеральной таможенной службы, причем как в федеральной, так и региональной частях даже при изначально высокой укомплектованности персонала.

Однако увеличение количества кадров всегда сопровождается снижением их среднего качества. В этом плане необходима длительная работа, которая должна быть направлена на повышение эффективности подготовки новых кадров, их введение в работу и знакомство со своими должностными обязанностями. Также стоит уделить особое внимание принципам подготовки кадров для таможенных органов. Эти принципы включают в себя:

- профессионализм и компетентность служащих;
- наличие необходимого количества информации о государственной службе в таможенных органах;
- комплекс действий по взаимодействию таможенных органов как с гражданами, так и общественными объединениями;
- государственная защита служащих таможенных органов от вмешательства в их трудовую деятельность;
- законность служащих;
- ответственность служащих.

Данные принципы являются основными, на них базируется государственная кадровая политика в отношении как таможенных, так и иных органов [3, с. 14].

Рассматривать общие черты формирования кадрового состава таможенных органов нельзя в отрыве от государственной службы в целом, так как для них схожи требования и механизмы работы. При формировании кадрового состава необходимо делать акцент на профессиональные качества госслужащих, их умение оперативно использовать свои полномочия как для осуществления предусмотренной деятель-

ности, так и для решения проблем, возникающих в определенных ситуациях. Именно способность использования в работе эффективных технологий государственного управления дает возможность повышать качество работы таможенных органов [4, с. 24].

Учитывая высокую укомплектованность, а также численность как федеральных, так и региональных таможенных органов, стоит сделать вывод, что наиболее важным и актуальным направлением является именно подготовка кадров, их специализация в зависимости от уровня образования. На данный момент в России существует немало вузов, которые осуществляют подготовку по направлению «Таможенное дело», однако вузов с профильной подготовкой, которые напрямую связаны с Федеральной таможенной службой, крайне мало. Этим и можно обусловить высокую укомплектованность состава, но не столь высокий профессиональный уровень лиц, претендующих на работу в таможенных органах на конкурсной основе. Решением этой проблемы может стать более активное сотрудничество Федеральной таможенной службы с другими вузами по всей стране, что позволит стандартизировать требования к качеству образования студентов-выпускников.

Интерес также представляет Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, в которой достаточно подробно указаны цели и задачи, поставленные перед Федеральной таможенной службой на ближайшие годы. Основным посылом данного документа является автоматизация основных процессов и переход на электронную систему взаимодействия с объектами таможенного дела, как физическими, так и юридическими лицами [5]. Акцент на эти составляющие был сделан законодателем не спроста, так как есть необходимость оснащения таможенных органов соответствующим оборудованием. Решая проблему оснащения электронным инструментарием, возникает вопрос относительно умения применять их должным образом сотрудниками таможенных органов. Именно обучение и переквалификация кадров является важным направлением кадровой политики таможенных органов России в целом.

Законодателем уже введено «Положение о системе показателей работы таможенных органов Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга», в соответствии с которым осуществляется анализ квалификации кадрового состава. Рассматривать данный документ и его практическое воплощение необходимо с учетом тенденций, направленных не только на повышение компетенции специалистов, но и на повышение их общенаучных и личностных компетенций [6]. Проведение различных мероприятий, носящих информационный характер, также способствует повышению ответственности кадров тамо-

женных органов, имеющих небольшой стаж работы. Они должны понимать, что качество их службы напрямую влияет на экономическое состояние страны.

Законодатель использует различный инструментарий для повышения качества кадров:

- предоставление и обеспечение сотрудников таможенных органов доступным и комфортным жильем;
- содействие обучению по программам дополнительного профессионального образования;
- реализация системы поощрений и дисциплинарных взысканий;
- проведение заседаний комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих [7].

Подобные меры были приняты еще до увеличения предельного количества работников государственных органов, поэтому на данный момент, учитывая текущее количество работников таможенных органов, есть необходимость в расширении вышеперечисленных мер. С течением времени новые работники должны повышать собственную квалификацию, используя при этом и возможности государства.

Развитие персонала таможенных органов является внутренним процессом, однако его легче осуществить в том случае, когда изначально кадровая политика соответствует высокому уровню и предлагает достаточно квалифицированный отбор для кандидатов на государственную службу [8, с.2]. Данный отбор включает в себя несколько этапов:

- организация отбора, включающая в себя как подготовку всего процесса, так и его документальное оформление, связанное с поступлением на гражданскую службу;
- организация и обеспечение проведения конкурсов на вакантные должности государственной службы, в том числе в кадровый резерв. Также данный этап включает в себя аттестацию и проведение экзаменов для претендентов на должность;
- организация проверок, целью которых является удостоверение в том, что кандидат не превышает ограничений, связанных с доходами, имуществом и обязательствами имущественного характера;
- ведение трудовых книжек, личных дел и внесение данных сотрудников в реестр гражданских служащих;
- формирование кадрового состава для замещения должностей гражданской службы;
- иные процедуры.

Как следует из этапов отбора, наиболее актуальными в данный момент являются проведение конкурсов, а также формирование кадрового состава. Эффективная реализация идей данных этапов позволит достичь наиболее важных целей – создания многочисленной выборки, благодаря которой мож-

но осуществить подбор подходящих кандидатов и их распределение в те или иные органы, где есть необходимость в пополнении состава.

Однако увеличение функциональных подразделений влечет за собой ряд других проблем. В первую очередь, они связаны с усложнением работы таможенников. Ярким примером может послужить внешне-экономическая деятельность, ставшая более активной в 2014 году после создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Россия, как член союза, берет на себя определенные полномочия, связанные с таможенным делом других стран. Это повлекло не только необходимость увеличения численности кадров, но и их обучения новой специфике работы, связанной со взаимодействием с таможенными органами других стран. Сложность для работников таможни представляет осуществление главной цели ЕАЭС – проведение скоординированной, согласованной или единой экономической политики в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в интересах повышения жизненного уровня государств-членов [9].

Данная цель, в первую очередь, требует от таможенной службы и ее работников в частности более оперативного проведения таможенных операций, что также находит отражение в Постановлении Правительства РФ относительно Положения о системе показателей работы таможенных органов РФ [10]. Приложение 1 к данному документу дает понять, что основным критерием является скорость совершения таможенных операций при ввозе и вывозе товаров в/из РФ, что также зависит от законодательной составляющей, регулирующей сложность или упрощение тех или иных таможенных процедур.

Еще одной проблемой кадровой политики таможенных органов является дублирование информационных потоков персоналу и многоступенчатость, вызванная большим количеством созданных подразделений, число которых на данный момент превышает 25 штук [11]. Столь широкое разнообразие подразделений и различных структур влечет за собой отсутствие конкретизации тех или иных функций, которые можно назвать схожими для разных подразделений с учетом того органа, к которому они относятся. Избежать этого можно путем четкого разделения и уточнения относительно организационной части таможенных органов, а также закрепления прав и обязанностей начальников и сотрудников таможенных органов [12, с.2].

Учитывая все особенности кадровой политики таможенных органов РФ, среди решений основных проблем можно выделить следующие:

1. Необходимость цифровизации таможенного дела, что позволит заметно сократить проведение тех или иных действий работниками таможенной службы.

2. Сотрудничество ФТС с большим количеством вузов, осуществляющих подготовку специалистов по направлению «Таможенное дело» в целях стандартизации требований к их выпускникам-потенциальным работникам.

3. Увеличение эффективности требований, необходимых для повышения качества персонала, с

учетом увеличения предельной численности работников таможенных органов.

4. Дополнительное обучение действующих сотрудников в соответствии с относительно новыми требованиями, предъявляемые ЕАЭС как стране-члену, осуществляющему внешне-экономическую деятельность.

Список литературы

1. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2018 году. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatelnosti/document/175571> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2020 года № 509 «О внесении изменения в пункт 6 постановления Правительства Российской Федерации от 21 августа 2004 года № 429» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/73911354/> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Староверова К.О. Управление персоналом в таможенных органах: учебник и практикум для вузов. М., Юрайт, 2023. 240 с.
4. Фоткина Л.В. Кадровая политика на государственной службе: учебник для вузов. М., Юрайт, 2023. 362 с.
5. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564952866> (дата обращения: 14.11.2023).
6. Алексеева Е.В., Никонова Н.В. Анализ управления социальным развитием в таможенных органах на современном этапе // Colloquium-journal. 2019. № 26-8 (50). С. 30-32.
7. Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21.07.1997 № 114-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15264 (дата обращения: 15.11.2023).
8. Каранец С.М. Совершенствование кадровой работы таможенных органов // ПСЭ. 2018. № 2 (66). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-kadrovoy-raboty-tamozhennyh-organov> (дата обращения: 17.11.2023).
9. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12880> (дата обращения: 16.11.2023).
10. Постановление Правительства РФ от 29 сентября 2012 года № 994 «Об утверждении Положения о системе показателей работы таможенных органов Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70235358/> (дата обращения: 16.11.2023).
11. Перечень подразделений таможенных органов Российской Федерации и должностей сотрудников таможенных органов Российской Федерации, время службы в которых засчитывается на льготных условиях при участии в оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70262970/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 16.11.2023).
12. Алексеева Е.В., Захаров П.В. Особенности и проблемы управления персоналом в таможенных органах Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-upravleniya-personalom-v-tamozhennyh-organakh-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.11.2023).

References

1. Itogovyy doklad o rezultatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti FTS Rossii v 2018 godu. Ofitsialnyy sayt Federal'noy tamozhennoy sluzhby [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatelnosti/document/175571> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2020 goda № 509 «O vnesenii izmeneniya v punkt 6 postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 21 avgusta 2004 goda № 429» [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/73911354/> (data obrashcheniya: 15.11.2023).
3. Staroverova K.O. Upravlenie personalom v tamozhennykh organakh: uchebnik i praktikum dlya vuzov. M., Yurayt, 2023. 240 s.
4. Fotkina L.V. Kadrovaya politika na gosudarstvennoy sluzhbe: uchebnik dlya vuzov. M., Yurayt, 2023. 362 s.
5. Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. Strategiya razvitiya tamozhennoy sluzhby Rossiyskoy Federatsii do 2030 goda [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/564952866> (data obrashcheniya: 14.11.2023).
6. Alekseeva E.V., Nikonova N.V. Analiz upravleniya sotsialnym razvitiem v tamozhennykh organakh na sovremennom etape // Colloquium-journal. 2019. № 26-8 (50). S. 30-32.

7. Federalnyy zakon «O sluzhbe v tamozhennykh organakh Rossiyskoy Federatsii» ot 21.07.1997 № 114-FZ. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15264 (data obrashcheniya: 15.11.2023).
8. *Karanets S.M.* Sovershenstvovanie kadrovoy raboty tamozhennykh organov // PSE. 2018. № 2 (66). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-kadrovoy-raboty-tamozhennykh-organov> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
9. Ofitsialnyy sayt federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/folder/12880> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
10. Postanovlenie Pravitelstva RF ot 29 sentyabrya 2012 goda № 994 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sisteme pokazateley raboty tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii, poryadke i metodike ikh monitoringa» [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/70235358/> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
11. Perechen podrazdeleniy tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii i dolzhnostey sotrudnikov tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii, vremya sluzhby v kotorykh zaschityvaetsya na lgotnykh usloviyakh pri uchastii v operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/70262970/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (data obrashcheniya: 16.11.2023).
12. *Alekseeva E.V., Zakharov P.V.* Osobennosti i problemy upravleniya personalom v tamozhennykh organakh Rossiyskoy Federatsii // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2019. №12-1 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-upravleniya-personalom-v-tamozhennykh-organakh-rossiyskoy-federatsii> (data obrashcheniya: 17.11.2023).

Жукова Яна Станиславовна,

научный сотрудник Лаборатории макроэкономического анализа и прогнозирования,
Институт проблем рынка Российской академии наук, Москва,
zhukovayana@mail.ru

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИЧИНА НИЗКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье выявлена роль экономической безопасности в концепции и практике защиты объектов российской транспортной инфраструктуры. Автором теоретически обосновано и сформулировано понимание «экономической безопасности предприятия». Рассмотрена эволюция экономических процессов организации транспортной безопасности в России в 20-21 веках. Показано формирование традиции охраны транспорта, как стратегической отрасли органами государственной безопасности, показаны особенности регулирования работы транспорта первыми декретами советской власти, подчинение дела защиты транспорта и его инфраструктуры военному ведомству. Прослежена эволюция реализации рассматриваемой функции, в том числе в деятельности специальных подразделений органов государственной безопасности и служб Министерства путей сообщения СССР. Показано, как в 1990-е годы были существенно изменены методы реагирования на угрозы объектам транспортной инфраструктуры в условиях ограниченности ресурсов российского государства. Выявлены противоречия действующего законодательства и недостатки в деятельности уполномоченного ведомственного органа, ведающего охраной объектов транспортной инфраструктуры. Проанализирована современная экономическая система в сфере деятельности по защите объектов транспортной инфраструктуры и непосредственно деятельность подразделений транспортной безопасности. Выявлены и систематизированы угрозы российской транспортной инфраструктуре: коррупционные, связанные с практикой заключения контрактов, экономические, связанные с минимизацией расходов и соответственно понижением качества охранных услуг, институциональные, связанные с изменчивостью регулирования, что порождает необходимость частых и разнонаправленных инвестиций для обеспечения соответствия всё новым и новым требованиям. К числу угроз отнесен высокий уровень предпринимательских рисков в условиях непрозрачной конкуренции и проявлений лоббизма. Сделан вывод о том, что совокупность угроз экономической безопасности в целом ухудшает состояние защищённости объектов российской транспортной инфраструктуры. Устранение угроз и минимизация рисков возможны в реформированной системе регулирования и функционирования рассматриваемой сферы. Выявлены экономические проблемы в организации деятельности подразделений транспортной безопасности и определены ориентиры для дальнейшего их преодоления.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономика транспортной отрасли, экономика предприятия, экономические угрозы.

Yana S. Zhukova,

Research Officer of the Laboratory of Macroeconomic Analysis and Forecasting, Institute of Market Problems
of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
zhukovayana@mail.ru

THREATS TO ECONOMIC SECURITY AS A REASON FOR THE LOW EFFICIENCY OF TRANSPORT SECURITY UNITS

Abstract. The role of economic security in the concept and practice of protecting Russian transport infrastructure facilities is revealed. The understanding of the "economic security of the enterprise" is theoretically justified and formulated. The evolution of the economic processes of the organization of transport security in Russia in the 20th and 21st centuries is considered. It shows the formation of the tradition of transport protection as a strategic branch by state security agencies, shows the peculiarities of regulation by the first decrees of the Soviet government, subordination of the protection of transport and its

infrastructure to the military department. The evolution of the implementation of the considered function is traced, including in the activities of special units of state security agencies and services of the Ministry of Railways of the USSR. It is shown how in the 1990s the methods of responding to threats to transport infrastructure facilities were significantly changed, as well as the limited resources of the Russian state at that time. Contradictions of the current legislation and shortcomings in the activities of the authorized departmental body responsible for the protection of transport infrastructure facilities have been identified. The modern economic system in the field of protection of transport infrastructure facilities and the activities of transport security units are analyzed. Threats to the Russian transport infrastructure have been identified and systematized: corruption related to the practice of concluding contracts, economic related to minimizing costs and, accordingly, lowering the quality of security services, institutional related to regulatory variability, which necessitates frequent and multidirectional investments to ensure compliance with new and new requirements. The threats include a high level of entrepreneurial risks in conditions of opaque competition and manifestations of lobbying. It is concluded that the combination of threats to economic security in general worsens the state of security of Russian transport infrastructure facilities. The elimination of threats and minimization of risks are possible in a reformed system of regulation and functioning of the sphere under consideration. The economic problems in the organization of the activities of transport security units have been identified and guidelines for further overcoming them have been identified.

Keywords: economic security, economics of the transport industry, economics of the enterprise, economic threats.

В условиях предельного обострения геополитической напряженности, активизации диверсионной и террористической деятельности на объектах транспортной инфраструктуры, их защищенность является одной из приоритетных задач. Кроме того, сохраняются и угрозы экономического содержания, которые необходимо учитывать, выявлять и предотвращать в рамках научно обоснованной системы мероприятий.

Угрозы экономического характера традиционно занимают значительное место в числе критических уязвимостей российской транспортной системы. Их прогноз, понимание, анализ и устранение осложняются широкой дисперсией охраняемой сферы. Особой защиты требуют все объекты транспортной инфраструктуры, а это множество предприятий различной направленности, сведения о числе которых опубликованы и находятся в открытом доступе [11].

Под транспортной системой страны следует понимать транспортную безопасность в виде совокупности уполномоченных субъектов, в чьи полномочия входит прогноз рисков и угроз, их выявление, оценка уязвимости объектов, обоснование планов транспортной безопасности и их реализация. К транспортной системе относятся и аттестующие органы, структуры специального и дополнительного образования, а также производители специальных инженерно-технических, программно-аппаратных и иных средств защиты транспортных объектов.

Указанная совокупность предприятий и организаций реализует основную задачу обеспечения транспортной безопасности, принимая во внимание специфику экономических уязвимостей каждого сектора.

«Экономическая безопасность предприятия» – понятие не новое. Устоялось его общее понимание как совокупности факторов внутреннего текущего и

перспективного состояния предприятия, так и внутреннего текущего и потенциального внешнего воздействия на него [8]. Функционирование современного российского транспортного предприятия без учета и принятия специальных программ и мер по обеспечению его экономической безопасности невозможно.

В основе любой научной концепции экономической безопасности предприятия лежат макро- и микроэкономические факторы: состояние самого предприятия; эффективность использования им ресурсов; соотношение позитивных и негативных условий и т. п. [10].

В российской экономической доктрине экономическая безопасность предприятия трактуется и анализируется весьма разнопланово, например, с позиции выявления (использования) конкурентных преимуществ, которые, в свою очередь, производны от оптимального материального, финансового, кадрового, технико-технологического обеспечения, также оптимальной (применительно к текущей и прогнозируемой ситуации на отраслевом рынке) организационной структурой, стратегических целей и задач предприятия [3]. Также популярно указание на важность показателя эффективности использования корпоративных ресурсов в части и в направлении минимизации (превенции) угроз, обеспечения стабильности в работе [4]. Нередко экономическая безопасность трактуется и в соответствии с положениями и формулировками федерального законодательства и документов стратегического планирования. Здесь подразумевается, что это состояние защищенности жизненно важных интересов предприятия (отрасли) в важнейших для них сферах (финансовой, технологической и др.) от всех реальных и потенциальных

угроз, преимущественно социально-экономической природы. Такая защищенность предполагает и формируется целенаправленной и системной деятельностью менеджмента и персонала во всех сферах и аспектах деятельности предприятия [1]. Они же обеспечивают максимально эффективное использование ресурсов, устраняя таким образом угрозы, минимизируя риски и поддерживая стабильную работу, в том числе в условиях неопределенности и нестабильности [2]. Кроме того, защищенность предполагает состояние стабильно работающего предприятия, поддерживающего финансовое равновесие, получающего плановую прибыль. Таким образом, защищенность становится одним из неперенных условий достижения уставных и коммерческих целей предприятия и способствует его развитию [7]. В более узком смысле, в рамках теории менеджмента защищенность предполагает минимизацию угроз, превенцию рисков в технологической, кадровой и других сферах от всех видов экономических угроз [7].

Концептуальные, организационные и правовые основы экономической безопасности определены в Указе Президента России [12], реализация которого во взаимосвязи с федеральными законами в сфере безопасности и Стратегией национальной безопасности РФ призвана обеспечить защищенность всех сфер жизнедеятельности, а не только экономики. Столь широкое направление выходит за рамки настоящего исследования, которое ориентировано на выявление места экономической безопасности в сфере защиты объектов транспортной инфраструктуры. В данном случае мы анализируем совокупность экономических, организационных и иных отношений в отрасли, развивающихся по поводу упомянутой защиты.

Огромная территория России исторически предполагала ключевую роль транспорта в ее экономическом и социальном развитии. В условиях обострения террористической угрозы, действий недружественных государств, включая как санкции, так и диверсии на транспортной инфраструктуре, все большие ресурсы направляются на её защиту, эффективность которой (достижение максимальной степени защищенности при минимально возможных затратах) представляется темой отдельного исследования.

В институциональном плане безопасность транспорта и его инфраструктуры обеспечивалась в России традиционно органами государственной безопасности: ВЧК и её специальными подразделениями. Обратим внимание, что уже 17 июля 1918 года специальным декретом СНК РСФСР в структуре НКПС РСФСР было сформировано Управление по охране путей сообщения, однако уже через месяц, новым декретом СНК РСФСР от 19 августа 1918 года все вооруженные формирования, задействованные на охране путей со-

общения были подчинены Революционному военному совету (РВС), который разработал и принял необходимые регламентирующие документы, а 26 декабря 1918 года заработал Штаб начальника внешней охраны и обороны всех железных дорог Республики [6]. Таким образом, защите транспорта и его инфраструктуры уделялось приоритетное внимание, а для реализации поставленной задачи были оперативно созданы соответствующие государственные институты.

В дальнейшем, уже в СССР, рассматриваемую функцию исполняли специальные подразделения органов государственной безопасности, а также службы Министерства путей сообщения (МПС СССР).

Кризисные явления 1990-х годов потребовали существенного изменения методов реагирования на угрозы объектам транспортной инфраструктуры, однако российское государство, как известно, тогда было стеснено в средствах и не могло проводить масштабные реформы в этой сфере.

Лишь в 2002 году с наступлением относительной стабилизации в соответствии с Федеральным законом от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», а также в порядке реализации Постановления Правительства РФ № 743 от 11 октября 2001 года «Об утверждении Положения о ведомственной охране Министерства транспорта Российской Федерации» объекты транспортной инфраструктуры перешли под охрану Федерального государственного унитарного предприятия «Управление ведомственной охраны Министерства транспорта Российской Федерации» (ФГУП «УВО «Минтранса России»), что, по сути, повторяло ранний советский опыт, но уже на новом этапе развития. Новая структура обеспечивала защиту:

- аэропортов и объектов их инфраструктуры;
- морских, речных портов и объектов их инфраструктуры;
- организаций и учреждений морского и речного транспорта;
- судоходных гидротехнических сооружений;
- мостов, тоннелей, районов строительства федеральных дорог;
- предприятий автомобильного транспорта, включая автовокзалы, автостанции и автостоянки;
- инженерных сооружений и площадок метрополитена;
- салонов подвижного состава пассажирского автомобильного транспорта, транспортных средств с пассажирами и опасными грузами.

Сегодня ФГУП «УВО Минтранса России» позиционирует себя как «крупное, стабильно развивающееся предприятие, выполняющее стратегические задачи по обеспечению безопасности важных объектов транспортного комплекса». Восемь филиалов ведомственной охраны Минтранса России охраняют свыше тысячи объектов на транспорте [15].

В то же время, в деятельности ФГУП «УВО «Минтранса России», надзорные ведомства неоднократно выявляли финансовые и организационные нарушения, а также перерасход бюджетных средств, что объяснялось невысоким уровнем подготовки личного состава.

Во многом это стало поводом к реформированию системы защиты объектов транспортной инфраструктуры, которое выразилось в формировании новых структур транспортной безопасности, работающих по отраслям, в каждой, отдельной сфере перевозки.

Реформа была ориентирована на обеспечение эффективности, предполагая также экономию. Демонполизированный рынок наполнился аккредитованными коммерческими организациями, что является обязательным требованием федерального закона от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (ч. 9 ст. 12.1).

Базовые требования к претендентам на аккредитацию подразделения транспортной безопасности утверждены Приказом Минтранса РФ от 1 апреля 2015 года № 145 (далее – приказ №145) [9]. Аккредитацию предоставляют уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в определенной транспортной сфере.

Практика реализации положений приказа № 145 демонстрирует продуцирование экономическими противоречиями угроз экономической безопасности. В соответствии с приказом, для получения аккредитации подразделения транспортной безопасности юридическое лицо, должно иметь и представить штат не менее чем 80 аттестованных сотрудников, владеющих приемами и знающими правила досмотра, наблюдения, собеседования и других, необходимых для обеспечения безопасности процедур.

Выполнение аккредитационных требований представляет определенную сложность, так как набор и поддержание штата аттестованных специалистов предполагает их официальное трудоустройство, а соответственно выполнение трудовой функции. Не имеющая соответствующего заказа (контракта) организация не может представить требуемый штат, а значит, и получить аккредитацию. Следуя логике приказа № 145, собирая требуемые в приказе документы, претендент параллельно должен нанять несколько десятков сотрудников, для которых пока нет никакой работы и получение её не очевидно. Приняв на работу, их необходимо аттестовать по категориям для обеспечения соответствия аккредитационным требованиям.

Судя по требуемому объему документов, их сбор, с учетом временных рамок административных процедур, займет не менее двух месяцев, в течение которых предприятие, в соответствии с Трудовым ко-

дексом должно регулярно и в полном объеме выплачивать своим сотрудникам заработную плату, а также нести иные расходы, в том числе и по самой процедуре аттестации.

Подготовленные и поданные документы ещё не означают автоматического предоставления аттестации. Уполномоченный орган будет рассматривать их до трех месяцев.

Исходя из этого порядок получения аккредитации, т. е. статуса подразделения транспортной безопасности влечет для заявителей значительные непроизводительные расходы, которые, во-первых, могут оказаться напрасными (при отказе в аттестации), а во-вторых, при положительном решении вопроса требуют компенсации, т. е. фактически переложения бремени понесённых расходов на заказчика.

Стремясь преодолеть длительный и затратный порядок аттестации, соискатели ищут способы его «упрощения» через разного рода коррупционные схемы.

Исходя из текущего состояния рынка труда, компании, претендующие на аттестацию и работу в охранной сфере, могут нанять в крупных российских городах в основном пенсионеров, а также лиц с явно недостаточным уровнем подготовки и такой же социальной ответственностью. В малых городах, как и в регионах в целом, спрос на работу выше, а зарплаты – ниже. Это позволяет привлекать в охранную деятельность молодых и активных сотрудников, которые, однако, чаще всего не рассматривают это как ступень карьеры, а скорее как временный шаг или подработку. Как только им поступает более выгодное предложение, аттестованные работники быстро покидают компанию, которая, таким образом, находится в фактически непрерывном поиске сотрудников, многократно расходуя средства на аттестацию. На практике, в силу текучести, с одной стороны, и необходимости выполнить условия договора с заказчиком, с другой – такие организации допускают к работе не аттестованных лиц, что создает угрозу экономической безопасности в виде нарушения правил оказания услуг в сфере защиты объектов транспортной инфраструктуры.

Заключить контракт на защиту объекта транспортной инфраструктуры по итогам честной конкуренции реальных претендентов в современных условиях сложно. Как правило, конкурсные требования не рационально высокие, а условия не объективны. Так, в число требований включается условие об обязательном наличии специального, как правило, импортного дорогого оборудования и специальных средств. Нередки случаи требований к аттестации каждого сотрудника по нескольким категориям. Для заказчика считается допустимым требовать от сотрудника и дополнительные лицензии.

Даже добившись контракта, исполнитель не может считать своё положение прочным и планировать долговременное развитие своего бизнеса, так как срочные контракты не дают никаких гарантий на пролонгацию. Теоретически исполнитель может получить дополнительные баллы или неформальные преференции за точное исполнение контракта, но такие «знаки внимания» не гарантируют ему перезаключение договора на новый срок.

Неясность и неопределенность развития – ещё одна, третья по счёту угроза экономической безопасности в рассматриваемой сфере.

Основное противоречие текущего положения мы усматриваем в том, что создание подразделения транспортной безопасности и его развитие как самостоятельной структурной единицы фактически невозможны.

В соответствии с действующим регулированием, а соответственно и на практике, это или новый, отдельный бизнес, куда инвестируются сторонние средства, или лоббирование заинтересованными группами влияния своих интересов. В этом случае подразделения транспортной безопасности фактически создаются не для основной деятельности, а лишь для прикрытия вывода средств из оборота с корыстной мотивацией. Очевидно, что такая практика имеет следствием возникновение новых и новых ограничений конкуренции в рассматриваемой сфере, а, следовательно, падение уровня экономической безопасности.

Не исполнение условий контракта, как правило, имеет следствием его расторжение с последующими санкциями, в число которых может входить лишение аккредитации. Как правило, в данной ситуации сотрудники, имеющие аттестацию, переходят в действующее подразделение транспортной безопасности, имеющее действующий контракт. Таким образом, расходы компании переходят в безвозвратные. В связи с этим, следующей, четвертой угрозой экономической безопасности назовём высокие предпринимательские риски, которые продуцируются ограничением конкуренции, например, лоббистами.

Нарастание угроз транспортной безопасности предполагает растущие требования к обеспечивающим её подразделениям, так как речь идет о жизни и здоровье граждан, а также о состоянии объектов транспортной инфраструктуры, обеспечивающих экономику. Отсюда требования к профессионализму специалистов должны быть стандартизированы высокими.

Исходя из приведенного нами выше определения понятия экономической безопасности, как системы внутренних и внешних факторов, отметим ряд проблем.

К внутренним факторам предприятия, прежде всего, отнесем состояние трудовых ресурсов, проблемы квалификации, переподготовки, поддержания высокой оплаты труда. Последнее непосредственно влияет на цену контракта. Отвечая требованиям контракта, исполнитель должен иметь соответствующие материальные ресурсы, состояние которых устроит заказчика.

К факторам внешней среды отнесём институциональную среду анализируемого бизнеса, которая в её современном состоянии далеко не всегда стимулирует развитие.

Российской транспортной инфраструктуре угрожают:

- 1) ориентация на гарантии заключения контрактов при инвестировании в подразделения транспортной безопасности, что продуцирует коррупционные риски;
- 2) экономические стимулы удешевления, а значит понижения качества охранных услуг, в том числе за счёт экономии на оплате труда персонала;
- 3) неопределенность устойчивости деятельности (продлонгации контрактов);
- 4) изменчивость институциональной среды, что требует непрерывных инвестиций для поддержания бизнеса, следуя за изменчивостью нормативного регулирования;
- 5) высокий уровень предпринимательских рисков, сопряженных с конкуренцией недобросовестных участников соответствующих отношений и их лоббистов.

Угрозы экономической безопасности ухудшают состояние защищённости объектов транспортной инфраструктуры. Реформирование системы регулирования и функционирования этой сферы было ориентировано на обеспечение: эффективной деятельности, честной и прозрачной конкуренции, экономии средств заказчика, особенно если это структуры с государственным участием, исключение экономии на защищенности объектов транспортной инфраструктуры.

Объективизация выявленных угроз способствует разработке современных действенных подходов к их нейтрализации. При этом мы исходим из того, что угрозы экономической безопасности первичны относительно других видов угроз, рисков и уязвимостей в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Бгашев М.В. Стратегия обеспечения экономической эффективности: кадровый аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. № 2. С. 46-51.
2. Бланк И.А. Управление финансирующей безопасностью-снижением предпринимательства К., 2009.
3. Богомолов В.А. Экономическая безопасность: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления. М., 2006.

4. Бугаян С.А., Кущева В.А. Образование кадровой безопасности предприятий // Российский академический журнал. 2013. Т. 25. № 3 (25). С. 28-29.
5. Гильфанов М.Т. Организационно-методический инструментарий оценки детерминант и обеспечения экономической безопасности предприятия // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2013. № 8.
6. Ерин Д.А. К вопросу об организационном и правовом регулировании и деятельности советской милиции, войск ВЧК-ВОХР-ВНУС и иных воинских формирований по обеспечению безопасности на транспорте РСФСР в период 1918-1922 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 2. С. 91-103.
7. Загашвили В.С. Экономическая безопасность России. М., 1997.
8. Козивкин В.В. Экономическая безопасность промышленного предприятия // Бизнес, менеджмент и право. 2016. № 8. С. 39-47.
9. Приказ Министерства транспорта РФ от 1 апреля 2015 года № 145 «Об утверждении Порядка аккредитации юридических лиц в качестве подразделений транспортной безопасности и требований к ним» // Минтранс РФ. <https://morflot.gov.ru/media/crohbfmi/prikaz-145.pdf?ysclid=lpqsw2xev3240736956>.
10. Рубина Р.Я., Рубин А.Г. Экономическая безопасность предприятия: концепции, внутренняя структура, тенденции в области обеспечения // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-predpriyatiya-kontseptsii-vnutrennyaya-struktura-tendentsii-v-oblasti obespecheniya/viewer>
11. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. 2022 год.
12. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. 15 мая.
13. Фирсов Д.А., Веселов И.В. Морально-нравственный аспект в преодолении негативных проявлений асимметрии информации в условиях рыночной экономики // Финансы и кредит. 2023. Т. 29. № 4 (832). С. 777-794.
14. Фирсов Д.А. Жукова Я.С. Экономическая безопасность в сфере защиты объектов транспортной инфраструктуры: пути укрепления за счет комплексного учета угроз // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 3. № 7. С. 254-259.
15. ФГУП «УВО Минтранса России» <http://uvomintrans.ru/>.

References

1. Bgashev M.V. Strategy for ensuring economic efficiency: personnel aspect // News of Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2009. Vol. 9. № 2. Pp. 46-51.
2. Blank I.A. Management of financing security-reduction of entrepreneurship K., 2009.
3. Bogomolov V.A. Economic security: a textbook for university students studying economics and management. M., 2006.
4. Bugayan S.A., Kushcheva V.A. Education of personnel security of enterprises // Russian Academic Journal. 2013. Vol. 25. № 3 (25). Pp. 28-29.
5. Gilfanov M.T. Organizational and methodological tools for assessing determinants and ensuring economic security of an enterprise // Socio-economic phenomena and processes. Tambov, 2013. № 8.
6. Yerin D.A. On the issue of organizational and legal regulation and activities of the Soviet militia, VCHK-VOHR-VNUS troops and other military formations to ensure transport safety of the RSFSR in the period 1918-1922 // Historical and legal problems: a new perspective. 2018. № 2. Pp. 91-103.
7. Zagashvili B.C. Economic security of Russia. M., 1997.
8. Kozivkin V.V. Economic security of an industrial enterprise // Business, management and law. 2016. № 8. Pp. 39-47.
9. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 145 dated April 1, 2015 «On approval of the Procedure for Accreditation of legal entities as transport security units and requirements for them» // Ministry of Transport of the Russian Federation. <https://morflot.gov.ru/media/crohbfmi/prikaz-145.pdf?ysclid=lpqsw2xev3240736956>.
10. Rubina R.Ya., Rubin A.G. Economic security of the enterprise: concepts, internal structure, trends in the field of security // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-predpriyatiya-kontseptsii-vnutrennyaya-struktura-tendentsii-v-oblasti obespecheniya/viewer>
11. Transport of Russia. Information and statistical bulletin. 2022.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 № 208 «On the Strategy of Economic security of the Russian Federation for the period up to 2030» // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue. 2017. May 15.
13. Firsov D.A., Veselov I.V. The moral aspect in overcoming the negative manifestations of information asymmetry in a market economy // Finance and credit. 2023. Vol. 29. № 4 (832). Pp. 777-794.
14. Firsov D.A. Zhukova Ya.S. Economic security in the field of protection of transport infrastructure facilities: ways to strengthen through integrated threat accounting // Journal of Applied Research. 2022. Vol. 3. № 7. Pp. 254-259.
15. FSUE «UVO of the Ministry of Transport of Russia» <http://uvomintrans.ru/>.

Костюченко Сергей Борисович,

соискатель ученой степени, главный конструктор серии ленточнопильных станков «NEO, HBS, VBS»,
управляющий директор, Объединённая станкоинструментальная компания, Москва,
ksb@osk-group.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Статья посвящена определению теоретико-методологических основ в области цифровизации современного экономического пространства. В работе утверждается, что, реализуя стратегию устойчивого развития, современное предприятие в качестве обязательного элемента должно внедрять цифровые технологии и работать в цифровом пространстве. Иначе его стратегические цели не эффективны; компания не может быть признанной ориентированной на устойчивое развитие. В то время как при учете особенностей цифровизации экономики предприятия способно быстро адаптироваться к меняющимся внешним условиям и занять лидирующие позиции в выбранном сегменте рынка.

Ключевые слова: планирование, стратегия, стратегическое планирование, цифровая экономика, цифровизации экономики.

Sergey B. Kostyuchenko,

Applicant, Chief Engineer of band saw machines «NEO, HBS, VBS» series,
Chief Executive Officer, United MachineTools Company, Moscow,
ksb@osk-group.ru

DIGITALIZATION OF STRATEGIC MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISE

Abstract. The article is devoted to the definition of theoretical and methodological foundations in the field of digitalization of modern economic space. The work argues that by implementing a sustainable development strategy, a modern enterprise as a mandatory element should introduce digital technologies and work in the digital space. Otherwise, its strategic objectives are not effective; a company cannot be recognized as being focused on sustainable development. While taking into account the peculiarities of digitalization of the economy, an enterprise is able to quickly adapt to changing external conditions and take a leading position in the selected market segment.

Keywords: planning, strategy, strategic planning, digital economy, digitalization of the economy.

Исследование научной периодики показало, что новизна темы цифровизации стратегического управления устойчивым развитием предприятия часто приводит к неточности формулировок, подмене понятий, что влечет за собой ошибки в организации соответствующего управления с помощью продуктов цифровой среды.

Поэтому важным является определить основные теоретико-методологические подходы в цифровизации стратегического управления устойчивым развитием предприятия, а затем инициировать процесс на практике во избежание проблем в функционировании компании.

Так, в рамках анализа литературы и иных источников были рассмотрены публикации за последнее десятилетие для того, чтобы отследить изменения в

подходах и выявить тенденции в изучении, связанные с развитием исследуемой проблемы.

Первым этапом проводимого теоретическо-методологического анализа является изучение процессов цифровизации.

Современная экономика является сосредоточением постоянного внедрения инноваций и развития. При этом, цифровизация играет ключевую роль в данном процессе, являясь катализатором изменений и основным аспектом стимулирования развития на всех уровнях системы – от глобального масштаба до структурных процессов отдельно взятых компаний.

Основная трудность с точки зрения исследования явления цифровизации – отсутствие разработанной методологической и научной базы.

Экономическая суть цифровизации тесно сопряжена с анализом таких понятий как цифровая экономика, Индустрия 4.0, Экономика 4.0, оцифровка. Данные феномены тесно связаны между собой, но имеют некоторые практические нюансы. Кратко дадим о них представление, не вдаваясь в детальный анализ.

Цифровая экономика: это всеобъемлющее, охватывающее всю экономическую систему явление, в котором цифровые технологии играют решающую роль во всех аспектах жизни и бизнеса. Цифровая экономика включает в себя использование информационных и коммуникационных технологий для экономического производства, управления, коммуникаций и потребления [2].

Индустрия 4.0 – это концепция, связанная с новой индустриальной революцией, которая включает в себя использование цифровых технологий в промышленных процессах. Эта концепция предусматривает автоматизацию, интернет вещей, облачные технологии и другие технологии в производственной сфере [3].

Экономика 4.0 занимается внедрением изменений не только в производстве, но и во всей экономической среде, включая бизнес-модели, социальные отношения и образ жизни [2].

Цифровая трансформация – это изменение бизнес-процессов под влиянием использования цифровых технологий. Цифровая трансформация включает в себя пересмотр бизнес-моделей, внедрение новых технологий, обучение сотрудников и пересмотр организационных структур [5].

Оцифровка – это перевод информации и данных в цифровой формат. Оцифровка проявляется как в предоставлении документов в электронном виде, так и в других ресурсах, применяемых в широком доступе и транслируемых через цифровые средства [5].

Вся совокупность представленных процессов означает адаптацию бизнеса к новым условиям, использование цифровых решений для повышения устойчивости и реализации развития. Устойчивое развитие происходит путем разработки и внедрения новых бизнес-моделей, расширения электронных взаимодействий с клиентами и трансформации внутренних процессов с учетом технологических новаций.

На основе анализа смежных к цифровизации феноменов и на основе изучения ряда научных работ [2; 3; 5] сделан вывод о том, что цифровизация понимается как концепция или процесс.

В первом случае (цифровизация как концепция) цифровизация выступает идеей развития экономики за счет автоматизации и оптимизации процессов производства. Цифровые технологии позволяют значительно повысить эффективность, скорость производственных процессов, что, в свою очередь, увеличивает рост производительности и экономики.

Цифровизация как концепция предполагает использование современных информационных и коммуникационных технологий для изменения частоты функционирования бизнеса и общества. Основная цель цифровизации – создание более эффективных, гибких и инновационных систем, повышение производительности и эффективности.

Автоматизация и оптимизация процессов производства являются важными аспектами наблюдения.

Оптимизация производства с использованием цифровых решений как концептуальная основа бизнес-процессов позволяет:

- 1) уменьшить вероятность ошибок и повысить качество продукции;
- 2) улучшить социальное взаимодействие внутри компании: цифровые платформы и коммуникационные инструменты улучшают взаимодействие между участниками бизнес-процессов, сокращают время реакции и улучшают координацию;
- 3) внедрить инновации и новые бизнес-модели: цифровизация позволяет создавать новые продукты и услуги, а также видоизменять продукты, которые возникают на рынке;
- 4) оптимизировать процессы принятия решений: цифровая обработка множества данных необходима для анализа тенденций и формирования моделей, необходимых для обоснования управленческих решения;
- 5) формировать персональный подход к клиентам: цифровые технологии позволяют создавать персонализированные продукты и услуги, удовлетворяя индивидуальные потребности клиентов.

Итак, цифровизация как концепция имеет под собой более широкий контекст, чем процессуальные аспекты автоматизации и оптимизации производства, так как предполагает использование технологических инноваций для преобразования и усовершенствования всех аспектов бизнеса и общества.

Во втором (цифровизация как процесс) – представляет собой процесс последовательных шагов и мероприятий, направленных на использование цифровых технологий и инноваций с переходом к новой стадии развития – цифровой экономике. Далее представим основные этапы, означающие переход предприятия к цифровизации:

1. Анализ и стратегическое планирование: определение целей и задач цифровизации, а также оценка приоритетности внедрения новых технологий.
2. Выбор цифровых технологий: определение конкретных технологий, наиболее подходящих для реализации целей. Это может выражаться во внедрении технологий облачных вычислений, интернет вещей, искусственного интеллекта и других инноваций.
3. Планирование и реализация проектов: разработка детальных планов внедрения, выделения

ресурсов и инициирование выполнения проектов по внедрению конкретных технологий.

4. Обучение и подготовка персонала: обучение сотрудников новым технологиям, методам работы и инструментам, которые необходимы в условиях инноваций.

5. Интеграция и конфиденциальность: создание публичного доступа, включая программное обеспечение, аппаратное оборудование и сетевые решения для поддержки новых технологий.

6. Тестирование и оптимизация: проведение тестирования новых систем и решений, выявление проблем и улучшение результатов.

7. Масштабирование: постепенное расширение практики применения цифровых технологий на все уровни организации и в различные сферы ее деятельности.

8. Мониторинг и анализ: отслеживание результатов и эффективности принятия, анализ данных и принятие решений в области корректировки цифровых стратегий.

9. Адаптация и развитие: продолжение практики внедрения инноваций и развития, адаптация к изменяющимся условиям рынка и технологическим трендам.

Цифровизация как процесс требует понимания основных целей и задач, связанных с внедрением цифровых технологий, а также адаптации организации к изменениям, вызванные новой эпохой цифровой экономики.

Отдельное рассмотрение всех сопряженных с феноменом цифровизации понятий позволило сформировать обобщенную схему стадий развития современной цифровой экономики, которая включает этапы цифровизации и цифровой трансформации. Эта схема представлена на Рисунке 1.

Из Рисунка 1 следует, что обобщенно можно говорить о трех условных стадиях становления цифровой экономики. В рамках настоящей статьи необходимо сосредоточиться на первой и наиболее сложной

стадии – цифровизации, которая ведет к значительным качественным переменам бизнес-процессов и подталкивает всю экономическую систему к изменениям.

Цифровизация действует как универсальная трансформация различных объектов. Цифровизация отражается на управленческих процессах: она изменяет управление рисками, делая его более гибким, рациональным, обеспеченным статистическими данными. Цифровые системы позволяют управлять ресурсами, персоналом, проектами и бизнес-процессами более эффективно. Онлайн-системы планирования и мониторинга, а также цифровая платформа для взаимодействия с руководителями принимают более обоснованные решения.

Цифровизация производства позволяет автоматизировать и реализовывать производственные процессы. Отслеживание состояния оборудования в режиме реального времени использования приборов, цифровые технологии улучшают эффективность, точность и скорость производства.

Цифровизация позволяет более точно контролировать различные аспекты организации. Системы мониторинга при помощи различных датчиков позволяют осуществлять контроль за состоянием оборудования, продукции и процессов в реальном времени, что позволяет предотвратить неполадки и принять оперативные меры.

Цифровизация стимулирует инновации, позволяет компаниям формировать новые продукты, услуги и бизнес-модели. Она способствует более быстрому внедрению новых идей и концепций.

Цифровизация также влияет на взаимодействие с клиентами. Онлайн-платформы, персонализированные рекомендации, онлайн-консультации и другие цифровые инструменты делают клиентский опыт более индивидуализированным.

Таким образом, цифровизация предполагает сложный технологический процесс.

Следующим этапом проводимого теоретическо-методологического анализа является изу-

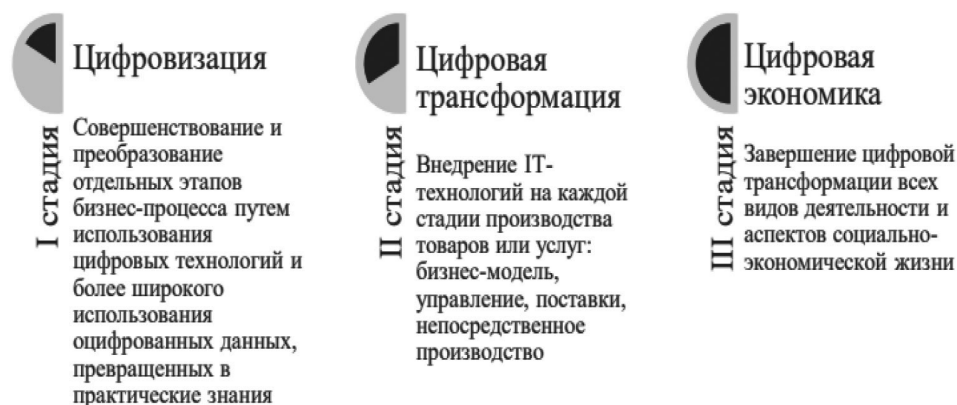

Рисунок 1. Стадии внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы

чение подходов к понятию устойчивого развития предприятия.

Понятие «устойчивое развитие предприятия» имеет более четкую трактовку в научной и практической литературе, поэтому отдельно на разработке концептуальных основ данного феномена останавливаться не имеет смысла. Отметим только, что термин «устойчивое развитие» (от англ. sustainable development) получил широкое распространение после публикации доклада «наше общее будущее», подготовленного в 1987 году Международной комиссией по окружающей среде и развитию, созданной под эгидой ООН. Определение «устойчивое развитие» в книге «Наше общее будущее» является основополагающим в современной научной и практической литературе. В данном труде устойчивое развитие означает стремление к такому развитию, которое бы не истощало природные ресурсы, не приводило к экологическим катастрофам и не нарушало бы социальной справедливости. Понятие включает в себя не только экономический аспект, но и социальный и экологический (см. Рисунок 2). «Новая стратегия развития цивилизации делает попытку предоставления равных возможностей удовлетворения жизненных потребностей нынешнему и будущему поколениям» [6]. В результате представленная концепция устойчивого развития реализуется не только в мировом масштабе, как национальная стратегия, но и на микроуровне – как стратегия развития для отрасли или даже для отдельного предприятия – хозяйствующего субъекта.

Таким образом, устойчивое развитие так же как и феномен цифровизации охватывает различные надгосударственные, государственные и микроэкономические уровни. Отметим только то, что подходы к оценке уровня устойчивого развития во всех представленных разрезах отличаются (см. Рисунок 3).

Мировой опыт показывает, что продвижение устойчивого развития всегда начинается с крупнейших компаний в стране, и это обуславливается несколькими факторами:

1) крупные компании получают инвестиции от государства, пользуются отдельными мероприятиями государственной поддержки, поэтому более зависимы от стандартов и норм ведения бизнеса, в том числе и в социальном и экологическом планах;

2) крупные компании имеют больше ресурсов для внедрения экологических технологий при помощи собственных средств в обновлении производственных процессов, в использовании экологических источников энергии, в оптимизации ресурсопотребления и других;

3) прозрачность ведения бизнеса позволяет повысить доверие различных групп общественности к крупным предприятиям как во внутреннем рынке, так и на межгосударственном;

4) крупные предприятия способны предложить сотрудникам более весомые социальные и экономические выгоды, что способствует привлечению в кадровый состав предприятий талантливых сотрудников.

Экономическое	Экологическое	Социальное
• создание добавленной стоимости для акционеров и инвесторов • повышение производительности • стабильность экономических показателей • внедрение инновационных инструментов производства	• ресурсосберегающие технологии • сбор отходов • принципы «зеленого» производства • содействие защите окружающей среды • продвижение темы защиты экологии в обществе	• справедливое распределение ресурсов между социальными классами • объединения усилий со стейкхолдерами при достижении общих социальных целей • благотворительность и развитие волонтерского движения в обществе

Рисунок 2. Направления развития концепции устойчивого развития компании

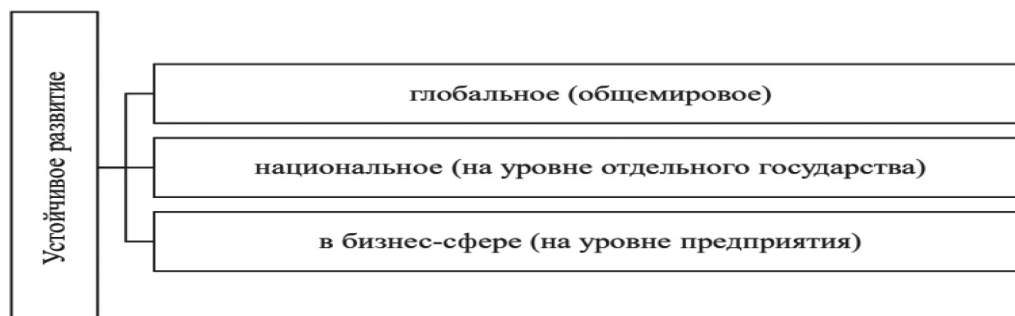

Рисунок 3. Уровни реализации концепции устойчивого развития

Третий этап проводимого теоретическо-методологического анализа связан с систематизацией и адаптацией устойчивого развития предприятия к теории цифровизации бизнес-процессов как внутри организации, так и в государственном, и в мировом масштабах.

В этой связи прибегнем к мнению О.В. Ефимовой, которая выступает за продвижение стейкхолдерского подхода при ведении бизнеса [1]. В работе автор утверждает, что ориентация исключительно на финансово-экономические показатели является узким подходом и не обеспечивает всей сложности и многогранности устойчивого развития. Долгосрочные стратегии развития должны учитывать не только финансовые, но и социальные, экологические и другие важные факторы. Объясним данную позицию через системность следующих аспектов:

1) социальные аспекты: работники, работающие в благополучной среде, более продуктивны и мотивированы;

2) экологические аспекты: уменьшение экологического вреда и грамотное управление ресурсами снижают экологические риски;

3) инновации и технологии: долгосрочное развитие неразрывно связано с инновациями. Внедре-

ние новых технологий может снизить потребление, повысить эффективность производства;

4) репутация и бренд: стратегическое управление брендом и репутацией играет большую роль в конкурентоспособности компании.

Итак, для построения стратегии устойчивого развития компании необходимо учесть все аспекты – финансовые, социальные, экологические и другие. В результате предприятие ориентируется на будущих результатах своей деятельности, а не на сиюминутных эффектах.

Таким образом, в процессе изучения проблемы цифровизации стратегического управления устойчивым развитием предприятия выяснилось, что феномен устойчивого развития постепенно становится новой стратегией ведения бизнеса, и основывается он на прогрессивных технологиях как в управлении, так и в производстве. В свою очередь, феномен цифровизации как современный процесс развития предполагает создание и внедрение новейших цифровых решений в производство. Переплетение двух феноменов (цифровизации и концепции устойчивого развития) в бизнес-процессе предприятия, по нашему мнению, должно вывести компанию на качественно новый уровень и открыть новые горизонты развития.

Список литературы

1. Ефимова О.В. Анализ устойчивого развития: стейкхолдерский подход // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 45 (348). С. 43–51.
2. Ефимушкин В.А., Ледовских Т.В., Щербакоева Е.Н. Инфокоммуникационное технологическое пространство цифровой экономики // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2021. Т. 11. № 5. С. 15-20.
3. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. Москва: ООО «Нюанс», 2020. 64 с.
4. Макова М.М. Методические основы оценки устойчивого развития предприятий нефтяного комплекса // Вестник ВЭГУ. 2019. № 4 (60).
5. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.
6. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // База данных документов ООН: офиц. сайт. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 14.09.2023).

References

1. Efimova O.V. Sustainability Analysis: Stakeholder Approach // Economic Analysis: Theory and Practice. 2013. № 45 (348). P. 43-51.
2. Efimushkin V.A., Ledovskikh T.V., Shcherbakova E.N. Infocommunication technological space of the digital economy// T-Comm: Telecommunications and transport. 2021. T. 11. № 5. P. 15-20.
3. Ivanov V.V., Malinetsky G.G. Digital economy: myths, reality, perspective. Moscow: Nuance LLC, 2020. 64 p.
4. Makova M.M. Methodological Basis for Assessment of Sustainable Development of Oil Complex Enterprises // Vestnik VEGU. 2019. № 4 (60).
5. Plotnikov V.A. Digitalization of production: theoretical essence and prospects for development in the Russian economy // Izvestia of St. Petersburg State University of Economics. 2018. № 4 (112). P. 16-24.
6. Sustainable Development Agenda 2030 // UN Document Database: Office Office. site. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (accessed: 14.09.2023).

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления
и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
lisovaekaterina78@gmail.com

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОМПАНИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ

Аннотация. В статье отмечается, что на современном этапе не существует единого подхода к определению понятия конкурентоспособности компании на региональном рынке. Выделяется наиболее интересный подход к теме исследования, анализируются двенадцать способов повышения конкурентоспособности. Предлагается расширить анализируемую классификацию фактором использования интеллектуального капитала. Описано явление синергетического эффекта при совместных действиях в экономике различных субъектов. Предложено использовать функции субаддитивности и супераддитивности для оценки величины такого эффекта. Предложены конкретные формулы для подсчета величины синергетического эффекта компании на региональном рынке. Делаются выводы относительно природы описываемого эффекта, необходимости привлечения реальных данных с региональных рынков, проведения исследований на макроуровне экономики, перспективности применения методов экономико-математического моделирования.

Ключевые слова: синергетический эффект, конкурентоспособность компании, способы повышения конкурентоспособности, региональный рынок, функции субаддитивности и супераддитивности.

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Assistant Professor at the Department of the Chair State and municipal administration
and constitutional law, Institute of business career, Moscow,
lisovaekaterina78@gmail.com

SYNERGETIC EFFECT AS A WAY TO INCREASE THE COMPETITIVENESS OF THE COMPANY IN THE REGIONAL MARKET

Abstract. The article notes that at the present stage there is no single approach to defining the concept of a company's competitiveness in the regional market. The most interesting approach to the research topic is highlighted, twelve ways to increase competitiveness are analyzed. It is proposed to expand the analyzed classification by the factor of using intellectual capital. The phenomenon of a synergistic effect in joint actions in the economy of various subjects is described. It is proposed to use the subadditivity and superadditivity functions to estimate the magnitude of such an effect. Specific formulas are proposed for calculating the value of the company's synergetic effect on the regional market. Conclusions are drawn regarding the nature of the described effect, the need to attract real data from regional markets, conducting research at the macro level of the economy, and the prospects for using methods of economic and mathematical modeling.

Keywords: synergetic effect, competitiveness of the company, ways to increase competitiveness, regional market, functions of sub-additivity and superadditivity.

Конкурентоспособность компании на региональном рынке как понятие появилось в период формирования самих рыночных отношений и относится к наиболее значимым ее качествам. Однозначного определения данного понятия на сегодня не существует в силу того, что совершенно разные составляющие рыночной конкуренции берутся различными авторами за основу [1; 2; 3].

Однако усиление или удерживание рыночных позиций компании на рынке (в нашем случае регио-

нальном) можно принять за наиболее общее определение ее конкурентоспособности. При этом значительное влияние на данное понятие отводится как самому рынку, так и всем его основным компонентам.

В настоящее время большинство авторов исследуют конкурентоспособность (как в России, так и за рубежом) промышленных компаний [4; 5]. Однако в некоторых трудах дается оценка конкурентоспособности и на рынке услуг [6; 7; 8], что связано с особенностями так называемого «постиндустриального» общества [9].

Среди множества исследований конкурентоспособности организаций, основных факторов на нее влияющих, а также существующих возможностей ее повышения, классификация, предложенная в работе М.Г. Миронова [10], по нашему мнению, является основополагающей. Автором предложены двенадцать основных составляющих, повышающих конкурентоспособность, применимых к различным рынкам.

Наше исследование посвящено региональным рынкам и вопросам взаимодействия компаний на них, поэтому предложенную классификацию оценим с точки зрения данной темы.

1. Инновационность во всех структурах компании. Несмотря на то, что инновации требуют значительных затрат и статистические данные фиксируют порядка 5-10 % успешных инновационных вложений, возможность нововведений в большинстве компаний различных сфер деятельности, однозначно существует.

2. Новые формы товара или услуги, значительно превосходящие бывшие по различным характеристикам. Данный способ достаточно трудно применим к традиционным видам бизнеса, в которых он практически не имеет перспектив использования.

3. Отечественные и мировые стандарты качества и соответствие им продукции, производимой компанией. При наличии российских ГОСТов данный признак классификации контролируется законодательством, а относительно мировых стандартов является выбором производителя.

4. Использование сегментов рынка с максимальными требованиями к качеству и сервису для предложения товара или услуги. Возможно только для компаний, имеющих дело с так называемой «элитной» продукцией, фактически является малодоступным компаниям с традиционным ассортиментом товаров или услуг.

5. Материалы и сырье высшего качества. Любой из рассматриваемых региональных рынков практически не дает возможности для реализации данного способа в силу наличия отечественных государственных стандартов.

6. Кадры: обучение и переподготовка. Перманентный процесс, связанный со всеми аспектами деятельности компании, ее задачами и основной целью.

7. Материальная заинтересованность на всех структурных уровнях компании, ее повышение и оптимизация рабочих мест для каждого из работников. Формирование зарплаты в компании в непосредственной зависимости от результатов труда (дохода или выручки), выплата премий. К «обязательным инвестициям» относят улучшение условий труда. Их объем может определяться как на законодательном уровне, так и руководством компании.

8. Маркетинговые мероприятия для установления приоритетов потребителей продукции компании.

Является очевидной задачей на региональном рынке при наличии обратной связи компании со своими покупателями.

9. SWOT-анализ (фактически определение слабых и сильных сторон компании). Применяется на любых региональных рынках, имеются стандартные алгоритмы проведения таких исследований.

10. Повышение качества продукции компании за счет финансирования научных разработок, контактов с научно-исследовательскими институтами. Такой способ возможен при наличии определенного количества финансовых ресурсов, выделяемых целевым образом на проведение научно-исследовательских работ.

11. Ведение эффективной рекламной деятельности. В той или иной мере используется всеми компаниями на региональном рынке. Однако, по мнению специалистов, конечный результат таких мероприятий весьма трудно прогнозируем.

12. Товарный знак, его создание, регистрация и дальнейшее использование, в частности, и для создания эксклюзивной продукции. Наличие устойчивых позиций компании на региональном рынке, узнаваемость и позитивная репутация являются основой для применения данного способа.

Использование интеллектуального капитала, по нашему мнению, также является одним из способов повышения конкурентоспособности на региональном рынке. При этом применение данного подхода возможно только компаниям с высоким уровнем интеллектуального потенциала.

Описанные двенадцать способов призваны достичь одной цели – повышение конкурентоспособности на региональном рынке, при этом речь идет о самостоятельном функционировании компании. Варианты взаимодействия с партнерами могут также использоваться для достижения указанной цели.

Практика взаимодействия субъектов на региональных рынках показывает, что оно может осуществляться в различных формах (кооперативное взаимодействие, слияние, партнерство и др.). При этом их согласованные совместные действия могут привести к появлению так называемого синергетического эффекта [11]. Данное явление обусловлено свойством эмерджентности системы взаимодействующих субъектов, при котором система приобретает качества или свойства, которых нет у субъектов по отдельности.

Роберт Мэттьюз впервые предложил модель, описывающую синергетический эффект [12], в которую были заложены принципы субаддитивности и супераддитивности.

В случае выполнения условий формулы (1) считается, что функция является субаддитивной:

$$F(x_1 + x_2 + \dots + x_n) \leq F(x_1) + F(x_2) + \dots + F(x_n). \quad (1)$$

В соответствии с данной формулой затраты в системе из некоторых субъектов регионального рынка меньше, чем затраты этих субъектов по отдельности.

В случае выполнения условий формулы (2) считается, что функция является супераддитивной:

$$G(x_1 + x_2 + \dots + x_n) \geq G(x_1) + G(x_2) + \dots + G(x_n). \quad (2)$$

В соответствии с данной формулой выгоды (доход, выручка) в системе из некоторых субъектов регионального рынка больше, чем выгоды этих субъектов по отдельности.

Величина синергетического эффекта (его количественное значение) при взаимодействии двух субъектов регионального рынка на основе субаддитивных принципов может быть подсчитана следующим образом:

$$S_3 = 3_3 - (3_1 + 3_2), \quad (3)$$

где $3_1, 3_2$ – затраты при ведении самостоятельной деятельности; 3_3 – затраты при ведении совместной деятельности в любом формате.

Каждый из субъектов ведения совместной деятельности получает свою часть (S_1 и S_2) от общей величины общего синергетического эффекта:

$$S_3 = S_1 + S_2. \quad (4)$$

Предположим, что для повышения конкурентоспособности на региональном рынке компания осуществляет сразу несколько совместных взаимодействий. В этом случае суммарный синергетический эффект (его значение) может быть подсчитан следующим образом:

$$S_{\text{общ}} = \sum_{i=1}^n (3_{1i} - 3_{si}), \quad (5)$$

где 3_{1i} – величина самостоятельных затрат при проведении i -го мероприятия; 3_{si} – величина затрат при совместном проведении i -го мероприятия.

Рассмотрим любой региональный рынок и оценим, какие выгоды получает компания при совместных действиях с другими его субъектами. Проанализировано сотрудничество двух компаний на рынке, при этом увеличение их до любого конечного числа не изменит как принципы, заложенные в исследовании, так и полученный конечный результат. Влияние на конкурентоспособность компании будут иметь следующие составляющие:

- выгоды при закупке сырья. Скидка на цену закупки будет доступна при увеличении объема сырья в случае совместной закупки. Синергетический эффект (численное значение) может быть рассчитан следующим образом:

$$S_{\text{зак}} = 3_1 - 3_{s'}, \quad (6)$$

где 3_1 – затраты при самостоятельной закупке; $3_{s'}$ – затраты при совместной закупке;

- выгоды при обучении и переподготовке кадров. Скидка на цену обучения и переподготовки

будет доступна при увеличении количества обучающихся сотрудников в случае совместной деятельности. Синергетический эффект (численное значение) может быть рассчитан следующим образом:

$$S_{\text{об}} = 3_1 - 3_{s'}, \quad (7)$$

где 3_1 – самостоятельные затраты на обучение и переподготовку; $3_{s'}$ – совместные затраты на обучение и переподготовку;

- выгоды при проведении маркетинговых исследований. Скидка на цену исследований будет доступна за счет распределения стоимости между сотрудничающими компаниями. Синергетический эффект (численное значение) может быть рассчитан следующим образом:

$$S_{\text{мар}} = 3_1 - 3_{s'}, \quad (8)$$

где 3_1 – затраты на самостоятельные маркетинговые исследования; $3_{s'}$ – затраты на совместные маркетинговые исследования;

- выгоды при проведении SWOT-анализа. Скидка на цену исследований будет доступна за счет распределения стоимости между сотрудничающими компаниями. Синергетический эффект (численное значение) может быть рассчитан следующим образом:

$$S_{\text{swot}} = 3_1 - 3_{s'}, \quad (9)$$

где 3_1 – затраты при самостоятельном проведении SWOT-анализа; $3_{s'}$ – затраты при совместном проведении SWOT-анализа.

Количественная величина общего синергетического эффекта за счет совместной деятельности компаний, способствующей повышению конкурентоспособности на региональном рынке, в нашем случае определяется по формуле:

$$S_{\text{общ}} = S_{\text{зак}} + S_{\text{об}} + S_{\text{мар}} + S_{\text{swot}}, \quad (10)$$

где $S_{\text{зак}}, S_{\text{об}}, S_{\text{мар}}$ и S_{swot} – величины синергетического эффекта от закупки сырья, обучения и переподготовки кадров, проведения маркетинговых исследований и SWOT-анализа соответственно.

Можно заметить, что данная величина показывает выгоды компании при проведении мероприятий по повышению конкурентоспособности на рынке в партнерстве по сравнению с самостоятельными действиями.

Таким образом, подводя итоги проведенных исследований, можно отметить следующее.

Во-первых, синергетический эффект может повышать конкурентоспособность компании на рынке, в первую очередь, за счет субаддитивности (любого рода затраты).

Во-вторых, возможности более детального анализа синергетического эффекта на региональном рынке при совместном взаимодействии ограничены вследствие отсутствия количественных статистиче-

ских и эмпирических характеристик как самой компании, так и ее потенциальных партнеров.

В-третьих, проведенные исследования на мезо- уровне экономики возможно распространить и на ее макроуровень.

В-четвертых, постановка задачи о нахождении оптимальных методов и видов взаимодействия различных субъектов на региональном рынке видится перспективной в плоскости применения методов экономико-математического моделирования.

Список литературы

1. Вишневер В.Я. Инвестиционная привлекательность акций как фактор конкурентоспособности компании / В.Я. Вишневер, Д.Ф. Миназова // Экономика и предпринимательство. - 2022. - № 1 (138). - С. 893-895.
2. Пятанова В.И. Формирование концепции конкурентоспособности компании в контексте развития стратегической мысли / В.И. Пятанова // Микроэкономика. - 2021. - № 5. - С. 36-43.
3. Иванов Ф.Д. Электронная логистика как инструмент повышения конкурентоспособности / Ф.Д. Иванов, М.О. Петраков // Экономика и предпринимательство. - 2021. - № 6 (131). - С. 824-828.
4. Гусева Н.И. Стратегические способности как драйвер конкурентоспособности российских и международных компаний / Н.И. Гусева, О.Ю. Трубникова // Проблемы управления. - 2023. - № 5. - С. 50-67.
5. Любина М.Е. Оценка конкурентоспособности строительной компании / М.Е. Любина // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2023. - № 1-1 (95). - С. 181-187.
6. Якубова Т.Н. Факторы, влияющие на повышение конкурентоспособности современной компании / Т.Н. Якубова, Э.У. Какоева // Наука и бизнес: пути развития. - 2023. - № 7 (145). - С. 139-142.
7. Любина М.Е. Оценка конкурентоспособности строительной компании / М.Е. Любина // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2023. - № 1-1 (95). - С. 181-187.
8. Мазуров Д.С. Влияние человеческого фактора на участие в конкуренции в сфере юридических услуг / Д.С. Мазуров // Вестник Академии знаний. - 2023. - № 3 (56). - С. 404-409.
9. Пятанова В.И. Социальная ответственность, конкурентоспособность компании и создание ценности / В.И. Пятанова, И.А. Пятанов // Микроэкономика. - 2021. - № 4. - С. 63-70.
10. Савельев И.И. Эволюция рыночной системы в условиях постиндустриальной экономики / И.И. Савельев, Д.И. Кузьмин // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2022. - Т. 3. - № 10 (130). - С. 9-14.
11. Миронов М.Г. Ваша конкурентоспособность / М.Г. Миронов. - М.: Научная книга. - 2013. - 160 с.
12. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. - М.: ИНФРА-М. - 2006. - 512 с.
13. Мэттьюс Робин. Матрица организации и эволюция стратегии: теория изменения / Робин Мэттьюс // Экономические стратегии. - 2004. - № 7. - С. 10-16.

References

1. Vishnever V.Ya. Investitsionnaya privlekatel'nost' aksij kak faktor konkurentosposobnosti kompanii / V.Ya. Vishniver, D.F. Minazova // Ekonomika i predprinimatel'stvo. - 2022. - № 1 (138). - S. 893-895.
2. Pyatanova V.I. Formirovanie kontseptsii konkurentosposobnosti kompanii v kontekste razvitiya strategicheskoy mysli / V.I. Pyatanova // Mikroekonomika. - 2021. - № 5. - S. 36-43.
3. Ivanov F.D. Ehlektronnaya logistika kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti / F.D. Ivanov, M.O. Petrakov // Ekonomika i predprinimatel'stvo. - 2021. - № 6 (131). - S. 824-828.
4. Guseva N.I. Strategicheskie sposobnosti kak drajver konkurentosposobnosti rossijskikh i mezhdunarodnykh kompanij / N.I. Guseva, O.Yu. Trubnikova // Problemy upravleniya. - 2023. - № 5. - S. 50-67.
5. Lyubina M.E. Otsenka konkurentosposobnosti stroitel'noj kompanii / M.E. Lyubina // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. - 2023. - № 1-1 (95). - S. 181-187.
6. Yakubova T.N. Faktory, vliyayushhie na povyshenie konkurentosposobnosti sovremennoj kompanii / T.N. Yakubova, E.U. Kakoeva // Nauka i biznes: puti razvitiya. - 2023. - № 7 (145). - S. 139-142.
7. Lyubina M.E. Otsenka konkurentosposobnosti stroitel'noj kompanii / M.E. Lyubina // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. - 2023. - № 1-1 (95). - S. 181-187.
8. Mazurov D.S. Vliyanie chelovecheskogo faktora na uchastie v konkurentsii v sfere yuridicheskikh uslug / D.S. Mazurov // Vestnik Akademii znaniy. - 2023. - № 3 (56). - S. 404-409.
9. Pyatanova V.I. Sotsial'naya otvetstvennost', konkurentosposobnost' kompanii i sozdanie tsennosti / V.I. Pyatanova, I.A. Pyatanov // Mikroekonomika. - 2021. - № 4. - S. 63-70.
10. Savel'ev I.I. Ehvolutsiya rynochnoy sistemy v usloviyakh postindustrial'noj ekonomiki / I.I. Savel'ev, D.I. Kuz'min // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. - 2022. - T. 3. - № 10 (130). - S. 9-14.
11. Mironov M.G. Vasha konkurentosposobnost' / M.G. Mironov. - M.: Nauchnaya kniga. - 2013. - 160 s.
12. Rajzberg B.A. Sovremennyy ehkonomicheskij slovar' / B.A. Rajzberg, L.Sh. Lozovskij, E.B. Starodubtseva. - M.: INFRA-M. - 2006. - 512 s.
13. Meht'yuz Robin. Matritsa organizatsii i ehvolutsiya strategii: teoriya izmeneniya / Robin Meht'yuz // Ehkonomicheskie strategii. - 2004. - № 7. - S. 10-16.

Лунева Елена Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права,
Институт деловой карьеры, Москва,
eavalue2008@mail.ru

ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности повышения эффективности государственного управления. Для этого государственный сектор сопоставляется с частным в целях выявления преимуществ частных структур и оценки возможности их заимствования. Выделяются главные ориентиры эффективности государственного управления. Автор приходит к выводу о необходимости повышения организованности и согласованности механизма функционирования государственных подразделений. Говорится о пользе соотнесения достижения поставленных целей с затрачиваемыми бюджетными ресурсами.

Ключевые слова: эффективность, государство, государственный сектор, организованность, бюджетные затраты.

Elena A. Luneva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law,
Institute of Business Career, Moscow,
eavalue2008@mail.ru

ECONOMIC AND SOCIAL APPROACH TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. The article attempts to find ways to improve the efficiency of public administration. To do this, the public sector is compared with the private sector in order to identify the advantages of private structures and assess their adoption. The main benchmarks of the effectiveness of public administration are highlighted. The author comes to the conclusion about the need to improve the organization and consistency of the mechanism of functioning of state units. It is said about the benefits of correlating the achievement of set goals with the budget resources expended.

Keywords: efficiency, state, public sector, organization, budget costs.

Роль государства как формы общественного устройства состоит в удовлетворении интересов населения (граждан). Основными ориентиром эффективности являются:

- 1) возможность граждан удовлетворить потребности в товарах и услугах (наличие товаров и услуг, достаточность получаемого дохода для приобретения товаров и услуг, простота их приобретения);
- 2) благоустройство территории проживания;
- 3) безопасность жизнедеятельности.

По сути, эффективность как соотношение результата и затрат, так или иначе сводится к экономике. Вопрос эффективности государственного управления определяется тем, насколько полно государство достигает трёх вышеуказанных ориентиров путём распределения имеющихся ресурсов. Для этого оно наделено возложенными полномочиями и широким выбором инструментов.

В учебной литературе можно отметить большое разнообразие критериев для оценки эффективности государственного управления. Обобщая информацию, можно выделить объёмы ВВП (в фиксированных ценах или с учётом инфляции), ВВП на душу населения, темп экономического роста (прирост ВВП), прибыльность государственных унитарных предприятий и государственных корпораций [5].

Сложный механизм государственного управления выстроен на базе законодательства (с учётом обеспечения выполнения данного законодательства) и ответственных лиц, отвечающих за возложенные на них функции. Таким образом, эффективность государственного управления зависит от двух факторов:

- 1) организованности процесса функционирования подконтрольной территории, включающей, прежде всего, территорию в пределах государственных границ;

2) обеспечение (контроль, регулирование) организованного функционирования.

Успех выстраивания вышеуказанных аспектов во многом определяется компетенцией лиц, принимающих решения. Можно отметить, что согласно Указу Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц...» от 04.02.2021 в перечень показателей эффективности входят 20 критериев, включая продолжительность жизни, уровень бедности, численность населения субъекта РФ, занятость [1]. То есть качество жизни граждан зависит от профессиональных компетенций государственных управленцев. Отсюда вытекает задача повышения эффективности подбора и подготовки кадров, а также – объективной оценки их профессиональной деятельности.

Однако, ни один из критериев не предусматривает экономию бюджетных расходов [2]. В итоге, для того чтобы нарастить значения по показателям, чиновники набирают больше работников чем необходимо, а ряд из выполняемых работ не удовлетворяет общественные потребности, но при этом растёт нагрузка на бюджет, которая распределяется на налогоплательщиков.

В.А. Нисканен связывал неэффективность государственных служащих с тем, что они заинтересованы в масштабировании своей деятельности (участков государственного сектора), а не в эффективном распределении получаемых ресурсов [4].

Положительная роль для российской экономики в этом плане видится в снятии необходимости возврата субсидии на выполнение государственного задания, если выполнены количественные и каче-

ственные показатели и не было нецелевого расходования средств [3]. Другая сторона состоит в том, что при прочих равных условиях, в будущем выделяемых средств на сэкономленную сумму будет меньше.

В РФ довольно высоко присутствие в экономике государственного сектора (см. Рисунок 1), что усиливает важность повышения эффективности его функционирования.

Согласно оценке РАНХиГС индекс размера государственного сектора на 2021 год составлял 56,23. Расчёт производился с учётом сектора государственного управления, компаний с государственным участием, государственных унитарных предприятий. Главный источник роста масштаба государственного сектора – компании с государственным участием [8].

В качестве одного из критериев эффективности государственного управления, как было указано выше, выступает прибыльность предприятий с государственным участием. Динамика финансового результата акционерных обществ, чьи акции (свыше 25 % или «золотая акция») находятся в федеральной собственности показана на Рисунке 2.

Отрицательный финансовый результат 2020 года (убыток) и высокая (по сравнению со средней) прибыль 2021 года связаны с задержкой периода отражения финансового результата. В целом же, можно сделать вывод о снижении прибыли по итогам 2022 года по сравнению с 2019 годом и со средним арифметическим 2020 и 2021 гг. (2,16 трлн руб.). Около двух третей рассматриваемых компаний по итогам 2022 года получили чистую прибыль и около трети – убыток. К концу 2022 года насчитывалось 507 акционер-

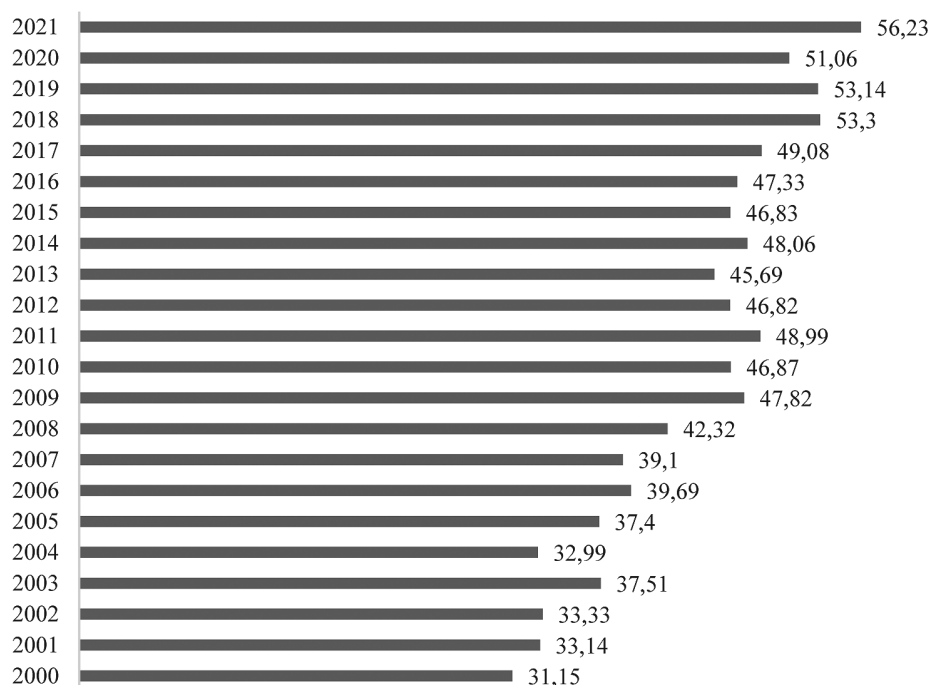

Рисунок 1. Индекс размера государственного сектора по оценкам РАНХиГС [9]

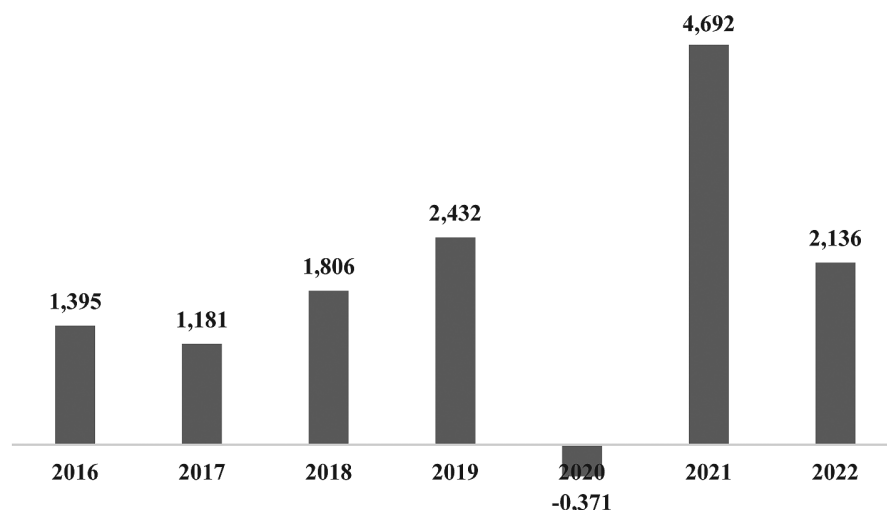

Рисунок 2. Сальдированный финансовый результат акционерных обществ, чьи акции (свыше 25 % или «золотая акция») находятся в федеральной собственности, трлн руб. [6]

ных обществ в федеральной собственности, что ниже, чем в 2021 году (646 акционерных обществ в федеральной собственности).

Несмотря на то, что очевидной зависимости между формой собственности и эффективной деятельностью не прослеживается, частные структуры часто сравниваются или даже противопоставляются государственным с позиции эффективности управления. Обобщая подходы авторов, можно выделить следующие преимущества частных структур перед государственными с точки зрения достижения эффективности:

- ориентированность на прибыль и рентабельность. Управляющие государственными структурами ориентированы больше на видимость эффективной деятельности, чем на фактический результат, потому как не являются прямыми выгодополучателями;
- склонность к рискам, тогда как государственные управленцы ориентируются на утверждённые стандарты, что ограничивает их возможности;
- гибкость. При прочих равных условиях, инертность государственных структур для принятия нестандартных решений нуждается в продолжительном по времени согласовании с вышестоящими органами.

Для повышения эффективности государственного управления необходима чёткая слаженная по взаимодействию между структурами организованность. Это может быть достигнуто путём оптимизации нормативно-правового законодательства при условии его неукоснительного соблюдения или путём выработки способа функционирования, не отражённого в полной мере нормативными актами, но способного к бифуркации под воздействием меняющихся внешних и внутренних условий.

Можно отметить, что авторы, аргументирующие преимущества государственного сектора, обычно указывают на провалы рынка и смешивают эко-

номические и общественные блага. Мы не придерживаемся позиции о необходимости максимально возможного замещения государственного сектора частным, государственные образования вполне жизнеспособны, однако, требуется создать механизм, который обеспечил бы их эффективность.

Что касается общественных благ, то их производство вполне поддаётся оценке эффективности, только вместо соотношения прибыли к затратам, следует определять соотношение полноты удовлетворения общественных потребностей к затраченным ресурсам. Полнота удовлетворения общественных потребностей определяется через достижения поставленных целей.

Возвращаясь к вопросу достижения основных ориентиров через призму эффективности, можно выделить несколько рекомендуемых моментов.

1. Следует привязать показатели эффективности работы должностных лиц, на выполнение функций которых выделяются бюджетные средства к объёму затрат. Аналогично показателю рентабельности было бы полезно оценивать эффективность выполнения их функций в соотношении результата к затрачиваемым на этот результат ресурсам в стоимостном выражении. С высокой долей вероятности это повысит экономию аккумулируемых государством финансовых ресурсов, высвободившаяся часть которых может быть направлена на решение других задач в рамках достижения выделенных выше ориентиров.

2. Повысить качество кадрового состава государственных служащих. Было бы полезно наподобие возможности оценки врачей и больниц, оценивать работу государственных служащих. Благодаря тому, что почти 90 % российских домохозяйств имеют возможность широкополосного доступа в интернет [7], есть возможность оценивать (например, на портале

Госуслуг) как самих чиновников, так и выдвигаемые ими инициативы или решения. Это был бы шаг к прямой демократии от представительной.

3. Принимать во внимание приоритеты граждан. Разумеется, среднестатистический гражданин недостаточно компетентен в специализированных вопросах (например, предпочтительный размер учётной ставки в текущих экономических обстоятельствах) однако, каждый гражданин, достигший совершеннолетнего возраста, может указать приоритетность решения вопросов государственными

органами. Благодаря распространённости всемирной сети Интернет можно предоставить возможность каждому зарегистрированному гражданину (через тот же портал Госуслуг) проранжировать по степени важности решаемые государственными ведомствами вопросы. И в соответствии с полученными результатами распределить бюджетные средства на решение этих вопросов. Таким образом, налогоплательщики смогут проголосовать за свои предпочтения, что, соответственно повысит удовлетворение потребностей общественными благами.

Список литературы

1. Указ об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/acts/news/64970>.
2. Распоряжение Правительства РФ от 15 февраля 2023 года № 345-р О перечне показателей оценки эффективности работы федеральных органов исполнительной власти... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406296565/>.
3. Письмо Минфина России от 05.05.2022 № 02-06-10/41648. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://respectrb.ru/node/44442>.
4. Niskanen W.A. Bureaucracy and public economics / W.A. Niskanen. – Aldershot: Edward Elgar, 1994. – 298 p.
5. Гостев А.Н., Демченко Т.С., Шалаев М.С. Бюрократия в системе государственной службы: социолого-управленческий взгляд // Вестник академии права и управления № 3 (64), 2022. – С. 61-75.
6. ЕМИСС. Официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>.
7. Морозов М.М. Цифровые технологии как инструмент реализации инновационных бизнес-моделей в сфере услуг в контексте устойчивого развития // Вестник академии права и управления № 3.1 (69), 2022. – С.119-123.
8. Приватизация 30 лет спустя: масштабы и эффективность государственного сектора / А.Д. Радыгин, Р.М. Энтов, А.Е. Абрамов, М.И. Чернова, Г.Н. Мальгинов. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. - 76 с.
9. РАНХиГС: институт прикладных экономических исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ipei.ranepa.ru/ru/kgu/indeksy>.

References

1. Decree on the evaluation of the effectiveness of the activities of senior officials and executive authorities of the subjects of the Russian Federation. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/news/64970>.
2. Decree of the Government of the Russian Federation № 345-r of February 15, 2023 On the List of indicators for evaluating the effectiveness of the Work of Federal Executive authorities ... URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406296565/>.
3. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05.05.2022 № 02-06-10/41648. URL: <https://respectrb.ru/node/44442>.
4. Niskanen W.A. Bureaucracy and public economics / W.A. Niskanen. – Aldershot: Edward Elgar, 1994. – 298 p.
5. Gostev A.N., Demchenko T.S., Shalaev M.S. Bureaucracy in the public service system: a socio-managerial view // Bulletin of the Academy of Law and Management № 3 (64), 2022. – Pp. 61-75.
6. EMISS. Official website URL: <https://rosstat.gov.ru>.
7. Morozov M.M. Digital technologies as a tool for implementing innovative business models in the service sector in the context of sustainable development // Bulletin of the Academy of Law and Management № 3.1 (69), 2022. – Pp. 119-123.
8. Privatization 30 years later: the scale and effectiveness of the public sector / A.D. Radygin, R.M. Entov, A.E. Abramov, M.I. Chernova, G.N. Malginov. - M.: Publishing House «Delo» RANEPa, 2019. - 76 p.
9. RANEPa: Institute of Applied Economic Research. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/kgu/indeksy>.

Назаров Андрей Валерьевич,

аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва,
andrey@ideka.ru

Шурупов Алексей Сергеевич,

аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва,
Alex-shurupov@yandex.ru

РОССИЙСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье проведен анализ подходов к использованию цифровой трансформации в рамках Индустрии 4.0 на промышленных предприятиях машиностроительного комплекса Российской Федерации. Автором представлены основные составляющие Индустрии 4.0, определены основополагающие принципы, позволяющие раскрыть потенциал концепции Индустрии 4.0, сформулированы ключевые технологические задачи концепции Индустрии 4.0 на промышленном предприятии. Делается вывод, что в условиях цифровой трансформации перед отечественными машиностроительными предприятиями стоят новые вызовы, которые требуют своей адекватной оценки и применения инструментов Индустрии 4.0 с учетом имеющейся специфики промышленного производства. Для решения новых задач необходимы: нормативная стандартизация и регулирование на основе формирования центров компетенций, создание уникальной унифицированной платформы и разработка концепции импортозамещения программных продуктов, необходимых для качественного развития информационной инфраструктуры цифрового инжиниринга, цифровая трансформация предприятий машиностроительного комплекса и применение цифровых двойников, развитие информационной инфраструктуры, необходимой для всестороннего внедрения образовательных программ, тренингов и повышения квалификации персонала, использование передовых систем информационной безопасности.

Ключевые слова: промышленное предприятие, машиностроение, Индустрия 4.0, цифровая трансформация.

Andrey V. Nazarov,

Postgraduate, All-Russian Research Institute "Center", Moscow,
andrey@ideka.ru

Alexey S. Shurupov,

Postgraduate, All-Russian Research Institute "Center", Moscow,
Alex-shurupov@yandex.ru

RUSSIAN MACHINE-BUILDING COMPLEX IN CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. This article analyzes approaches to the use of digital transformation within Industry 4.0 at industrial enterprises of the machine-building complex of the Russian Federation. The author presents the main components of Industry 4.0, defines the fundamental principles that allow unlocking the potential of the Industry 4.0 concept, formulates the key technological tasks of the Industry 4.0 concept at an industrial enterprise. It is concluded that in the conditions of digital transformation, domestic machine-building enterprises face new challenges that require their adequate assessment and application of Industry 4.0 tools, taking into account the existing specifics of industrial production. To solve new problems, we need: regulatory standardization and regulation based on the formation of centers of competence, the creation of a unique unified platform and the development of a concept for import substitution of software products necessary for the qualitative development of the information infrastructure of digital engineering, the digital transformation of enterprises in the machine-building complex and the use of digital twins, the development of the information infrastructure necessary for the comprehensive implementation of educational programs, trainings and staff development, the use of advanced information security systems.

Keywords: industrial enterprise, mechanical engineering, Industry 4.0, digital transformation.

Предприятия машиностроительного комплекса являются ключевым компонентом применения высоких технологий в промышленности, и они во многом определяют технологическую независимость, экономический потенциал и обороноспособность Российской Федерации. В современных условиях Индустрия 4.0 является инструментом для преобразования машиностроительного предприятия и перехода на новый уровень эффективности.

Необходимо отметить, что за последние два десятилетия в отечественном машиностроении произошли радикальные изменения, связанные с вытеснением ее продукции с национального и международных рынков иностранными аналогами. Это привело к снижению конкурентоспособности отечественных машиностроительных предприятий и росту потребности в иностранной продукции на внутреннем рынке. Негативное влияние этих процессов заключается в том, что возникла высокая степень зависимости ведущих отраслей машиностроения от иностранной поддержки инноваций, инвестиций и технологии, поставки оборудования и систем промышленной автоматизации. Это стало особенно очевидным в отечественной станкостроительной промышленности [1].

Вместе с тем, при эффективной реализации государственной политики Российской Федерации, направленной на создание необходимых и комфортных условий для качественного развития компонентов, входящих в цифровую экономику, возможно в достаточно короткие сроки провести успешное формирование интегрированной цифровой среды и осуществить развитие технологических платформ для применения в отечественном машиностроительном

комплексе. К концу 2030 года высокотехнологичные предприятия должны обеспечить производство не менее 60 % продукции гражданского назначения, что значительно повысит текущий уровень конкурентоспособности машиностроительной отрасли на национальном рынке, что, в свою очередь, потребует цифровой трансформации всех без исключения аспектов функционирования предприятий [2].

Основные составляющие Индустрии 4.0, которые должны быть учтены в практике деятельности машиностроительных предприятий, представлены на Рисунке 1.

По своей сути, Индустрия 4.0 представляет интеграцию разноформатных данных, искусственного интеллекта, роботизированных и аддитивных промышленных систем, а также коммуникаций. Эффективные производственные экосистемы должны быть как автоматизированными, так и интеллектуальными, что требует особого подхода к реализации управленческой функции на основе применения глобальных информационных баз данных и коммуникаций, Интернета вещей, искусственного интеллекта, симуляции (цифровых двойников) и дополненной реальности.

И.Л. Авдеева, Т.А. Головина и А.В. Полянин выделяют ряд принципов, позволяющих раскрыть потенциал применения концепции Индустрии 4.0 для промышленного предприятия. К ним авторы относят: совместимость, виртуализацию, децентрализацию, сервис-ориентированность, модульность и данные в реальном формате времени (см. Рисунок 2).

Современный облик машиностроительных предприятий в рамках Индустрии 4.0 можно очень кратко описать как промышленный Интернет с ис-

Рисунок 1. Основные составляющие Индустрии 4.0 [3]

Рисунок 2. Основополагающие принципы, позволяющие раскрыть потенциал концепции Индустрии 4.0 [4]

пользованием обычной виртуальной сети или быстроразвивающегося промышленного Интернета вещей. Конечно, данная модель крайне абстрактна, учитывая, что в реальном секторе экономики и на конкретном промышленном предприятии всегда есть вполне материальные машины и оборудование, персонал и коммуникации между ними. Но главное – это глобальный характер ресурсов (информация, производственные возможности и логистика) и их адаптация к индивидуальному продукту.

Технологическая концепция Индустрия 4.0 должна решить ряд ключевых технологических задач (см. Рисунок 3).

Вышеупомянутые направления инструменты расположены в порядке важности для перехода к концепции Индустрии 4.0 и в то же время с позиции сложности при их реализации. Переход машиностроительных предприятий на новую бизнес-модель уже частично реализуется в некоторых передовых сегментах отечественной экономики (комплексное машиностроение, оборонная промышленность и авиастроение). Функционирование предприятия в рамках этой концепции предполагает гораздо более широкий спектр привлекаемых ресурсов, используемых технологий и коммуникаций в ведении бизнеса и индивидуализации своего продукта.

Для поддержания целостности бизнеса в условиях цифровизации, а также для получения преимуществ от применения новой бизнес-модели машиностроительному предприятию необходимо иметь эффективную управляющую систему. Она должна иметь очень ограниченную «человеческую» составляющую, и быть автоматизированной в большей степени, чем, например, производственный процесс [6].

Основой для создания целостной цифровой среды в рамках основной концепции Индустрия 4.0 является широкое использование цифровых технологий на всех уровнях и этапах создания промышленного высокотехнологичного производства. Создание цифровой среды позволяет значительно оптимизировать время, затрачиваемое на процесс вывода новых продуктов на рынок, повысить степень гибкости производственного процесса и, как следствие, улучшить качество продукции. В результате современные информационные технологии должны позволить отечественной промышленности выйти на принципиально новый качественный уровень.

Цифровая трансформация предполагает перевод производственных процессов на новую технологическую структуру, влечет за собой значительную оптимизацию затрат, повышение эффективности и

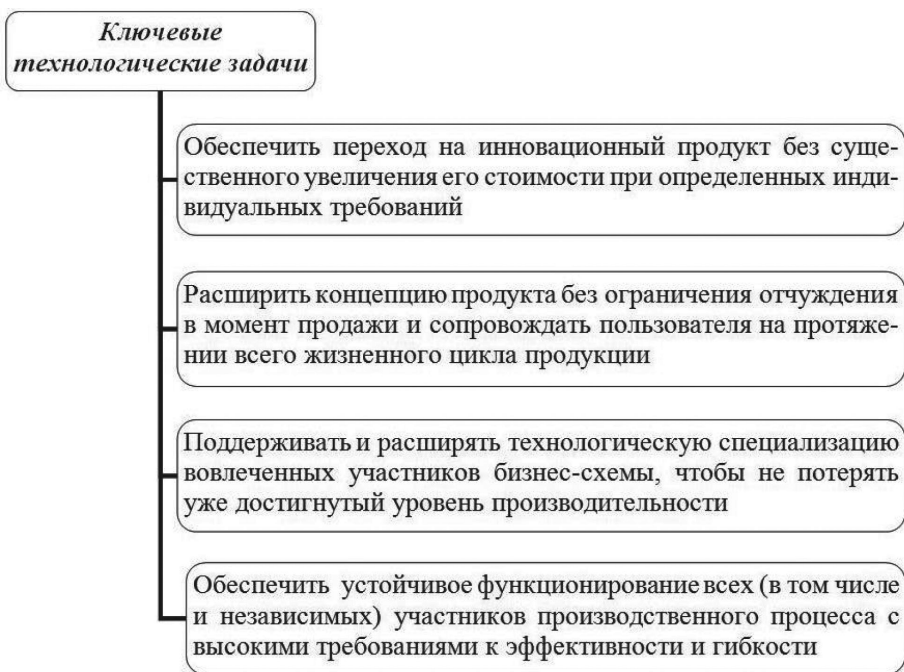

Рисунок 3. Ключевые технологические задачи концепции Индустрии 4.0 на промышленном предприятии [5]

продуктивности, и способствует продвижению на мировые рынки конкурентоспособных отечественных продуктов, которые отвечают всем современным технологическим требованиям.

Задачи цифровой трансформации учитывают фундаментальные основы взаимодействия различных межотраслевых систем и технологических цепочек, что подразумевает сложность и, порой, невозможность эффективного решения задач в рамках одной отрасли. Поэтому правильным решением будет создание межотраслевого управляющего центра, ориентированного на анализ позитивной практики цифровой трансформации в различных отраслях промышленности и создание необходимых условий для ее адаптации в машиностроительном комплексе Российской Федерации.

На наш взгляд для успешного функционирования машиностроительных предприятий в условиях цифровой трансформации необходимо решение ряда задач:

1. Нормативная стандартизация и регулирование.

Необходимо начать формирование центров компетенций в области разработки нормативных документов, необходимых для правового регулирования использования цифровых данных в электронной среде. Важным выглядит создание специального программного комитета для разработки национальных стандартов и обеспечения технического регулирования в цифровой инженерной среде, основанной на едином архитектурном технологическом подходе, учитывающем последующую разработку фундаментальных стандартов в кратчайшие сроки.

2. Создание уникальной унифицированной платформы и разработка концепции импортозамещения программных продуктов, необходимых для качественного развития информационной инфраструктуры цифрового инжиниринга.

Отечественным инженерам и специалистам необходимо разработать единую цифровую платформу «Цифровая инженерия», которая позволяла бы собирать, анализировать, хранить и использовать данные, необходимые для полного удовлетворения потребностей высокотехнологичных предприятий, научных и образовательных учреждений, разработки базовой архитектуры цифровой инженерной среды для компетентного и своевременного управления цифровыми аналогами предприятий, продуктов и оборудования.

3. Цифровая трансформация предприятий машиностроительного комплекса.

Создание цифровых двойников является гарантией своевременного доступа к сертификации в течение определенного периода времени и бюджетирования с требуемым качеством. Данная технология используется на очень ранних стадиях планирования производства будущего продукта, например, для производственного моделирования. Цифровое машиностроительное предприятие должно использовать отечественные программные продукты, и, для этого, необходимо завершить разработку 3D-ядра, которое позволит создать единую архитектуру на ее основе в будущем.

4. Развитие определенных технологических активов и исследовательских компетенций.

Необходимо создать корпоративный портал, который поможет собирать, обрабатывать и анализировать различные возможности машиностроительного предпринимательства в области анализа и оценки использования инновационных технологий. Это должно способствовать организации эффективных партнерств между ведущими научными, образовательными организациями и бизнес-сообществом. Важным выглядит создание специализированных центров, реализующих ключевые направления развития машиностроительной отрасли.

5. Развитие информационной инфраструктуры, необходимой для всестороннего внедрения образовательных программ, тренингов и повышения квалификации персонала.

Создание уникального образовательного центра «Виртуальное машиностроительное предприятие» позволит обучать и осуществлять переподготовку сотрудников для цифровой экономики с привлечением не менее 6-8 ведущих технических университетов. Использование облачных технологий и высокоточного компьютерного моделирования позволит создать и развивать специальный профиль промышленного предприятия, необходимый для организации цифрового инжиниринга. Для учета и отслеживания развития лучших кадров необходимо создать информационную среду нового поколения (информационная и образовательная), а также независимый центр для сертификации персонала предприятий.

6. Использование передовых систем информационной безопасности.

Выглядит необходимым обновление существующих и разработка новых требований к нормативным и методическим документам, необходимым для обеспечения безопасности информационной и технологической среды цифрового инжиниринга. Обновленные требования с учетом условий использования промышленного интернета, сетей «от машины к машине» (M2M) позволяет автоматизировать важные производственные процессы, особенно в области измерений, контроля и мониторинга.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации перед отечественными машиностроительными предприятиями стоят новые вызовы, которые требуют своей адекватной оценки и применения инструментов Индустрии 4.0 с учетом имеющейся специфики промышленного производства. Для решения новых задач необходимы: нормативная стандартизация и регулирование на основе формирования центров компетенций, создание уникальной унифицированной платформы и разработка концепции импортозамещения программных продуктов, необходимых для качественного развития информационной инфраструктуры цифрового инжиниринга, цифровая трансформация предприятий машиностроительного комплекса и применение цифровых двойников, развитие информационной инфраструктуры, необходимой для всестороннего внедрения образовательных программ, тренингов и повышения квалификации персонала, использование передовых систем информационной безопасности.

Список литературы

1. Мосиенко А.В. Управление цифровой трансформацией промышленных систем в условиях нового этапа научно-технологического развития: дисс. ...канд. эконом. наук. Воронеж, 2022. 254 с.
2. Шеер А.-В. Индустрия 4.0. От прорывной бизнес-модели к автоматизации бизнес-процессов. М.: Дело, 2020. 272 с.
3. Липкин Е.Б. Индустрия 4.0: Умные технологии – ключевой элемент в промышленной конкуренции. Часть 2. М.: Остек-CMT, 2019. 226 с.
4. Авдеева И.Л., Головина Т.А., Полянин А.В. Использование RFID-технологий в управлении производственными экономическими системами в условиях реализации четвертой промышленной революции // Организатор производства. 2019. Т. 27. № 3. С. 33-45.
5. Полтарыхин А.Л., Великороссов В.В., Филин С.А. Формирование цифровых инновационных технологий и факторы, влияющие на их внедрение в компании // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. № 1. С. 100-107.
6. Данейкин Ю.В. Консолидационно-инновационная концепция управления развитием высокотехнологичных промышленных комплексов // Научные исследования и разработки. Экономика. 2022. Т. 10, № 4. С. 53-59.

References

1. Mosienko A.V. Upravlenie cifrovoj transformaciej promyshlennyh sistem v usloviyah novogo etapa nauchno-tehnologicheskogo razvitiya: diss. ...kand. ekonom. nauk. Voronezh, 2022. 254 s.
2. Sheer A.V. Industriya 4.0. Ot proryvnoj biznes-modeli k avtomatizacii biznes-processov. M.: Delo, 2020. 272 s.
3. Lipkin E.B. Industriya 4.0: Umnye tekhnologii – klyuchevoj element v promyshlennoj konkurencii. Chast' 2. M.: Ostek-SMT, 2019. 226 s.
4. Avdeeva I.L., Golovina T.A., Polyandin A.V. Ispol'zovanie RFID-tekhnologij v upravlenii proizvodstvennymi ekonomicheskimi sistemami v usloviyah realizacii chetvyortoj promyshlennoj revolyucii // Organizator proizvodstva. 2019. T. 27. № 3. S. 33-45.

5. *Poltaryhin A.L., Velikorossov V.V., Filin S.A.* Formirovanie cifro-vyh innovacionnyh tekhnologij i faktory, vliyayushchie na ih vnedrenie v kompanii // Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. 2023. T. 11. № 1. S. 100-107.
6. *Danejkin Yu.V.* Konsolidacionno-innovacionnaya koncepciya upravleniya razvitiem vysokotekhnologichnyh promyshlennyh kompleksov // Nauchnye is-sledovaniya i razrabotki. Ekonomika. 2022. T. 10, № 4. S. 53-59.

Пономаренко Виталий Валериевич,
аспирант кафедры Экономики Института экономики, управления и финансов,
Российский новый университет, Москва,
ponomarenko.w10@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА» В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические основы и экономическое содержание понятия «транспортная инфраструктура» в системе научного знания. Автором проанализированы современные научные подходы к определению транспортной инфраструктуры, определено, что в качестве транспортной инфраструктуры целесообразно рассматривать комплекс различных логистических, технических и технологических элементов (транспортных путей, транспортных коридоров, складов, заправочных станций, сервисных и ремонтных предприятий и т. д.) организаций и предприятий, занятых обслуживанием пассажирских и грузовых перевозок, обеспечивающих функционирование всех видов транспорта и формирующих условия для решения социально-экономических задач, которые определяются потребностями в перевозке грузов и пассажиров, а также финансово-экономическими потребностями экономики и непосредственно потребностями самих транспортных предприятий.

Ключевые слова: инфраструктура, элементы, транспорт, подходы, экономика, развитие.

Vitalii V. Ponomarenko,
Postgraduate at the Department of Economics of the Institute of Economics,
Management and Finance, Russian New University, Moscow,
ponomarenko.w10@gmail.com

THEORETICAL FOUNDATIONS AND ECONOMIC CONTENT OF THE CONCEPT OF “TRANSPORT INFRASTRUCTURE” IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Abstract. The article examines the theoretical foundations and economic content of the concept of “transport infrastructure” in the system of scientific knowledge. The author analyzed modern scientific approaches to defining transport infrastructure, determined that it is advisable to consider a complex of various logistics, technical and technological elements (transport routes, transport corridors, warehouses, gas stations, service and repair enterprises, etc.) as a transport infrastructure. organizations and enterprises engaged in servicing passenger and freight transportation, ensuring the functioning of all types of transport and creating conditions for solving socio-economic problems that are determined by the needs for the transportation of goods and passengers, as well as the financial and economic needs of the economy and directly the needs of the transport enterprises themselves.

Keywords: infrastructure, elements, transport, approaches, economics, development.

Современный этап развития национальной экономики России проходит в сложный момент силового и политико-экономического противостояния, когда успех экономического роста страны в условиях санкционного давления зависит от бесперебойной работы всех субъектов рыночного хозяйства, обеспечить которую призвана транспортная система. Функционирование транспорта как отрасли национального хозяйства является сложно организованным процессом, в котором участвуют, кроме

непосредственно предприятий и организаций, осуществляющих перевозку грузов и пассажиров, также и вспомогательные структуры, обеспечивающие различные потребности, вытекающие из содержания деятельности национальной транспортной системы.

В качестве данных систем выступают «системы инфраструктурного обеспечения экономики, представляющие собой механизм, являющийся неотъемлемым функциональным элементом индустриального развития, объединяющего в себе совокупность

инженерных объектов, систем и служб, обеспечивающих процесс материального производства.

Необходимость в формировании и развитии инфраструктуры связана с рационализацией производственно-коммерческой, логистической деятельности, в основе которой лежит известный принцип «разделения труда и специализации финансово-экономических рыночных структур», в соответствии с которым наибольшей экономической эффективности удастся достичь при условии дифференциации функций производственно-хозяйственной деятельности, в результате чего ряд предприятий и фирм, решая общую задачу, отвечают за свою часть процесса создания стоимости, имея для этого в своем распоряжении необходимые ресурсы, технику и технологии.

Именно таким образом функционирует современная рыночная экономика, распределяя ресурсы в соответствии с задачами, которые решают экономические субъекты, что также характеризует и функционирование транспортной инфраструктуры, которая компенсирует расходы производственной деятельности, связанные с функционированием производств, находящихся на удаленных территориях, имеющих различные логистические, материальные, энергетические, производственные потребности, удовлетворить которые призваны инфраструктурные объекты и комплексы.

Экономическое содержание дефиниции «инфраструктура» начало формироваться в середине XX века, когда данный термин стал употребляться в научных работах, связанных с проблематикой экономического развития и необходимостью создания «комплекса общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие бизнеса в основных отраслях экономики и удовлетворяют потребности индустриальной экономики» [1].

По мере развития экономики, происходили объективные процессы, определяющие развитие инфраструктуры, в результате чего научный интерес к познанию данного институционального образования возрастал, и ее хозяйственно-экономическая природа исследовалась с точки зрения функционального назначения, возможностей обеспечивать экономический рост, обеспечивая функционирование различных отраслей национальной экономики.

Одним из важнейших структурных элементов инфраструктуры является транспортная инфраструктура, решающая вопросы географического разделения производств, производств и потребителей, производств и источников материальных ресурсов.

Следует сказать, что понятие «транспортная инфраструктура» уже давно закрепились в экономической теории и практике, а также в нормативно-правовом поле, так, например Федеральный закон № 16-ФЗ от 9 февраля 2007 года «О транспортной без-

опасности» [15] указывает на то, что инфраструктура включает используемые транспортные сети или пути сообщения, а также транспортные узлы или терминалы, где производится перегрузка груза или пересадка пассажиров с одного вида транспорта на другой.

В современной научной литературе вопросам развития транспортной инфраструктуры посвящены работы таких авторов, как Абызова Е.В., Биленко А.В. [1], Аннамухаммедов Дж. [2], Бережная Л. Ю. [3], Бычкова А.А. [4], Еналеев А.К., Цыганов В.В. [5], Иващенко М.М. [7], Лубик А.Ф. [8], Милев А.И. [9], Моттаева А.Б. [10], Старцева А.Н., Кубанова С.В., Юсифов Э.Э. [13], Степкин Р.М., Голубятникова Ю.Ю. [14] и т. д.

В исследованиях указанных авторов глубоко и полно изучены вопросы, связанные с терминологическим обеспечением вопросов, касающихся транспортной инфраструктуры, определен состав элементов, ее образующих, а также роль транспортной инфраструктуры в развитии национальной и региональной экономики.

В то же время многообразие научных подходов, связанных с определением данного понятия и роли транспортной инфраструктуры в процессах социально-экономического развития, требуют систематизации научных подходов к определению содержания категории «транспортная инфраструктура», а также уточнения роли транспортной инфраструктуры в развитии экономики.

Таким образом, **целью** статьи является дальнейшее осмысление содержательного наполнения дефиниции «транспортная инфраструктура», исследование теоретических основ, исследование сущности транспортной инфраструктуры с точки зрения современного научного знания.

Изложение основного материала

В настоящее время многообразие научных исследований, посвященных транспортной инфраструктуре, приводит к тому, что в научном дискурсе не сформовано единого подхода к определению данной дефиниции. Исследование научной литературы по данной проблематике позволяет сделать вывод о существовании как минимум трех подходов к определению данного понятия – «технологического», «функционального» и «экономического».

Первый подход, технологический, рассматривает транспортную инфраструктуру с точки зрения инженерно-технического и технологического осуществления транспортной деятельности, имея ввиду, что наличие соответствующих инфраструктурных элементов способно обеспечить бесперебойный процесс транспортировки грузов и пассажиров. Характерным, в рамках данного подхода, является определение, в соответствии с которым под транспортной инфраструктурой понимается «часть инженерной инфраструктуры, включающей комплекс транспортных

инфраструктур коммуникаций и ремонтных баз, обеспечивающих грузо- и пассажироперевозку» [12].

Второй подход исследует и определяет транспортную инфраструктуру с точки зрения ее функционального предназначения, определяя исследуемое понятие как систему либо совокупность различных элементов, входящих в структуру транспортного комплекса, обеспечивающих его функционирование, решая различные задачи, связанные с обеспечением процесса перевозок [8; 9; 14]. Таким образом, данный подход раскрывает содержание транспортной инфраструктуры с точки зрения всего многообразия функций, которые она призвана решать.

Существует и третий подход, в рамках которого транспортная инфраструктура рассматривается как элемент транспортного комплекса, создающий свою часть прибавочной стоимости, обеспечивая, тем самым, финансово-экономическую основу функционирования транспортной системы [11].

Также в современной научной литературе существует мнение относительно того, что транспортная инфраструктура одновременно решает все три задачи, обеспечивая технологический процесс перевозок, распределяя функции, связанные с обеспечением транспортной деятельности между различными технологическими, экономическими, логистическими субъектами, способствуя, при этом, достижению финансово-экономического результата, позволяющего транспортному комплексу обновлять свою материально-техническую базу, вкладывать ресурсы в развитие инфраструктуры, которая обеспечивает решение задач, стоящих перед национальной транспортной системой [2].

В данном случае речь идет о системном подходе к определению содержания транспортной инфраструктуры, в рамках которого данное образование рассматривается как совокупность подсистем, обеспечивающих рациональное распределение функций между обслуживающими предприятиями и организациями, экономическую результативность и технико-технологическое обеспечение процесса транспортного обслуживания.

Также в процессе исследования научных подходов к определению транспортной инфраструктуры мы можем выделить и процессный подход, в рамках которого транспортная инфраструктура рассматривается как совокупность организаций и форм, обеспечивающих различные процессы, необходимые для функционирования транспортной системы [8]. По нашему мнению, данный подход по своему содержанию весьма близок к функциональному подходу, в связи с чем данные подходы целесообразно объединить в одном определении – функционально-процессный подход, что дает возможность исследовать функциональное предназначение транспортной

инфраструктуры, опираясь на структуру тех бизнес-процессов, которые обеспечивают функционирование национальной транспортной системы.

В целом, приведенные подходы дают возможность рассматривать транспортную инфраструктуру с различных позиций с учетом многообразия ее характерных особенностей, что, однако, не исключает необходимости уточнения ее функциональных, экономических основ.

На наш взгляд, ключевой функцией транспортной инфраструктуры является обеспечение процесса перевозок с точки зрения его экономической эффективности, при этом фактор стоимости играет решающую роль в повышении эффективности развития транспортной инфраструктуры.

В то же время обратим внимание на то, что транспортная инфраструктура «... выступает составным элементом общей рыночной инфраструктуры или рыночного хозяйства, без которой невозможно не только функционирование отраслей экономики и осуществление производственного процесса, но и весьма проблемными становится коммерческая деятельность и функционирование рынков» [4].

При этом учеными подчеркивается, что «транспорт представляет собой инфраструктурный элемент рыночной экономики, обслуживающий другие отрасли, подобно энергетическим системам, системам связи, информационным сетям и др. Транспортная инфраструктура обеспечивает региональную связанность производства и коммерции, свободу передвижения людей, способствует социально-экономическому развитию как конкретной местности, так и страны в целом» [12].

Ученые отмечают, что «уровень развития транспортной инфраструктуры влияет на эффективность территориальной организации общества и общественного производства, поскольку транспорт образует своеобразный каркас территориальной структуры рыночного хозяйства, консолидирует социально-географическое пространство, служит фактором устойчивого социально-экономического развития» [10].

Таким образом, можно говорить о том, что без развитой транспортной инфраструктуры функционирование современной транспортной системы невозможно, при этом проблемы, связанные с функционированием транспортной инфраструктуры, оказывают негативное воздействие на общее состояние национальной экономики. Данное утверждение подтверждается мнением ученых [3; 11; 13], которые едины в том, что развитие транспортной инфраструктуры является необходимым условием экономического роста, как на микро-, так и на макроуровнях, указывая, что при условии недостаточного уровня развития транспортная инфраструктура становится фактором, тормозящим экономический рост, а в случае ее опе-

режающего развития – условием экономического подъема национальной экономики.

При этом в финансово-экономическом плане отставание транспортной инфраструктуры от общих темпов экономического роста ведет к возникновению дополнительных затрат, которые появляются в связи с сверхнормативными параметрами эксплуатации складских помещений, с изменением сроков перевозки грузов, порчей товаров и иных материальных ценностей в процессе их складского хранения и транспортировки. В результате имеет место повышение цен на продукцию, что ведет к негативным экономическим процессам, формирующимся уже на макроуровне и образующим следующую зависимость: «рост цен – инфляция – падение спроса – падение производства – снижение ВВП», при том, что высокая цена на продукцию отрицательным образом сказывается на ее конкурентоспособности на региональных и международных рынках.

В свою очередь, развитие и повышение эффективности транспортной инфраструктуры дает возможность получить положительный экономический эффект за счет снижения уровня простоев транспортных средств, повышения безопасности и безаварийности перевозок, экономии материальных ресурсов и логистических затрат, что позитивно сказывается на результатах финансово-экономической деятельности транспортных предприятий и стимулирует развитие национальной экономики.

В условиях санкционного давления, когда задачи экономической стабильности и экономического роста выходят на первый план, развитие транспортной инфраструктуры следует рассматривать в качестве приоритетного направления развития хозяйственной системы, что обеспечивает возможность через повышение эффективности перевозок добиться повышения финансово-экономической результативности национальной экономики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что транспортная инфраструктура представляет собой совокупность различных логистических, технических и технологических элементов (транспортных путей, транспортных коридоров, складов, заправочных станций, сервисных, ремонтных предприятий и т. д.) организаций и предприятий, занятых обслуживанием пассажирских и грузовых перевозок, обеспечивающих функционирование всех видов транспорта и формирующих условия для решения социально-экономических задач, которые определяются потребностями в перевозке грузов и пассажиров, а также финансово-экономическими потребностями экономики и непосредственно потребностями самих транспортных предприятий.

Сказанное позволяет нам определить значение транспортной инфраструктуры для решения задач экономического развития страны (см. Рисунок).

Обобщая взгляды ученых на содержание, виды и структуризацию элементов транспортной инфраструктуры, следует отметить, что трансформация глобальных экономических связей привела к изменению содержания, функций и элементного состава транспортной инфраструктуры. Уже сегодня транспортная инфраструктура, кроме таких традиционных функций, как интеграционная, коммуникационная, обслуживающая, поддерживающая, системоформирующая, регулирующая и другие, выполняет и ряд новых для традиционной транспортной системы функций.

Сегодня транспортная инфраструктура стимулирует приток инноваций в страну, поддерживает инновационно-технологические связи, тем самым создавая условия для ассимиляции, использования, преобразования и развития инновационных знаний в транспортном комплексе, то есть увеличения его способностей к усвоению и управлению инновациями.

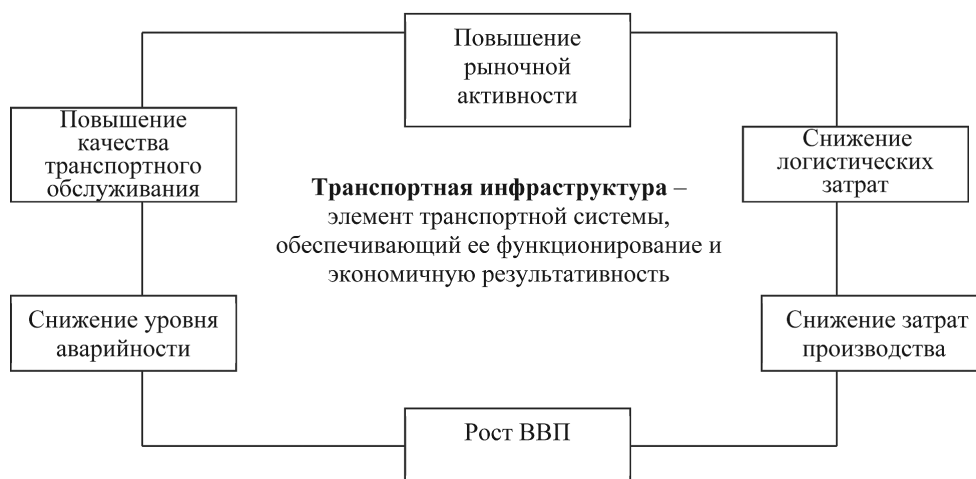

Рисунок. Транспортная инфраструктура и ее значение для решения задач экономического развития страны (составлено автором)

Учитывая приведенные выше взгляды ученых на составляющие транспортной инфраструктуры, целесообразно раскрыть авторский подход к структуризации ее элементов. Поскольку транспортный комплекс охватывает функционирование ряда объектов, непосредственно не принимающих участия в процессах предоставления транспортных услуг, однако которые косвенно влияют на формирование эффективных условий для его протекания, состав транспортной инфраструктуры должен быть представлен следующими обеспечивающими элементами:

1) транспортное обслуживание: транспортные средства, объекты, управления движением, вокзалы, диспетчерские пункты и другие средства, здания и комплексы, принимающие непосредственное участие в выполнении транспортного процесса: транспортные пути и транспортные коридоры, имеющие соответствующее инженерное обеспечение;

2) терминально-складское обслуживание: склады, терминалы, логистические центры, экспедиторские и логистические компании (операторы), подъемно-транспортное и погрузочно-разгрузочное оборудование;

3) виртуально-информационное обслуживание: системы и устройства мониторинга; программные комплексы по организации транспортного обслуживания, объединенные в информационном пространстве «единого окна»; системы и программные средства маршрутизации, средства обмена информацией;

4) научно-производственное сопровождение: ремонтно-производственные базы, станции технического обслуживания, депо, научно-производственные, инновационные центры, хабы;

5) управление транспортной инфраструктурой: органы государственной власти в сфере транс-

порта; международные межправительственные организации в сфере транспорта;

б) коммерческое обслуживание: страховые, маркетинговые и консалтинговые компании, банковские учреждения, туристические представительства, торговые посредники по продаже билетов, таможенные органы и посредники, санитарно-эпидемиологическая и ветеринарная службы, инвестиционные компании, фонды и т. д.

Основываясь на выделенных составляющих транспортной инфраструктуры, последнюю, в структурном плане, следует определить как комплекс объектов, средств и институций, обеспечивающих транспортное, терминально-складское, виртуально-информационное, коммерческое обслуживание транспортного процесса, а также осуществляющих его научно-производственное сопровождение, разработку и реализацию единой политики развития.

Выводы

В настоящее время транспортная инфраструктура является важным инструментом, способствующим не только транспортному обслуживанию базовых отраслей экономики, но и выступает ключевым индикатором, отражающим уровень экономического развития страны. Состояние развития транспортной инфраструктуры отражает уровень экономического и инновационного развития экономики, ее инвестиционную привлекательность, уровень освоения территорий и возможности логистического управления на макро и микроуровнях.

Учитывая стратегическую значимость транспортной инфраструктуры для обеспечения устойчивого роста экономики, дальнейшие исследования автора будут направлены на изучение тенденций и закономерностей развития транспортной инфраструктуры в современных условиях развития российской экономики.

Список литературы

1. Абызова Е.В., Биленко А.В. Развитие транспортной инфраструктуры // Вестник Московской международной академии. 2019. № 3. С. 37-43.
2. Аннамухаммедов Дж. Транспортная логистика и модернизация инфраструктуры // Вестник науки. 2023. № 3. С. 26-30.
3. Бережная Л.Ю. Взаимосвязь транспортной инфраструктуры и регионального развития // Вестник Евразийской науки. 2019. Т. 11. № 3. С. 1-9.
4. Бычкова А.А. Инвестиции в транспортную инфраструктуру России // Вестник университета. 2022. № 2. С. 151-159.
5. Еналеев А.К., Цыганов В.В. Комплекс механизмов управления развитием транспортной инфраструктуры // ИТ-НОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2020. № 4. С. 116-121.
6. Занина Т.М., Федотова О.А., Анисимова Н.А. Обеспечение транспортной безопасности в РФ: современные проблемы и пути решения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4. С. 46-52.
7. Иващенко М.М. Объекты транспортной инфраструктуры на автомобильном транспорте // Вестник магистратуры. 2019. № 3. С. 199-201.
8. Лубик А.Ф. Направления совершенствования транспортной инфраструктуры РФ // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 3. С. 161-170.
9. Милев А.И. Место транспортной инфраструктуры в развитии регионов // Human Progress. 2021. Том 7. Вып. 2. С. 1-15.
10. Михайлов М.В. Роль транспортной инфраструктуры в региональном экономическом развитии // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 4. С. 39-47.

11. *Моттаева А.Б.* Планирование и моделирование региональной транспортной инфраструктуры // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 3. С. 102-110.
12. *Попова Ю.В.* К вопросу о влиянии транспортной инфраструктуры на ВРП региона // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2020. № 1. С. 23-28.
13. *Старцева А.Н., Кубанова С.В., Юсифов Э.Э.* Транспортная инфраструктура РФ в новых условиях: проблемы и прогнозы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 100. С. 199-203.
14. *Степкин Р.М., Голубятникова Ю.Ю.* Механизм обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 80-85.
15. Федеральный закон № 16-ФЗ от 9 февраля 2007 года «О транспортной безопасности». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/.

References

1. *Abyzova E.V., Bilenko A.V.* Development of transport infrastructure // Bulletin of the Moscow International Academy. 2019. № 3. Pp. 37-43.
2. *Annamukhammedov J.* Transport logistics and infrastructure modernization // Bulletin of Science. 2023. № 3. Pp. 26-30.
3. *Berezhnaya L.Yu.* Interrelation of transport infrastructure and regional development // Bulletin of Eurasian Science. 2019. T. 11. № 3. P. 1-9.
4. *Bychkova A.A.* Investments in the transport infrastructure of Russia // Bulletin of the University. 2022. № 2. P. 151-159.
5. *Enaleev A.K., Tsyganov V.V.* Complex of mechanisms for managing the development of transport infrastructure // ITNOU: information technologies in science, education and management. 2020. № 4. Pp. 116-121.
6. *Zanina T.M., Fedotova O.A., Anisimova N.A.* Ensuring transport security in the Russian Federation: modern problems and solutions // Law and order: history, theory, practice. 2022. № 4. Pp. 46-52.
7. *Ivashchenko M.M.* Objects of transport infrastructure in road transport // Magistracy Bulletin. 2019. № 3. Pp. 199-201.
8. *Lubik A.F.* Directions for improving the transport infrastructure of the Russian Federation // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2019. № 3. Pp. 161-170.
9. *Milev A.I.* The place of transport infrastructure in the development of regions // Human Progress. 2021. Volume 7. Issue 2. P. 1-15.
10. *Mikhailov M.V.* The role of transport infrastructure in regional economic development // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. № 4. Pp. 39-47.
11. *Mottaeva A.B.* Planning and modeling of regional transport infrastructure // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2019. № 3. Pp. 102-110.
12. *Popova Yu.V.* On the issue of the influence of transport infrastructure on the region's GRP // ITNOU: information technologies in science, education and management. 2020. № 1. Pp. 23-28.
13. *Startseva A.N., Kubanova S.V., Yusifov E.E.* Transport infrastructure of the Russian Federation in new conditions: problems and forecasts // Economics and business: theory and practice. 2022. № 100. Pp. 199-203.
14. *Stepkin R.M., Golubyatnikova Yu.Yu.* Mechanism for ensuring transport security at transport infrastructure facilities // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1. Pp. 80-85.
15. Federal Law № 16-FZ of February 9, 2007 "On Transport Security". – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/.

Самсонова Светлана Николаевна,

преподаватель кафедры Статистики и математических методов в управлении Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
samsonova_s@mirea.ru

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. Одной из наиболее острых проблем, существующих в настоящее время в России, является проблема обеспечения страны продовольствием. Продолжающееся снижение объемов национального производства основных продуктов питания оставляет без удовлетворения одну из главных потребностей человека – обеспеченность здоровой, разнообразной пищей. На фоне неуклонно ухудшающейся экологической обстановки дефицит продовольствия прямо обуславливает рост заболеваемости и сокращение продолжительности жизни населения, в силу чего задача обеспечения продовольственной безопасности страны приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: сельское хозяйство, продовольственная безопасность, уровень самообеспечения, социально-экономическая система, национальная безопасность.

Svetlana N. Samsonova,

Lecturer at the Department of Statistics and Mathematical Methods in Management Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow,
samsonova_s@mirea.ru

ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF INDICATORS FOR ACHIEVING THE LEVEL OF FOOD SECURITY OF THE COUNTRY

Abstract. One of the most acute problems currently existing in Russia is the problem of providing the country with food. The continuing decline in the volume of national production of basic foodstuffs leaves one of the main human needs unsatisfied – the provision of healthy, varied food. Against the background of a steadily deteriorating environmental situation, food shortages directly cause an increase in morbidity and a reduction in life expectancy, which makes the task of ensuring the country's food security particularly relevant.

Keywords: agriculture, food security, level of self-sufficiency, socio-economic system, national security.

В свете формирования мировым сообществом «Целей устойчивого развития» на период до 2030 года проблема факторов продовольственной безопасности России, отвечающих новым запросам экономической политики, становится все более обсуждаемой и требует актуальных способов решения. Вопросы, связанные с возможностями потребителей и способностями производителей, являются наиболее острыми в сфере продовольствия. Важно понимать, что решающую роль в обеспечении продовольственной безопасности занимает сельское хозяйство, являющееся крупнейшей жизнеобеспечивающей сферой народнохозяйственного комплекса. Его состояние и экономическая эффективность функционирования оказывают решающее влияние на уровень продовольственного обеспечения и благосостояния народа.

В связи со вступлением России в ВТО заметно повысилась открытость национального агропродовольственного комплекса, что потребовало его адаптации к тарифным мерам регулирования и учёта внешнеторговых рисков при производстве и поставках основных видов российской сельскохозяйственной продукции на зарубежные рынки. В связи с чем в январе 2020 года был утвержден проект новой Доктрины продовольственной безопасности (далее – Доктрина 2020 года), подготовленный Правительством Российской Федерации по поручению Президента России [1].

В целом Доктрина 2020 года определяет ключевые направления развития сельскохозяйственного производства по обеспечению продовольственной безопасностью население страны.

Согласно положениям Доктрины 2020 года, основной для продовольственной безопасности России

является стабильно развивающееся производство сельскохозяйственной продукции и продовольствия. При условии, что объем отечественного производства продуктов питания обеспечивает потребности населения в собственных продовольственных ресурсах, будет достигнут высокий экономический уровень продовольственного самообеспечения страны.

Определение уровня самообеспечения продовольственными ресурсами представляет собой отношение объемов производства продовольствия соответствующего вида к потребности в нем, что описывается формулой (1):

$$У_{с.о.} = \frac{П}{ПП + П_{ном} + ФЛП} * 100 \% \quad (1),$$

где П – производство товаров продовольственного назначения соответствующей продуктовой группы за год;

ПП – производственное потребление продуктов продовольственного назначения соответствующей продуктовой группы в сельском хозяйстве;

$П_{пот}$ – потери продовольствия соответствующей продуктовой группы;

ФЛП – фонд личного потребления населением товаров продовольственного назначения соответствующей продуктовой группы.

На основе рассчитанного уровня самообеспечения населения был проведен сравнительный анализ достижения пороговых значений показателей

сектора сельского хозяйства, учтенных в Доктрине 2020 года (см. Таблицу 1).¹²

Таким образом, в 2021 году население не было полностью обеспечено молоком и молокопродуктами, картофелем, овощами и бахчевыми, а также фруктами и ягодами. На следующий год после введения Доктрины 2020 года не достигнуты следующие пороговые значения:

1) самообеспечение **молоком и молокопродуктами** составило 84,3 %, что на 5,7 % ниже установленного порога. Не соблюдены рекомендованные нормы, установленные Минздравом: не потреблен 29,1 % молока и молокопродуктов, а фонд личного потребления на 8,8 % больше производства данного показателя;

2) самообеспечение **картофелем** ниже порогового значения на 6,3 % несмотря на то, что производство данного вида продукции превышает личное потребление. Проблема заключается в увеличении темпа роста фонда личного потребления к производству, начиная с 2019 года в среднем на 5,2 %;

3) самообеспечение **овощами и бахчевыми** ниже порога на 3,5 %, а потребление данного вида продукции ниже нормы на 26,4 % несмотря на то, что производство ниже фонда личного потребления всего на 1,1 %;

4) самообеспечение **фруктами и ягодами** в 2021 году составило 44,4 %, что на 15,6 % ниже уста-

Таблица 1

Сравнительный анализ достижения пороговых значений показателей сектора сельского хозяйства, учтенных в Доктрине 2020 года, а также рекомендованных норм потребления

Наименование пищевых продуктов	Рекомендованные Минздравом нормы потребления кг/год/чел. [3]	Потребление продуктов питания в расчете на душу населения в год, 2021 год ¹ , кг/год/чел.	Пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности 2020 года, %	Уровень самообеспечения 2021 года, %
Зерно	21	23,6 ²	≥ 95	489,5
Мясо и мясопродукты	76	78,0	≥ 85	99,7
Молоко и молокопродукты	340	241,0	≥ 90	84,3
Яйца и яйцопродукты	270 (штук)	281 (штука)	отсутствует	98,2
Картофель	90	84,0	≥ 95	88,7
Овощи и бахчевые	140	103,0	≥ 90	86,5
Фрукты и ягоды	100	63,0	≥ 60	44,4
Рыба и рыбопродукты	24	21,2	≥ 85	153,6

¹ Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

² Производственное потребление у сельскохозяйственных производителей.

новленного порогового значения, а до нормы не достигнуто 37 % потребления. Вместе с тем, отечественное производство данного вида продукции очень низкое – фонд личного потребления не менее чем в 2 раза превышает производство.

Кроме того, согласно данным из Таблицы 1, показатель рыбы и рыбопродуктов не достигает нормы установленных значений Минздрава, однако уровень самообеспечения превышает порог. Это говорит о том, что в контексте обеспечения продовольственной независимости, государством выполняются все условия. Проблема может состоять в низком уровне экономической и/или физической доступности.

Провести сравнительный анализ по показателю яиц и яйцепродуктов не представилось возможным ввиду отсутствия установленного Доктриной 2020 года порогового значения. Однако удалось оценить уровень самообеспечения, который составил 98,2 %.

Таким образом, можно выделить четыре группы уровня самообеспечения с интервальными параметрами:

1) 100 % и выше – высокий уровень самообеспечения: население полностью обеспечено продовольственными ресурсами, государство имеет возможность реализовывать продукцию в других странах;

2) 90-99 % – средний уровень самообеспечения: население полностью обеспечено продовольственными ресурсами и использует в допустимых пределах ресурсы ввоза (до 20 % от общего объема потребления);

3) 80-89 % – низкий уровень самообеспечения: население нуждается в продовольственном обеспечении;

4) менее 80 % – критический уровень самообеспечения: население не обеспечено продовольственными ресурсами, потребление почти полностью зависит от импорта.

Анализируя уровень самообеспечения после принятия Доктрины продовольственной безопасно-

сти в 2020 году в России, стоит отметить, что показатели продовольственной независимости изменяли свое положение в группах уровня самообеспечения (см. Таблицу 2).

Рассматривая 2022 год, можно отметить следующее: показатели зерна, мяса и мясопродуктов, а также рыбы и рыбопродуктов входят в I группу уровня самообеспечения; яйца и яйцепродукты, картофель – во II группу; молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые относятся к III группе; фрукты и ягоды составляют IV группу.

В период с 2020 по 2022 гг. наблюдается частичная стабильная ситуация по уровню самообеспечения населения – на протяжении представленных лет не наблюдается изменений в части обеспечения жителей зерном, мясом и мясопродуктами, а также рыбой и рыбопродуктами (все обеспечены), что нельзя сказать о молоке и молокопродуктах, картофеле, овощах и бахчевых, фруктах и ягодах, которые за 3 года так и не смогли достигнуть пороговых значений, установленных Доктриной 2020 года.

Колебания наблюдаются в обеспечении населения картофелем, уровень которого не достигал граничных значений Доктрины 2020 года за анализируемые три года, однако в 2022 году практически приблизился к пороговым данным, изменив положение в группе уровня самообеспечения (из III группы перешел во II). Такой переход обусловлен снижением потерь и фонда личного потребления относительно предыдущего периода, и увеличением импорта на 267,3 тыс. тонн.

Вместе с тем, в уровне самообеспечения мясом и мясопродуктами также произошло изменение в принадлежности к группе уровня самообеспечения – в 2020 и 2022 гг. – I группа, 2021 году – II группа. Данное колебание связано с увеличением производственного потребления на 5 тысяч тонн (18,6 %) и личного потребления на 164 тысячи тонн (1,5 %) относительно 2021 года.

Таблица 2

Достижения показателей продовольственной независимости пороговым значениям Доктрины 2020 года в период с 2020 по 2022 гг., РФ, %

Наименование показателя	Пороговые значения Доктрины продовольственной безопасности, %	2020 год, %	2021 год, %	2022 год, % [4]
Зерно	≥ 95	529,4 (I группа)	489,5 (I группа)	отсутствует
Мясо и мясопродукты	≥ 85	100,1 (I группа)	99,7 (II группа)	101,8 (I группа)
Молоко и молокопродукты	≥ 90	84,0 (III группа)	84,3 (III группа)	85,7 (III группа)
Яйца и яйцепродукты	отсутствует	97,4 (II группа)	98,2 (II группа)	98,0 (II группа)
Картофель	≥ 95	89,2 (III группа)	88,7 (III группа)	94,5 (II группа)
Овощи и бахчевые	≥ 90	86,3 (III группа)	86,5 (III группа)	88,5 (III группа)
Фрукты и ягоды	≥ 60	42,4 (IV группа)	44,4 (IV группа)	47,3 (IV группа)
Рыба и рыбопродукты	≥ 85	160,7 (I группа)	153,6 (I группа)	165,3 (I группа)

Таким образом, оценивая текущую ситуацию уровня продовольственной независимости в стране, можно отметить, что 4 из 7 оцениваемых показателей не достигают пороговых значений, установленных Доктриной продовольственной безопасности 2020 года. Более половины исследуемых показателей сельскохозяйственной продукции относятся к I и II группе уровня самообеспечения, полностью обеспечивая население продуктами питания и имея возможность выходить при этом на международные рынки. На протяжении трех анализируемых лет (2020–2022 гг.) Россия имела внешнеторговый дефицит, однако в целом оценить уровень продовольственной независимости как «высокий» не представляется возможным ввиду наличия таких продуктов, которые население не может потребить, в том числе, из-за колеблющегося уровня производства.

В рамках изучения вопроса развития сельского хозяйства с позиции оценки продовольственной безопасности были выявлены показатели, относящиеся к категории низкообеспеченных, то есть те, объем производства которых не превышает количество, способное обеспечить население данным продуктом питания в полном объеме. Не менее важным становится изучение вопроса изменения показателя производства продовольствия с низким уровнем обеспечения за несколько лет, а также построение прогноза на период, когда уровень производства этих продуктов сможет отразиться на достигнутом порогового значения уровне самообеспечения низкообеспеченных продуктов питания.

В целях определения уровня производства, позволяющего населению потреблять установленные рациональными нормами продукты питания на уровне значений, утвержденных Доктриной продовольственной безопасности, прогнозируем значения производства низкообеспеченных продуктов питания на основе полученных моделей. Прогноз будет выполнен согласно правилам статистики с использованием метода экстраполяции тренда. Данный метод выбран ввиду его простоты и частоты использования.

Аналитические данные, полученные для прогноза производства молока и молокопродуктов, картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод до 2031 года с учетом негативных и позитивных воздействий на производство, представлены в Таблице 3.

Полученные прогнозные данные по производству молока и молокопродуктов указывают на рост производства данного вида продукции. К 2031 году объем производства может увеличиться на 14 849 тыс. тонн или на 43,5 % относительно 2021 года. Судя по графику (см. Рисунок 1), с 2016 года наблюдается постоянный рост производства (+ 3,7 % ежегодно).

Положительная динамика указывает на достижение уже в 2022 году уровня самообеспечения

отметки в 90 % и превышение порогового значения Доктрины продовольственной безопасности 2020 года. Однако уже по опубликованным данным Росстата по уровню самообеспечения за 2022 год (известно только значение показателя, пересчитать на данный момент не представляется возможным ввиду отсутствия данных по производству, личному и производственному потреблению, а также потерям за 2022 год) [4] можно отметить, что уровень самообеспечения молоком и молокопродуктами в 2022 году был равен 85,7 %, что говорит о том, что тенденция прогноза развивается по нижней границе.

Следовательно, придерживаясь таких темпов, уровень самообеспечения данным видом продукции будет достигнут лишь в 2026 году (при условии, что личное и производственное потребление, а также потери молока и молокопродуктов останутся на уровне 2021 года).

Прогнозные данные по производству картофеля отражают ниспадающую тенденцию. К 2031 году объем производства может снизиться на 5 402 тыс. тонн или на 27,5 %. Анализируя визуальную составляющую графика (см. Рисунок 2), период с 1990 по 2031 года характеризуется спадом, однако при том же уровне (2021 года) личного и производственного потребления, а также потерь, производство картофеля по прогнозным значениям верхней границы линии тренда должны были позволить достичь пороговых значений Доктрины продовольственной безопасности 2020 года к 2022 отчетному году.

Вместе с тем, данные Росстата по уровню самообеспечения картофелем отражают недостижение порогового значения Доктрины 2020 года [4], что говорит о корреляции с прогнозом по исходным данным по линии тренда. Учитывая вышесказанное, такой прогноз отражает невозможность достижения уровня самообеспечения вплоть до 2031 года.

Исходным решением данной проблемы может выступать увеличение объемов производства не менее, чем на 5 000 тыс. тонн. Тогда прогноз можно строить по верхней границе и утверждать о достижении граничного значения показателя к 2023 году.

Прогнозные значения по производству овощей и бахчевых свидетельствуют о сохранении положительной тенденции данного вида продукции, достигающей в объеме производства 19 677 тыс. тонн к 2031 году, абсолютный прирост относительно 2021 года составит 4 749 тыс. тонн или 31,8 %. Согласно прогнозным данным, можно отметить ежегодный рост по производству овощей и бахчевых в среднем на 474,9 тыс. тонн (см. Рисунок 3).

При условии, что личное и производственное потребление, а также потери овощей и бахчевых останутся на уровне 2021 года, к 2022 отчетному году прогнозировался объем производства, достаточный

**Прогнозные значения объемов производства низкообеспеченных продуктов питания
в Российской Федерации на 10 лет, полученные методом экстраполяции тренда**

№ п/п	Наименование показателя	Уравнение тренда	Период упреждения	Прогнозное значение	Верхняя граница прогноза	Нижняя граница прогноза
1.	Производство молока и моло- копродуктов	$\bar{Y}_x = 52\,599 - 2\,148,1x + 49,095x^2$	2022	35 176	39 978	30 374
			2023	36 317	41 119	31 515
			2024	37 557	42 359	32 755
			2025	38 895	43 697	34 092
			2026	40 330	45 132	35 528
			2027	41 864	46 666	37 062
			2028	43 497	48 299	38 695
			2029	45 227	50 029	40 425
			2030	47 056	51 858	42 254
			2031	48 982	53 784	44 180
2.	Производство картофеля	$\bar{Y}_x = 36\,945 - 540,19x$	2022	19 119	24 633	13 605
			2023	18 579	24 092	13 065
			2024	18 038	23 552	12 525
			2025	17 498	23 012	11 984
			2026	16 958	22 472	11 444
			2027	16 418	21 932	10 904
			2028	15 878	21 391	10 364
			2029	15 337	20 851	9 824
			2030	14 797	20 311	9 283
			2031	14 257	19 771	8 743
3.	Производство овощей и бах- чевых	$\bar{Y}_x = 10\,630 + 43,679x + 4,0886x^2$	2022	16 524	17 811	15 237
			2023	16 842	18 129	15 554
			2024	17 1	18 455	15 880
			2025	17 501	18 789	16 214
			2026	17 843	19 131	16 556
			2027	18 194	19 481	16 906
			2028	18 552	19 840	17 265
			2029	18 919	20 206	17 632
			2030	19 294	20 581	18 006
			2031	19 677	20 964	18 389
4.	Производство фруктов и ягод	$\bar{Y}_x = 3\,372 - 131,05x + 5,1138x^2$	2022	4 616	5 239	3 993
			2023	4 828	5 451	4 205
			2024	5 050	5 673	4 427
			2025	5 282	5 905	4 659
			2026	5 524	6 147	4 901
			2027	5 776	6 400	5 153
			2028	6 039	6 662	5 416
			2029	6 312	6 935	5 689
			2030	6 595	7 218	5 972
			2031	6 889	7 512	6 266

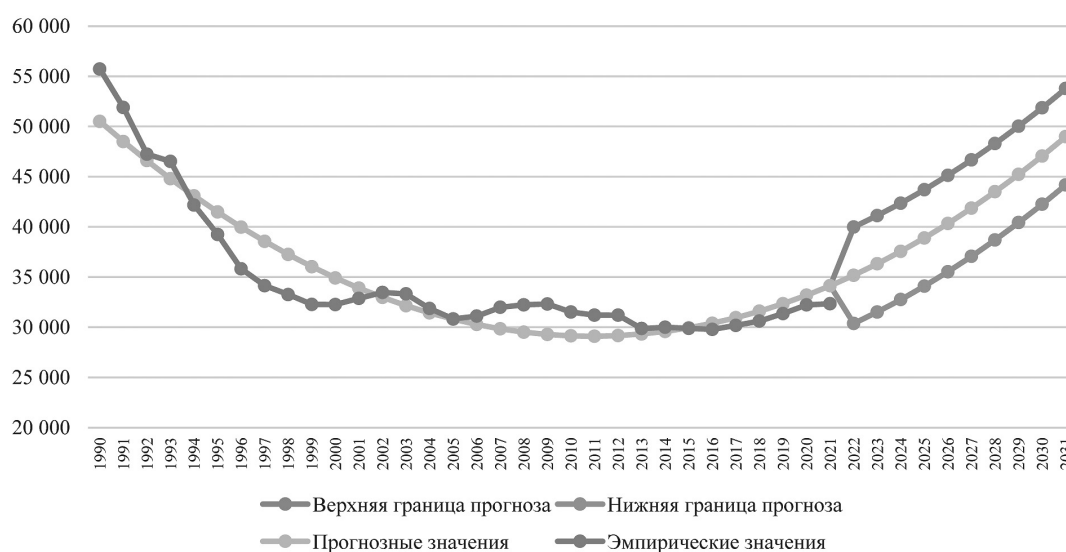

Рисунок 1. Прогнозирование производства молока и молокопродуктов методом экстраполяции тренда, Российская Федерация, 1990–2031 гг.

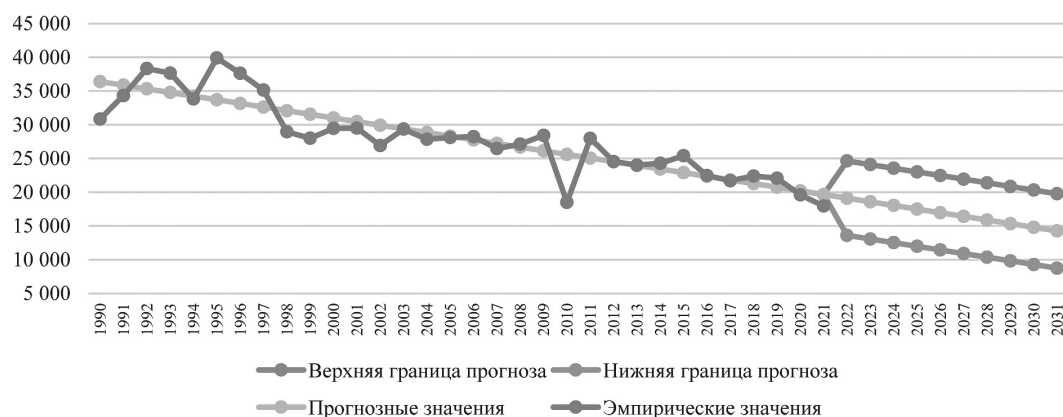

Рисунок 2. Прогнозирование объемов производства картофеля методом экстраполяции тренда, Россия, 1990–2031 гг.

для обеспечения населения данным видом продукции. Однако по данным Росстата уровень самообеспечения составил 88,5 % в 2022 году [4], что свидетельствует о развитии прогноза по нижней границе.

Таким образом, уровень самообеспечения достигнет порогового значения Доктрины 2020 года в 2023 году.

Анализируя прогноз производства фруктов и ягод, стоит также отметить наличие положительной динамики на прогнозный период (см. Рисунок 4). В среднем, планируется, что ежегодный прирост производства будет составлять порядка 3,8 %.

При учете, что сохранится прежний уровень личного и производственного потребления, а также потерь (на уровне 2021 года), уровень производства, обеспечивающий население фруктами и ягодами в объеме, установленным Доктриной продовольственной безопасности 2020 года, достигнет пороговых данных к 2030 году. При лучшем исходе такой уро-

вень должен достигнуть граничных значений в 2027 году.

Таким образом, прогноз производства низкообеспеченных продуктов питания показал, что при условии сохранения прежнего уровня личного и производственного потребления, а также потерь, продовольственная независимость низкообеспеченных продуктов питания достигнет пороговых значений, утвержденных Доктриной продовольственной безопасности: по показателю овощей и бахчевых и картофеля к 2023 отчетному году, по молоку и молокопродуктам – к 2026 году, по фруктам и ягодам при учете прогноза по верхней границе – к 2027 году.

В связи с чем рекомендуется либо снижать личное и производственное потребление, а также потери, либо наращивать производственную мощность. Учитывая, что нормы рационального потребления, утвержденные Минздравом России, не достигнуты по исследуемым показателям, снижать объем личного производства

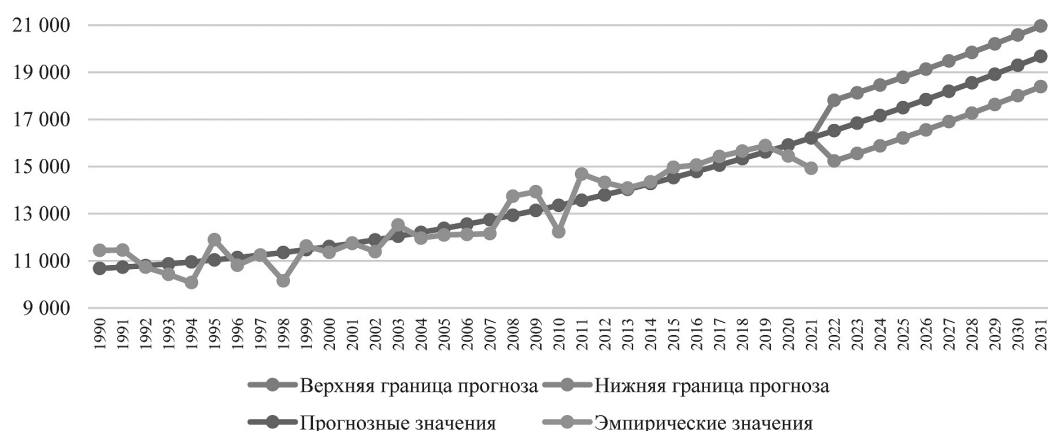

Рисунок 3. Прогнозирование объемов производства овощей и бахчевых методом экстраполяции тренда, Россия, 1990–2031 гг.

Рисунок 4. Прогнозирование объемов производства фруктов и овощей методом экстраполяции тренда, Россия, 1990–2031 гг.

нельзя. Производственное потребление также не может быть снижено ввиду отраслевой специфики исследуе-

мых показателей. Таким образом, лучший вариант – развитие уровня производства и сокращение потерь.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 года № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 09.11.2023).
2. Анищенко А.Н., Шутков А.А. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности России // Продовольственная политика и безопасность. – 2021. – Том 8. – № 1. – С. 9–22.
3. Рациональные нормы потребления пищевых продуктов // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://minzdrav.gov.ru/opendata/7707778246-normpotrebproduct/visual> (дата обращения: 19.11.2023).
4. Балансы продовольственных ресурсов // Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (дата обращения: 19.11.2023).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation № 20 dated 21.01.2020 "On approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation" [Electronic resource] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (accessed: 19.11.2023).

2. *Anishchenko A.N., Shutkov A.A.* Problems of implementation of the Doctrine of food security of Russia // Food policy and security. – 2021. – Volume 8. – № 1. – Pp. 9-22.
3. Rational norms of food consumption // Official website of the Ministry of Health of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <https://minzdrav.gov.ru/opendata/7707778246-normpotrebproduct/visual> (accessed: 19.11.2023).
4. Balances of food resources // Official website of Rosstat [Electronic resource] // URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy (accessed: 19.11.2023).

Хайрутдинов Антон Тофикович,

аспирант кафедры Экономики и управления, Уральский институт управления,
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург,
toha507@mail.ru

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Научная статья посвящена анализу концептуальных основ инвестиционной деятельности домохозяйств в российской экономике. В свете экономической важности домохозяйств как ключевых потребителей и инвесторов, изучение их инвестиционной активности приобретает особую актуальность. В рамках данной научной статьи осуществляется раскрытие сущностных характеристик таких категорий как инвестиции, инвестиционная деятельность и домохозяйство. А также дается авторское определение категории инвестиционная деятельность домохозяйств. Анализируются динамика и структура сбережений и инвестиций домохозяйств Российской Федерации за период с 2017 года по 2022 год включительно. Определяются особенности данных процессов в рамках пандемии коронавируса (в 2020 году) и ужесточения внешнеэкономического и внешнеполитического противостояния РФ и стран «западного мира» в 2022 году. Определяются особенности инвестиционного поведения домохозяйств в различные временные периоды. Формируются итоговые выводы и перспективы относительно темы исследования.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, домохозяйства, сбережения.

Anton T. Khairutdinov,

Postgraduate at the Department of Economics and Management, Ural Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg,
toha507@mail.ru

ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF HOUSEHOLD INVESTMENT ACTIVITY IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. This scientific article is devoted to the analysis of the conceptual foundations of household investment activity in the Russian economy. In light of the economic importance of households as key consumers and investors, the study of their investment activity becomes particularly relevant. Within the framework of this scientific article, the essential characteristics of such categories as investments, investment activities and households are disclosed. And also, the author's definition of the category of investment activity of households is given. The dynamics and structure of household savings and investments in the Russian Federation for the period from 2017 to 2022 inclusive are analyzed. The features of these processes within the framework of the coronavirus pandemic (in 2020) and the tightening of the foreign economic and foreign policy confrontation between the Russian Federation and the countries of the "Western world" in 2022 are determined. The features of the investment behavior of households in different time periods are determined. The final conclusions and prospects regarding the research topic are formed.

Keywords: investments, investment activity, households, savings.

Изучение концептуальных основ инвестиционной деятельности домохозяйств в российской экономике имеет высокую актуальность в современном контексте. Такой анализ позволяет более глубоко понять поведение домохозяйств как инвесторов и их влияние на экономические процессы. Это особенно важно в условиях изменчивости мировой и национальной экономической ситуации. Исследование кон-

цептуальных основ инвестиционной деятельности домохозяйств помогает выявить факторы, определяющие их инвестиционные предпочтения и рискованные предположения, что способствует разработке более точных и эффективных инвестиционных стратегий.

Литературный обзор. Проблематике инвестиционной деятельности домохозяйств в экономике Российской Федерации посвящено значительное чис-

ло научных работ, которые так или иначе затрагивают тематику данной научной статьи. Так, Ахметова Д.Е. [1] в своей работе анализировала структуру сбережений домохозяйств. В то же время Балашев Н.Б. [2] рассматривал влияние домохозяйств на формирование ВВП.

Болотнова Е.А. [3] в своей научной статье анализирует состав финансов домохозяйств РФ. Бубнова Ю.Б. [4] изучала процессы преобразования сбережений домашних хозяйств в инвестиции. Работы Маланиной А.А. [5], Николаева Т.П. [6], Нешитой А.С. [7] посвящены вопросам формирования сбережений населения.

Николайчук О.А. [8] и Пучкова Л.М. [9] изучали вопросы зависимости расходов и сбережений домохозяйств. Работы Рогозина В.С. [10] и Сурхаева Я.Д. [11] посвящены вопросам инвестиционной деятельности.

Материалы и методы. Информационную базу данной научной статьи составили труды современных ученых-экономистов по теме данного исследования. Аналитической базой исследования являются данные Центрального Банка Российской Федерации.

В рамках данной научной статьи были использованы следующие методы исследования: наблюдение, сравнение, литературный обзор, анализ, синтез, дедукция.

Изложение основного материала. Инвестиционная деятельность домохозяйств Российской Федерации играет важную роль в экономическом развитии страны. Понимание и осознанное участие домохозяйств в инвестировании способствует повышению эффективности и конкурентоспособности экономики. Более того, инвестиции домохозяйств являются ключевым фактором формирования финансовой стабильности и накопления капитала в стране.

Учитывая исследовательскую проблематику, рациональным является раскрытие сущности таких категорий, как: инвестиции, инвестиционная деятельность и домохозяйство.

Инвестиция – это акт или процесс вложения средств, ресурсов или капитала в определенные активы, проекты или предприятия с целью получения прибыли или достижения долгосрочного экономического выгодного результата. Выделяются следующие категории инвестиций: финансовые инвестиции (акции, облигации), реальные инвестиции (недвижимость, оборудование), инвестиции в человеческий капитал (образование, профессиональное развитие), социальные инвестиции (здравоохранение, социальная защита) и другие [10; 11].

Инвестиционная деятельность – это сфера экономической активности, связанная с процессом принятия решений, осуществлением вложений и управлением инвестиционными портфелями. Она включает в себя различные виды действий, направленные на вложение капитала или ресурсов в активы или проекты с целью получения дохода или достижения

финансовых целей в долгосрочной перспективе. Инвестиционная деятельность может включать приобретение акций и облигаций, инвестирование в недвижимость, создание и развитие предприятий, участие в стартапах, инвестирование в исследования, разработки и другие формы инвестирования [10; 11].

Домохозяйство – это социально-экономическая единица, состоящая из одного или нескольких связанных лиц, обычно проживающих в одном жилом помещении и совместно ведущих хозяйственную деятельность. Домохозяйство включает в себя совокупность всех физических лиц, которые составляют семью или домашнее хозяйство и тех, кто обычно совместно используют доходы, ресурсы и принимают участие в повседневных хозяйственных делах [1-4].

Основываясь на вышеприведенных дефинициях, можно определить, что инвестиционная деятельность домохозяйства является процессом принятия решений и осуществления инвестиций домохозяйством с целью создания и увеличения своего капитала или достижения финансовых целей в долгосрочной перспективе. Она включает в себя различные виды инвестиций, которые может осуществлять домохозяйство: покупка акций и облигаций, приобретение недвижимости, инвестирование в фонды или инвестиционные проекты.

Инвестиционная деятельность домохозяйства имеет значительное влияние на его финансовую ситуацию и возможность создания долгосрочного благосостояния. Она также может способствовать диверсификации и увеличению доходов домохозяйства, а также обеспечить защиту от инфляции и финансовую стабильность в будущем.

На современном этапе развития национальной экономики отечественные домохозяйства не имеют значительного разнообразия в сфере источников для осуществления инвестиций временно свободных ресурсов. Следует уточнить, что в общероссийской практике распространено вложение средств в иностранную валюту и депозиты. Однако следует отметить, что депозиты в общепринятом смысле не считаются инвестициями.

Депозит представляет собой денежные средства, которые физические или юридические лица размещают в банке с целью сохранения и приумножения своих сбережений. В связи с этим финансовые активы домохозяйств, номинированные в национальной валюте, иностранной валюте и на депозитных счетах, следует относить к сбережениям, а не к инвестиционной деятельности.

В соответствии с исследовательской проблематикой данной научно-исследовательской работы осуществим раскрытие и анализ структурной динамики сберегательно-инвестиционных ресурсов домохозяйств Российской Федерации в период с 2017 года

по 2022 год. Для этого воспользуемся нижеприведенной диаграммой (см. Рисунок 1), на которой наглядным образом отображена динамика данных показателей за этот период.

Исходя из вышеприведенной диаграммы, можно определить, что за анализируемый временной период произошли следующие изменения и преобразования в динамике сберегательно-инвестиционных ресурсов домохозяйств:

1) объем сбережений домохозяйств вырос на 69 % или на 26,5 трлн рублей, с 38,4 трлн рублей в 2017 году до 64,9 трлн рублей по итогам 2022 года;

2) объем инвестиционных ресурсов домохозяйств вырос на 99,4 % или на 31,8 трлн рублей, с 32 трлн рублей в 2017 году до 63,8 трлн рублей по итогам 2022 года.

Это дает возможность определить, что инвестиционные ресурсы росли более высокими темпами, чем сбережения домохозяйств, что свидетельствует об изменении тенденций в данной сфере, а домохозяйства Российской Федерации ориентированы на увеличение доходности и риска финансовых инструментов в последние годы. Во многом это может быть вызвано снижением ставок по депозитам в 2019-2021 годах, а также низким уровнем удовлетворенности ситуации на валютном рынке.

Рассмотрим и проанализируем динамику темпов роста объемов инвестиционных ресурсов домохозяйств в Российской Федерации, для чего воспользуемся нижеприведенной диаграммой (см. Рисунок 2), на которой наглядным образом отображены данные показатели.

Вышеприведенная диаграмма дает возможность определить, что за исключением 2020 года темпы роста объемов инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ систематически снижаются, что свидетельствует о потенциальном замедлении темпов роста свободных финансовых ресурсов домохозяйств с одной стороны, а также о низком уровне дифференциации предложений на отечественном финансовом рынке с другой стороны.

При этом увеличение объемов вложений в 2020 году во многом связано с неопределенностью на мировых рынках и снижением уровня потребления, что привело к росту инвестиций в отечественный сектор ценных бумаг Российской Федерации.

Проанализируем структуру инвестиционных ресурсов домохозяйств Российской Федерации за период с 2017 года по 2022 год (см. Рисунок 3).

Вышеприведенная диаграмма позволяет определить, что ключевым направлением инвестиций домохозяйств в Российской Федерации в последние годы являлись акции компаний (как отечественных, так и зарубежных), на долю которых приходится $\frac{3}{4}$ инвестиционных ресурсов домохозяйств Российской Федерации. На долю инвестиций в пенсионные фонды приходится около 10 % от совокупного объема инвестиционных ресурсов, а на долю инвестиций в долговые ценные бумаги около 5 %.

Ниже приведена динамика темпов роста инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ (см. Рисунок 4).

Отличительными чертами данного периода в сфере темпов роста объемов инвестиционных ресурсов являются:

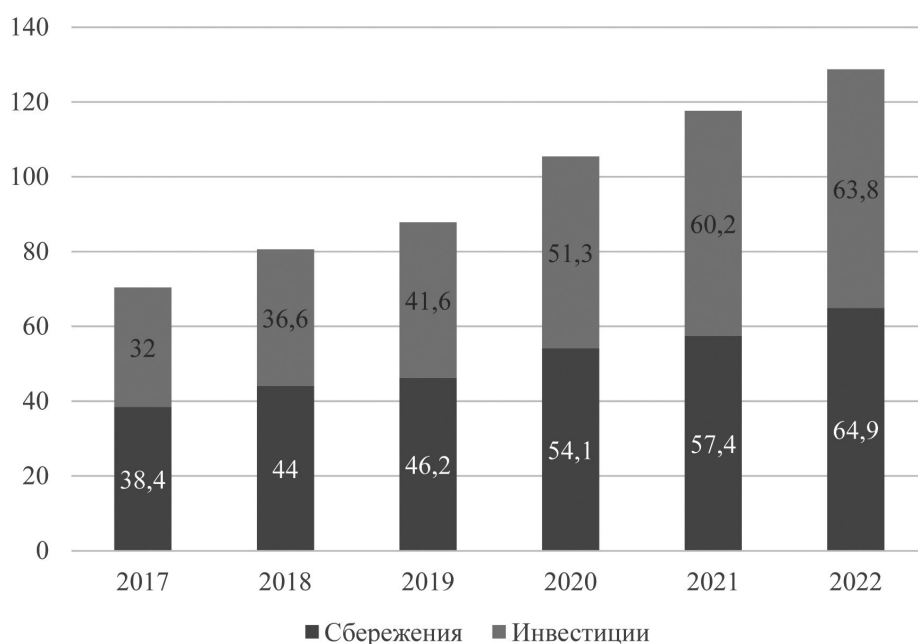

Рисунок 1. Структурная динамика сберегательно-инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ в 2017-2022 годах (трлн рублей)

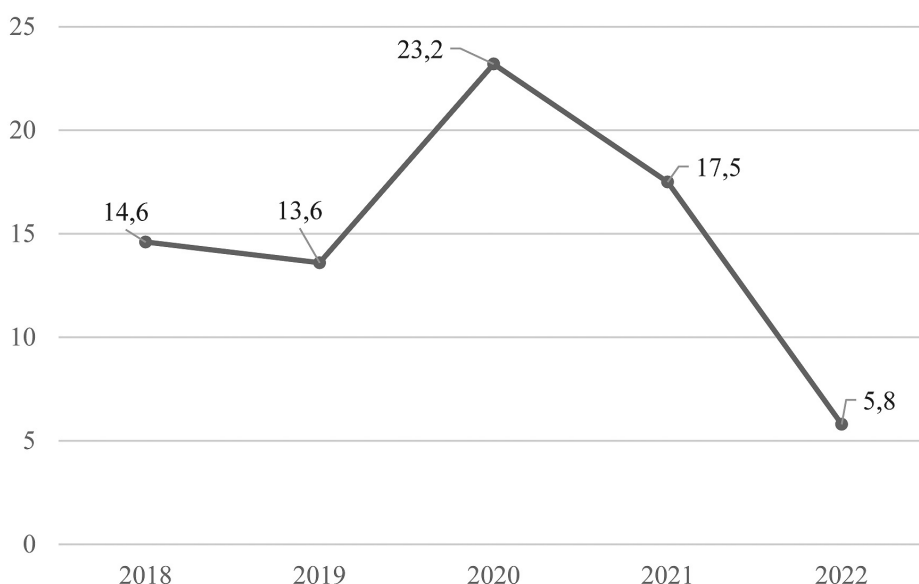

Рисунок 2. Темпы роста объемов инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ в 2018-2022 годах, %

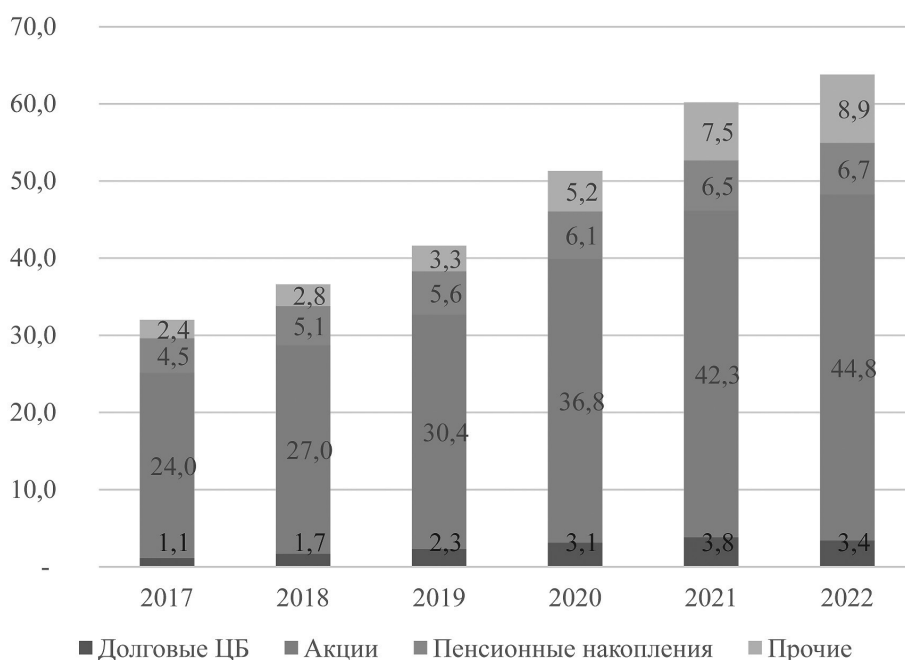

Рисунок 3. Структура инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ в 2017-2022 годах (трлн рублей)

- 1) системное снижение уровня инвестиционной привлекательности долговых ценных бумаг;
- 2) системное снижение уровня инвестиционной привлекательности инвестиций в пенсионные фонды;
- 3) нестабильная ситуация в сфере инвестиционной привлекательности на рынке акций.

Следует понимать, что инвестиционная деятельность домохозяйств в Российской Федерации на современном этапе развития экономики государства сталкивается с рядом проблем:

- 1) недостаток финансовых средств ограничивает возможности инвестиций для большинства домохозяйств. Ограниченный доступ к кредитам, высокие процентные ставки и недостаточная финансовая грамотность влияют на способность домохозяйств инвестировать;
- 2) отсутствие информации о возможных инвестиционных инструментах и их рисках препятствует принятию обоснованных решений домохозяйствами;
- 3) недостаток прозрачности и недостоверность данных о рынке инвестиций также создают препятствия;

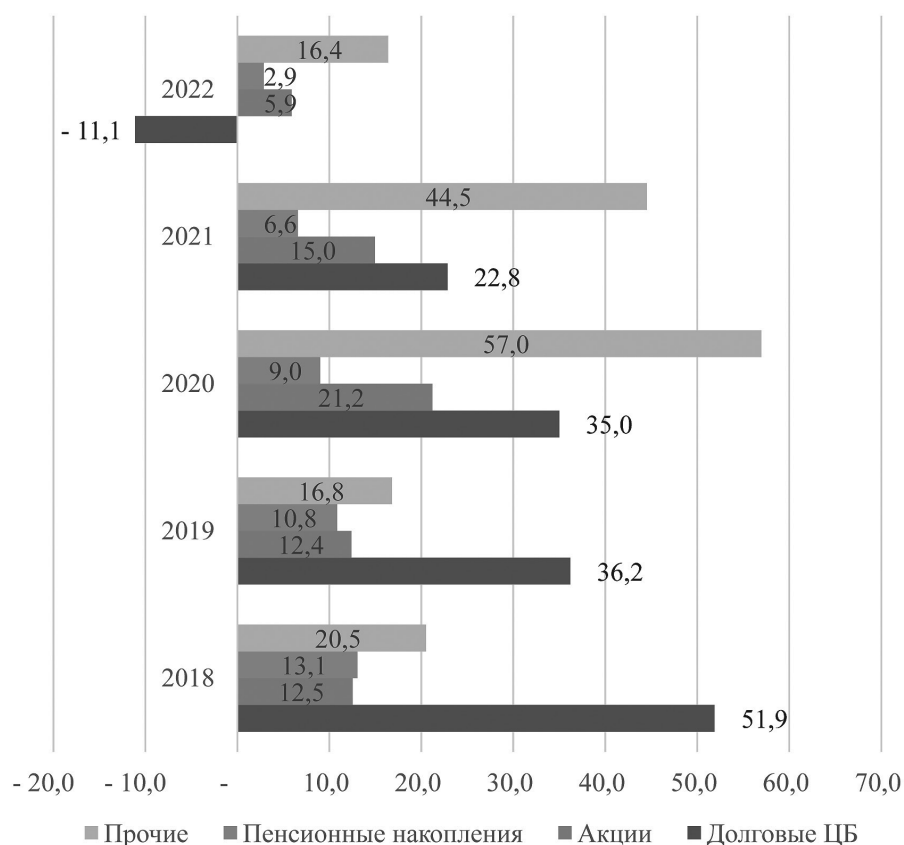

Рисунок 4. Динамика темпов роста инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ в 2018-2022 годах (трлн рублей)

4) геополитическая неопределенность и высокая степень риска инвестирования в России ограничивают домохозяйства от активного участия в инвестиционной деятельности;

5) недостаточное разнообразие инвестиционных возможностей ограничивает выбор домохозяйств, что уменьшает их способность диверсифицировать инвестиционный портфель.

Решение этих проблем требует разработки и реализации эффективных мер, направленных на повышение доступности финансовых ресурсов, улучшение информационной прозрачности, снижение правовых рисков и расширение инвестиционных возможностей для домохозяйств.

Проведенный анализ теоретического базиса и анализ в сфере инвестиционной деятельности домохозяйств в Российской Федерации позволяют сформулировать концептуальные основы инвестиционной деятельности домохозяйств в российской экономике.

1. За последние шесть лет в значительной степени вырос объем сберегательно-инвестиционных ресурсов домохозяйств Российской Федерации. При этом следует отметить, что рост объемов инвестиционных ресурсов населения рос более высокими темпами (99,4 % против 69 %). Это свидетельствует о сме-

щении приоритетов домохозяйств к более рисковому, но и более доходным финансовым инструментам.

2. За исключением 2020 года темпы роста объемов инвестиционных ресурсов домохозяйств в РФ систематически снижаются, что свидетельствует о потенциальном замедлении темпов роста свободных финансовых ресурсов домохозяйств с одной стороны, а также низком уровне дифференциации предложений на отечественном финансовом рынке с другой стороны.

3. Ключевым направлением инвестиций домохозяйств в Российской Федерации в последние годы являлись акции компаний (как отечественных, так и зарубежных), на долю которых приходится $\frac{3}{4}$ инвестиционных ресурсов домохозяйств Российской Федерации. Это обусловлено высоким уровнем дифференциации предложений на данном рынке (как по эмитенту, так и по страновой дифференциации) несмотря на то, что долговые ценные бумаги характеризовались более высоким уровнем надежности, данный рынок был в значительной степени менее дифференцированным.

4. В условиях внешнеэкономической нестабильности и ужесточения санкций в 2022 году в значительной степени снизилась инвестиционная активность домохозяйств, что во многом было вызвано

падением уровня реальных доходов населения в данном году, ограничениями на внешнее инвестирование, а также падением уровня инвестиционной привлекательности, в связи с ростом рисков отечественных инвестиционных инструментов.

Заключение. Как итог данной научно-исследовательской статьи можно сделать следующие выводы:

1. Дано авторское определение категории инвестиционной деятельности домохозяйств, как процесса принятия решений и осуществления инвестиций домохозяйства с целью создания и увеличения своего капитала или достижения финансовых целей в долгосрочной перспективе.

2. В рамках проведенного анализа теоретического базиса и анализа в сфере инвестиционной деятельности домохозяйств в РФ были сформулированы концептуальные основы инвестиционной деятельности домохозяйств в российской экономике:

- систематический рост вложений в финансовые инструменты в связи с опережающим ростом доходов относительно расходов домохозяйств;

- смещение приоритетов домохозяйств к более рисковому, но и более доходному финансовым инструментам;

- замедление темпов роста за анализируемый шестилетний период вызвано ограниченной дифференциацией финансовых инструментов в структуре инвестиционного рынка РФ;

- наиболее высокий уровень инвестиционной привлекательности для домохозяйств РФ генерирует рынок акций, что обусловлено высоким уровнем дифференциации предложений на данном рынке (как по эмитенту, так и по страновому разнообразию).

3. Ухудшение общеэкономической и внешнеэкономической ситуации в целом, формирует риски в контексте текущего поведения домохозяйств на инвестиционном рынке РФ. Снижение уровня реальных доходов, рост расходов населения наряду с ростом рисков и ограничениями на внешние инвестиции, формируют угрозу сокращения как объемов инвестирования домохозяйств, так и наличествующих инвестиционных ресурсов в целом.

Список литературы

1. Ахметова Д.Е., Коложвари Э.С. (2022). Структура и динамика сбережений домашних хозяйств РФ. Финансовые рынки и банки, (6), с. 12-15.
2. Балашев Н.Б., Федосова А.Ю. (2019). Влияние финансов домохозяйств на формирование ВВП и бюджета Российской Федерации. Экономика и бизнес: теория и практика, (1), с. 29-32.
3. Болотнова Е.А., Авдеева К.И., Кецбая Л.Х. (2020). Анализ финансов домашних хозяйств. Естественно-гуманитарные исследования, (6 (32)), с. 66-69.
4. Бубнова Ю.Б., Масленникова Е.А. (2021). Проблемы трансформации сбережений домашних хозяйств в инвестиции. Baikal Research Journal, 12 (1), с. 6.
5. Маланина А.А. (2016). Финансы домохозяйств как источник воспроизводства человеческого капитала. Проблемы современной экономики (Новосибирск), (31), с. 140-146.
6. Николаева Т.П. (2018). Формирование и использование сбережений населения для повышения инвестиционного потенциала страны. Проблемы экономики и юридической практики, (3), с. 66-71.
7. Нешиной А.С. (2017). Финансы населения: макро-мезоэкономический анализ их формирования и использования. Вестник Института экономики Российской академии наук, (4), с. 107-119.
8. Николайчук О.А., Нуреев Р.М. (2020). Инвестиционно-сберегательная функция домашних хозяйств. Terra Economicus, 18 (1), с. 81-101.
9. Пучкова Л.М. (2016). Расходы граждан как важная составляющая финансов домохозяйств. Вестник Российского университета кооперации, (4 (26)), с. 67-71.
10. Рогозин В.С. (2022). Понятие инвестиций и инвестиционной деятельности. Вестник науки, 3 (6 (51)), с. 361-373.
11. Сурхаева Я.Д. (2019). Понятие инвестиционной деятельности. Вестник магистратуры, (1-1 (88)), с. 46-49.
12. Финансовые активы и обязательства сектора домашние хозяйства. URL: <https://www.cbr.ru/vfs/statistics/households/households> (дата обращения: 14.05.2023).

References

1. Akhmetova D.E., Kolozhvari E.S. (2022). Structure and dynamics of household savings in the Russian Federation. Financial Markets and Banks, (6), pp. 12-15.
2. Balashev N.B., Fedosova A.Yu. (2019). The influence of household finances on the formation of the GDP and budget of the Russian Federation. Economics and Business: Theory and Practice, (1), pp. 29-32.
3. Bolotnova E.A., Avdeeva K.I., Ketsbaya L.Kh. (2020). Analysis of household finances. Natural sciences and humanities research, (6 (32)), pp. 66-69.
4. Bubnova Yu.B., Maslennikova E.A. (2021). Problems of transformation of household savings into investments. Baikal Research Journal, 12 (1), p. 6.
5. Malanyina A.A. (2016). Household finances as a source of reproduction of human capital. Problems of the modern economy (Novosibirsk), (31), pp. 140-146.

6. *Nikolaeva T.P.* (2018). Formation and use of savings of the population to increase the investment potential of the country. *Problems of Economics and Legal Practice*, (3), pp. 66-71.
7. *Neshitoy A.S.* (2017). Population finances: macro-mesoeconomical analysis of their formation and use. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (4), pp. 107-119.
8. *Nikolaychuk O.A., Nureyev R.M.* (2020). The investment and savings function of households. *Terra Economicus*, 18 (1), pp. 81-101.
9. *Lyudmila M.P.* (2016). Citizens' expenses as an important component of household finances. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, (4 (26)), pp. 67-71.
10. *Rogozin V.S.* (2022). The concept of investment and investment activity. *Bulletin of Science*, 3 (6 (51)), pp. 361-373.
11. *Surkhaveva Ya.D.* (2019). The concept of investment activity. *Bulletin of the Magistracy*, (1-1 (88)), pp. 46-49.
12. Financial assets and liabilities of the household sector. URL: <https://www.cbr.ru/vfs/statistics/households/households> (accessed: 14.05.2023).

Чумак Павел Вадимович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и цифрового маркетинга,
Самарский университета государственного управления «Международный институт рынка», город Самара,
pavel.v.chumak@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ: РОЛЬ ИННОВАЦИЙ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В настоящее время всё больше стран осознают важность и необходимость перехода к устойчивому развитию, которое базируется на принципах экологической безопасности и социальной справедливости. Одной из ключевых задач, решение которой позволит достичь углеродной нейтральности, является управление организацией в условиях перехода к низкоуглеродному развитию. В рамках решения этой задачи многие государства принимают меры по снижению выбросов парниковых газов и переходу к современным, экологически чистым источникам энергии. Однако, в условиях перехода к углеродной нейтральности управление организацией представляет собой нетривиальную задачу, требующую инновационного подхода и применения самых передовых цифровых технологий.

Ключевые слова: управление, устойчивое развитие, углеродная нейтральность, энергоэффективность.

Pavel V. Chumak,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Digital Marketing,
Samara University of Public Administration "International Market Institute", Samara,
pavel.v.chumak@gmail.com

RESPONSIBLE MANAGEMENT OF AN ORGANIZATION IN THE TRANSITION TO CARBON NEUTRALITY: THE ROLE OF INNOVATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. Currently, more and more countries are realizing the importance and necessity of transition to sustainable development, which is based on the principles of environmental safety and social justice. One of the key tasks, the solution of which will allow achieving carbon neutrality, is the management of the organization in the conditions of transition to low-carbon development. As part of this task, many States are taking measures to reduce greenhouse gas emissions and transition to modern, environmentally friendly energy sources. However, in the context of the transition to carbon neutrality, the management of an organization is a non-trivial task that requires an innovative approach and the use of the most advanced digital technologies.

Keywords: management, sustainable development, carbon neutrality, energy efficiency.

В современном мире одним из основных инструментов, который показывает хорошую эффективность в управлении организацией, находящейся в условиях быстро меняющейся как внутренней, так и внешней среды, является цифровизация процессов. Уже сегодня высокотехнологичные информационные системы позволяют компаниям работать в условиях жёсткой конкуренции благодаря автоматизации процессов производства и менеджмента, что в конечном счёте повышает их эффективность, а также обеспечивает более точную и взвешенную оптимизацию на всех этапах производства и управления. Во многом

это является триггером, запускающим процессы по снижению углеродного следа, сокращению расходов и повышению качества продукции.

Для успешной реализации программы по достижению углеродной нейтральности необходимо обращать внимание не только на технико-технологические аспекты, но и на факторы социальной среды и экономические показатели. К примеру, изменение или высокая автоматизация процессов производства товаров или услуг, которые связаны в том числе с отказом от технологий с высокими выбросами CO₂, имеют все шансы стать причиной увольнения значи-

тельной части сотрудников организации, что в конечном итоге может вызвать социальное недовольство. Именно поэтому не стоит игнорировать нетехнологические аспекты при разработке программы перехода к углеродной нейтральности и необходимо соблюдать баланс интересов всех задействованных сторон. Только такой подход может обеспечить успешную реализацию программы и достижение целей по снижению выбросов парниковых газов.

Цель данной научной статьи – рассмотреть основные аспекты управления организацией при переходе к углеродной нейтральности и предложить практические рекомендации для успешного перехода к устойчивому развитию организации.

25 сентября 2015 года 193 страны ООН утвердили 17 глобальных целей устойчивого развития [1; 2], которые носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность его трёх компонентов: экономического, социального и экологического. Среди них особо выделяются цели «экологического блока»:

1. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.

2. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.

3. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия.

Безусловно, реализация столь амбициозных целей на практике означает серьезные структурные изменения в экономиках стран, регионов и во всей мировой экономике в целом.

На настоящий момент многие страны уже включились в процессы по достижению углеродной нейтральности, то есть снижения уровня выбросов парниковых газов в атмосферу до значений доиндустриального периода. Одной из ключевых задач является необходимость разработки и внедрения эффективных стратегий управления организацией. Рассмотрим основные аспекты управления организацией при переходе к углеродной нейтральности:

1. Обзор проблематики.

Углеродная нейтральность выходит на первые позиции в приоритетах развития многих стран мира. Однако, достижение этой цели требует внесения целого ряда изменений, в том числе в вопросах управления организациями. В этой части рассмотрены основные причины, почему управление организацией должно быть изменено при переходе к углеродной нейтральности:

1.1. Изменение климата.

Изменение климата является одним из самых серьезных вызовов современности. Выбросы парниковых газов приводят к глобальному потеплению, что влечет за собой серьезные климатические изменения. Именно поэтому ведущие мировые предприятия и бренды стремятся снизить уровень выбросов парниковых газов до минимума или до нуля в процессе всех видов хозяйственной деятельности, дабы предотвратить ухудшение ситуации [3].

1.2. Экологические последствия.

Экологический фактор также является еще одной важной причиной, почему необходимо менять подходы в управлении организаций. Минимизация вреда окружающей среде способна решить множество проблем, таких, как загрязнение воздуха, воды и почвы, связанные с деятельностью человека.

2. Методы управления организацией.

Переход к углеродной нейтральности требует от компаний изменения своих бизнес-моделей и стратегий, а также внедрения новых технологий, методов и методик управления. Основной вектор в управлении организацией можно представить в виде следующего перечня:

А. Снижение выбросов парниковых газов как минимум на 50 %. Для достижения целевых показателей углеродной нейтральности компании должны сократить свои выбросы по сравнению с уровнем 1990 года [4]. Для этого необходимо внедрить современные цифровые технологии, оптимизировать производственные процессы и использовать возобновляемые источники энергии;

Б. Управление ресурсами. Компании должны оптимизировать использование ресурсов, таких, как вода, газ, электричество, и стремиться к сокращению их потребления [5]. Это может быть достигнуто путем внедрения высокоэффективных цифровых систем контроля и учета расхода ресурсов, улучшения энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии.

В. Развитие экологической культуры. Компании должны создавать и поддерживать культуру экологической ответственности среди своих сотрудников и партнеров. Это может включать в себя обучение и повышение квалификации персонала, проведение экологических мероприятий и сотрудничество с экологическими организациями. Переработка отходов также является важным методом управления организацией. Это позволяет сократить количество отходов, отправляемых на свалки, и снизить негативное воздействие на окружающую среду [6].

Г. Управление рисками. Компании должны учитывать экологические риски и разрабатывать стратегии по их управлению. Это может включать оценку рисков, разработку планов действий в случае возникновения непредвиденных ситуаций и сотрудниче-

ство с органами государственной власти, в чью сферу ответственности входят экологические вопросы.

Д. Трансформация бизнес-модели. При реализации программ повышения углеродной нейтральности повышаются издержки. Компании должны пересмотреть свою бизнес-модель, в которой часть прибыли автоматически перенаправляется на цели устойчивого развития. Необходимо создавать «зеленые продукты», пользующиеся «модным спросом» и имеющие повышенную цену, позволяющую направлять дополнительные средства на решение задач снижения выбросов парниковых газов. Это также может включать создание новых продуктов и услуг на основе возобновляемых источников энергии, сотрудничество с другими компаниями и организацию совместных проектов.

На основе проведенного анализа автором было выявлено, что для успешной реализации стратегии устойчивого развития организации необходимо реализовать следующую предложенную методику:

- определение целей и задач для перехода к углеродной нейтральности;

- разработка стратегии перехода к устойчивой модели развития;

- оптимизация бизнес-процессов и производственных процессов с учетом экологических требований;

- внедрение новых технологий и методов управления, направленных на снижение выбросов парниковых газов;

- обучение и повышение квалификации персонала в области экологии и устойчивого развития.

Управление организацией при переходе к углеродной нейтральности – это сложный процесс, требующий от компаний значительных изменений в своей деятельности. Проведенный SWOT-анализ показал, что для осуществления перехода необходимы значительные инвестиции и изменения всей линейки бизнес-процессов, а также наличие персонала высокой квалификации [7]. Однако при правильном подходе и внедрении новых цифровых технологий, стратегий и методов управления, снижении выбросов парниковых газов, экономии энергии и переработки отходов компании могут достичь успеха в этой области, повысить свою конкурентоспособность, улучшить экологическую ситуацию в регионе и стать лидерами на рынке.

Список литературы

1. Левина Е.И. Понятие «Устойчивое развитие». Основные положения концепции // Вестник ТГУ. 2009. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ustoychivoe-razvitie-osnovnye-polozheniya-kontseptsii>.
2. Снакин В.В. Устойчивое развитие // Жизнь Земли. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-1>.
3. Коробова О.С. Деятельность мирового сообщества по снижению выбросов парниковых газов // ГИАБ. 2006. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-mirovogo-soobschestva-po-snizheniyu-vybrosov-parnikovyyh-gazov>.
4. Нагайцев И.А., Петрова Т.В. Направления развития технологий сокращения выбросов парниковых газов для предотвращения климатических изменений // ЭПИ. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-tehnologiy-sokrascheniya-vybrosov-parnikovyyh-gazov-dlya-predotvrascheniya-klimaticheskikh-izmeneniy>.
5. Тарасов А.В., Гайнуллин И.Д. Оценка значимости влияющих на энергоэффективность промышленного предприятия организационно-экономических факторов // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 8 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-znachimosti-vliyayuschih-na-energoeffektivnost-promyshlennogo-predpriyatiya-organizatsionno-ekonomicheskikh-faktorov>.
6. Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Влияние управления человеческими ресурсами на экологическое поведение сотрудников: роль корпоративной экокультуры // Управленец. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-upravleniya-chelovecheskimi-resursami-na-ekologicheskoe-povedenie-sotrudnikov-rol-korporativnoy-ekokultury>.
7. Крупина Н.Н. Характеристика бизнес-процесса карбоновой фермы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-biznes-protsesta-karbonovoy-fermy>.

References

1. Levina E.I. The concept of "Sustainable development". The main provisions of the concept // Bulletin of TSU. 2009. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ustoychivoe-razvitie-osnovnye-polozheniya-kontseptsii>.
2. Snakin V.V. Sustainable development // Life of the Earth. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-1>.
3. Korobova O.S. The activities of the world community to reduce greenhouse gas emissions // GIAB. 2006. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-mirovogo-soobschestva-po-snizheniyu-vybrosov-parnikovyyh-gazov>.
4. Nagaytsev I.A., Petrova T.V. Directions of development of technologies for reducing greenhouse gas emissions to prevent climate change // EPI. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-tehnologiy-sokrascheniya-vybrosov-parnikovyyh-gazov-dlya-predotvrascheniya-klimaticheskikh-izmeneniy>.
5. Tarasov A.V., Gainullin I.D. Assessment of the significance of organizational and economic factors affecting the energy efficiency of an industrial enterprise // Problems of economics and management. 2013. № 8 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-znachimosti-vliyayuschih-na-energoeffektivnost-promyshlennogo-predpriyatiya-organizatsionno-ekonomicheskikh-faktorov>.

cyberleninka.ru/article/n/otsenka-znachimosti-vliyayuschih-na-energoeffektivnost-promyshlennogo-predpriyatiya-organizatsionno-ekonomicheskikh-faktorov.

6. *Arzamasova G.S., Esaulova I.A.* The influence of human resource management on the environmental behavior of employees: the role of corporate eco-culture // *Manager*. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-upravleniya-chelovecheskimi-resursami-na-ekologicheskoe-povedenie-sotrudnikov-rol-korporativnoy-ekokultury>.

7. *Krupina N.N.* Characteristics of the business process of a carbon farm // *Russia: trends and prospects of development*. 2022. № 17-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-biznes-protssessa-karbonovoy-fermy>.

Данилов Дмитрий Александрович,
аспирант, Российский университет дружбы народов, город Москва,
dimaqwerty99@gmail.com

РАЗНОВИДНОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПАРАЛЛЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ БИЗНЕСА

Аннотация. В статье автор исследует разнообразие аспектов неопределенностей, связанных с стратегическим позиционированием бизнеса. Анализируется влияние неопределенности на процесс стратегического позиционирования бизнеса и приводятся параллели с многообразием характеристик неопределенности. Учёт неопределённости в стратегическом позиционировании бизнеса фундаментален для успешного развития. Бизнес-среда подвержена постоянным изменениям, и учитывание неопределённости помогает компании адаптироваться к переменам. Это предотвращает потенциальные риски, обеспечивает гибкость стратегии и повышает устойчивость к внешним воздействиям. Компании, способные анализировать и управлять неопределённостью, могут выявлять новые возможности и эффективнее использовать свои ресурсы. Такой подход позволяет более точно прогнозировать риски и принимать обоснованные стратегические решения, способствуя долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности.

Ключевые слова: стратегия, позиционирование, неопределенность, суперсистема.

Dmitry A. Danilov,
Postgraduate, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
dimaqwerty99@gmail.com

VARIETIES OF UNCERTAINTY IN PARALLEL STRATEGIC POSITIONING OF THE BUSINESS

Abstract. This article explores the variety of aspects of uncertainty associated with the strategic positioning of a business. The author analyzes the influence of uncertainty on the process of strategic positioning of a business and provides parallels with the variety of characteristics of uncertainty. Taking into account uncertainty in the strategic positioning of a business is fundamental for successful development. The business environment is subject to constant changes, and taking into account uncertainty helps the company to adapt to changes. This prevents potential risks, provides flexibility of the strategy and increases resistance to external influences. Companies that are able to analyze and manage uncertainty can identify new opportunities and use their resources more efficiently. This approach allows you to more accurately predict risks and make informed strategic decisions, contributing to long-term sustainability and competitiveness.

Keywords: strategy, positioning, uncertainty, supersystem.

Неопределенность – это неотъемлемая часть современного менеджмента. В данной статье автором исследуются различные виды неопределенности, с которыми сталкиваются организации. Первый вид неопределенности – внешняя, связанная с экономической нестабильностью, политическими изменениями и технологическими рисками. Второй вид – внутренняя, возникающая из-за нечетких стратегий и организационных процессов. Третий вид – проектная неопределенность, связанная с управлением проектами и неопределенностью в результатах. Наконец, социокультурная неопределенность относит-

ся к разнообразию культур и ценностей среди сотрудников. Понимание этих видов помогает менеджерам разрабатывать более эффективные стратегии управления неопределенностью, что является критически важным в современном бизнесе.

Материалы и методы

Для обоснования актуальности проблемы множества видов неопределенности в современном стратегическом менеджменте были использованы методы описания и сравнительного анализа. Этот набор методов способствует решению следующих задач: определения характера изменения экономики, оценки

существующей неопределенности в свете растущих изменений во внешней среде и обоснования необходимости тактического расширения взаимосвязей при разработке стратегии организации. Для подтверждения растущей энтропии как показателя неопределенности использовался метод сравнительного анализа, что позволило наглядно выявить разницу в накоплении данных за определенные периоды и подтвердить наивысший уровень неопределенности во внешней среде на данный момент.

Результаты

Неопределенность в теории вероятности подразумевает собой наличие факторов, которые не могут быть взаимосвязаны и взаимоопределены, такие факторы называют детерминированными. Степень влияния таких факторов на объект неизвестна. В теории вероятности принято разделять факторы неопределенности на внешние и внутренние. Условия неопределенности имеют место практически в любой деятельности особенно в экономических сферах, это происходит потому, что результат функционирования экономически испытывает зависимость от причин, которые можно характеризовать во времени, как: ретроспективные, текущие и перспективные. Разделение по времени обусловлено тем, что взаимодействие одного фактора в разные периоды времени способно дать абсолютно разный результат. С точки зрения вероятности наступления событий вероятность разделяют на полную неопределенность, полную определенность и частичную неопределенность. Полная неопределенность является наиболее сложным видом неопределенности, так как детерминированность не ограничена ни количеством детерминант, ни степенью их влияния, соответственно прогнозируемость наступления событий стремится к нулю. Полную неопределенность невозможно преодолеть, но существуют рекомендации, в частности, по принятию решений в полной неопределенности, к примеру: правило Вальда, правило Севиджа, правило Гурвица. Все эти три правила следует рассматривать в одном ключе. Правило Вальда или как его еще называют «правило крайнего пессимизма» рекомендует принимать решения в условиях неопределенности, где полагается, что ситуация складывается пессимистичная, исходя из этого рекомендуется принять решение с наибольшим результатом, следует отметить, что данное правило не учитывает риски. Правило Севиджа предлагает выбирать из возможных вариантов исходов тот, где будут минимальные риски потери, то есть в качестве субъекта берётся риск. Правило Гурвица совмещает в себе правило Севиджа и правило Вальда, ключевым отличием правила Гурвица является то, что при нахождении верного варианта берется коэффициент «оптимизма», чем он выше, тем хуже последствия ошибки при неправильно выбранном действии и тем сильнее желание застраховать ошибку.

При коэффициенте приближающемся к единице правило Гурвица приближается к правилу Вальда, при коэффициенте приближающемся к нулю, правило Гурвица приближается к правилу Севиджа. Данные правила могут преодолеть только ту неопределенность, где существуют альтернативы выбора и хоть как-то определен характер их последствий (то есть существует какая-то матрица с событием и его возможным характером исхода). В современных условиях неопределенности данные правила столкнутся, во-первых, с невозможностью определить альтернативы решений, так как их бесконечное множество. Во-вторых, в условиях полной неопределенности характер результата не может быть определен как «положительный» или «отрицательный» из-за высокой скорости изменения внешней среды. Ключевым столкновением теории вероятности с современными условиями неопределенности является большое количество альтернатив и невозможность определить характер их влияния, так как прошлый опыт, на основе которого можно оценить вероятность наступления события и характер (положительный или отрицательный), либо отсутствует, либо имеет множество неизвестных детерминант, влияющих на него.

Теория множеств

Главная проблема современных условий неопределенности и главный их парадокс заключается в том, что условия внешней среды одинаково полны «универсальными множествами», а за счет невозможности определить характер влияния их на объект также полны и «пустыми множествами». Отсюда мы не можем достоверно определить, какие множества являются «универсальными множествами», а какие множества являются «пустыми». Почему мы не можем определить универсальное ли множество или пустое?

Предположим, что наступление одного события может как существенно повлиять на один из видов деятельности объекта, так и не повлиять на него совсем, тогда мы можем уверенно заявить, что наступление этого события может относиться к пустым множествам. Но это же событие также может и повлиять на объект существенным образом. А если оно может существенно повлиять на вид деятельности объекта, то на какой именно, и может ли быть что не только на один вид (то есть следует ли относить это событие к универсальным множествам)? И как оно повлияет (положительно или отрицательно)? Таким образом дискретная логика, где событие может повлиять на объект или не повлиять на него, не имеет смысла, так как будет осложнено вопросами о том, каков характер и область его влияния.

Мы можем выделить несколько вопросов из теории множеств:

1. Влияет ли ситуация на объект (относиться она к множеству или к «пустому множеству»)?

2. Положительно или отрицательно ситуация влияет на объект?

3. Если ситуация влияет на объект, то может ли она влиять на несколько видов его деятельности? (то есть является ли она универсальным множеством?)

4. Какова вероятность того, что ситуация имеет как положительный характер влияния, так и отрицательный?

5. Какова вероятность того, что ситуация имеет положительный или отрицательный характер?

Теория нечетких множеств

В отличие от классической теории множеств теория нечетких множеств выделяет возможность нахождения в небинарных терминах. То есть, если в теории множеств объект либо «принадлежит», либо «не принадлежит», то в теории нечетких множеств степень принадлежности может быть градуированной. Переход от принадлежности множества к непринадлежности может быть плавным и описывается степенью его принадлежности. В теории нечетких множеств, предложенной Лотфи Задэ, объекты, обладающие общим свойством, могут обладать им в различной степени. Из вышеописанного мы видим, что теория нечетких множеств способна преодолеть дискретность теории множеств и определить область влияния ситуации на объект, но как нам определить характер такого влияния? В отличие от теории множеств, где принадлежность элемента множеству определяется бинарно (то есть принадлежит или не принадлежит), в теории нечетких множеств принадлежность элемента множеству может быть градуирована, таким образом она допускает степень принадлежности множеству. Принадлежность множеству описывается отрезком от 0 до 1, где 0 – вовсе не принадлежит, а 1 – принадлежит полностью. В теории нечетких множеств степень принадлежности описывается с помощью функции принадлежности. Прикладное значение данной теории состоит в том, что с помощью неё удобно оценивать вероятность и риски при большой выборке условий, объединенных в определенные классы. Например, нам известно, что на организацию N влияют факторы A, B и C. Если предположить, что данные факторы могут иметь значение от $-\infty$ до $+\infty$, то с помощью теории нечетких множеств мы можем определить, как и при каких значениях данные факторы A, B и C будут влиять на N в большей степени (тем самым требовать особого внимания), а при каких в меньшей [1]. То есть мы можем определить вероятность принадлежности различных значений A, B и C множеству, влияющему на N.

В современном мире данная теория сталкивается с проблемой в виде определения функции неопределенности, так как функция принадлежности в любом случае определяется накопленным знанием о прошлом поведении элементов. При этом следует учитывать, что если элемент A за все время своего

существования влиял на N только положительно (мы можем вычислить степени принадлежности к положительному влиянию), то как вычислить его принадлежность в случае, если одновременно он поменяет характер своего влияния на отрицательный [2]. Получится ситуация, в которой мы сможем однозначно определить, что A влияет отрицательно, но при каких именно значениях A отрицательное влияние на N отражается в большей степени понять не сможем, так как накопленного знания об отрицательном влиянии A на N у нас нет, соответственно функция принадлежности не вычислена, степень принадлежности отрицательных значений не определена.

Неопределенность в теории игр

В теории игр различают несколько связей альтернатив. Первая описывается следующим образом: «когда несколько альтернатив приводят к одному исходу – это полная определенность». Вторая – каждая альтернатива может привести к нескольким исходам с разной вероятностью, и третья связь, наиболее сложная, когда каждая альтернатива может привести к одному из нескольких исходов [3]. В этом случае взаимосвязь альтернатив с исходами не определена, и решение будет приниматься в условиях неопределенности.¹ За выбор альтернативы в неопределенности отвечает математическая теория игр.

Теория игр исследует не саму неопределенность, а то, как действуют игроки в условиях неопределенности, то есть позволяет описать неопределение, а значит под неопределенностью подразумевается неизвестность того, какое решение выберут другие игроки. Каждый игрок старается максимизировать свою прибыль и, соответственно, все его действия и стратегия строятся именно на максимизации прибыли [4]. Сложность возникает тогда, когда неизвестна возможная прибыль, то есть нет возможности определить, принесет ли действие игрока прибыль, и тем более невозможно определить размер этой прибыли. Также стоит учитывать, что главной концепцией теории игр является то, что, начав строить стратегию против конкурента, необходимо помнить, что конкурент, преследуя свои интересы, обязательно примет действия, проанализировав нашу стратегию. Неопределенность в игре также часто связана с недостоверной информацией об элементах матрицы игры, с тем, что конечная цель конкурента неизвестна или имеет слишком большую погрешность.

Управление строится на накопленных знаниях об управляемом объекте. Если информации об управляемом объекте недостаточно – это автоматически побуждает субъекта искать и накапливать информацию для рационального принятия решения

¹ Стоит различать риск и неопределенность, в риске альтернативы определены вероятностью

относительно объекта. Однако принятие решения (абсолютно любого, стратегического, тактического, операционного, либо же определения существующей точки нахождения элемента или организации в системе) часто производится на основе моделирования, и это моделирование может строиться на моделях как зависимых, так и независимых от человеческого восприятия. В том случае, когда оно строится на моделях, зависимых от восприятия, тогда и имеет место явление антропознтропии.

Касательно управления, мыслительные способности человека разделяют на аналитические и стереотипные. Аналитические способности связаны с поиском и накоплением знаний. Соответственно решения, принятые на их основе, имеют определенную логическую и доказательную цепочку. Решения же, основанные на стереотипных способностях человека, осуществлены на уже имеющемся представлении человека о поведении объекта в похожих ситуациях [5]. Основанные на стереотипном подходе решения имеют место быть, когда риск принятия ошибочного решения минимален, также этот подход существенно экономит время, так как не подразумевает собой сбор и анализ информации. Такой подход также подходит в случаях, когда построение модели слишком не рационально, когда возможный максимальный выигрыш не оправдывает затраты на построение модели [6]. Этот подход может стать источником ошибок, если сведение новых явлений к известным моделям не является адекватным, или условия применения моделей отличаются от известных условий. Таким образом, сводя новые явления и процессы к известным, лицо, принимающее решение, вносит неопределенность, которая при использовании информационных технологий, систем и моделей трансформируется в информационную неопределенность, но современные условия настолько динамичны, что принятие решений на основе стереотипного мышления оправдывается скоростью. Минимализация принятия решения на основе стереотипов уже подразумевает собой неопределенность и единственным способом ее преодоления является накопление так называемой библиотеки стереотипов. Чем большее количество стереотипов мы имеем, тем выше шанс получения положительного результата от принятия решения [7]. Но даже имея бесконечную библиотеку стереотипов, бывают ситуации, когда «стереотипный» не является рациональным.

Например, при выборе ограниченного решения, величина которого, например, равна 1, мы встречаемся с ограниченной неопределенностью, но вот в случае, когда величина может иметь значение в отрезке, включается свойство объекта выбирать ту величину, которая не противоречит его взглядам на внешнюю среду, но, возможно, противоречит рациональности. Антропознтропия преодолевается большим

объемом накопленного знания. Что же первичней, что имеет больший вес, наличие стереотипа или же объект? Предположим, что есть стереотип и абсолютно неизвестный объект. В таком случае шанс, что управленческое воздействие на объект, основанное на единственном стереотипе, принесет положительный результат близок к 0, но тем не менее все же больше 0, и больше аналогичного принятого решения без имеющегося стереотипа. Вывод: необходимо увеличить библиотеку стереотипов.

Свойство флуктации и инерционности

Одной из ключевых проблем в современном управлении является отмена свойства флуктации. Организация так или иначе изменяет свои процессы, но наиболее рациональный подход состоит в том, что при невозможности бинарного определения значений внешней среды организация вынуждена балансировать в промежутке допустимых значений, соответственно, организация не способна четко определить собственные рамки, на основе которых то или иное действие будет однозначно рационально или однозначно не рационально. Следует учитывать, что в более ранний период организация имела представление о том, что определенные ее действия с определенной вероятностью будут рациональны. Происходило это из-за того, что скорость воздействия и получения эффекта от воздействия внутри среды так или иначе превосходила скорость изменения параметров и значений внешней среды. В современных же условиях, когда динамичность внешней среды опережает эффект от управленческого воздействия, определение рациональности того или иного действия существенно осложняется [8]. В сравнительно больших организациях степень воздействия внешней среды особенно критична в стратегической деятельности. Если какой-то функциональной областью принято не рациональное решение, то данная ошибка возможно будет компенсирована деятельностью других функциональных областей, но в случае, если координаты допустимых значений внешней среды, в рамках которых будет принято решение, кардинально поменяются, то под удар «не рациональности» могут попасть решения всех областей компании. Данный случай также будет осложнен свойством инерционности [9]. Когда управленческое решение доходит до реализации с запозданием. Решение может быть принято в момент «меньшей нерациональности», а когда оно уже будет реализовано, «нерациональность» может быть существенно критичной. Таким образом, мы видим, что условия неопределенности могут осложнять даже операционную деятельность, а на стратегическую деятельность они влияют особенно критично.

Отказ от стратегического горизонта планирования или сокращение временных рамок самого понятия «стратегический» также не является целесоо-

бразным действием, так как вероятность рационального попадания хоть и близка к нулю, но тем не менее больше, чем 0. Единственным правильным решением будет увеличение вероятности рационально принятого решения. Делая систему более гибкой и подвижной относительно внешней среды, конечно, снижаются риски, но решения всегда направлены в какую-то точку, а не область, а значит даже при необходимой и достаточной гибкости такое решение скорее будет нацелено на выживание организации, а не на максимизацию её прибыли. Максимизацию выгод способно обеспечить только хорошо спрогнозированное движение внешней среды, прогнозирование в свою очередь строится на анализе данных движения среды в определенном разрезе времени. Прогнозирование осложняется множеством постоянно появляющихся и исчезающих детерминант, каких-либо накопленных данных у них быть не может.

Неопределенность в теории принятия решений

Фактически каждое принимаемое решение принимается в условиях неопределенности. В теории принятия решений неопределенность дифференцируют по степени ее проявления и различают полную неопределенность, нечеткую неопределенность, вероятностную неопределенность и интервальную неопределенность. В условиях полной неопределенности принимать решения, где вероятность наиболее положительного исхода будет известна хотя бы вероятностно, невозможно. Наиболее рациональным будет приведение полной неопределенности в интервальную [10]. Для этого необходимо определить, во-первых, какие детерминанты могут влиять на объект, и только после этого найти область возможных интервалов. В случае, когда при анализе детерминанты нам важен ее бинарный эффект, то есть влияет она или нет на принятие решений (не важно с какой степенью), то наличие данной детерминанты не несет такого возможного риска, как наличие той детерминанты, влияние которой может колебаться, например, детерминанта может влиять от «не влияет совсем» – до «влияет критически», в таком случае в дальнейшем можно будет определить ее влияние вероятностно, исходя из ее возможных значений.

Также необходимо учесть то, что современные условия неопределенности характеризуются, во-первых, быстрой динамикой изменений, а также тем,

что способны изменить характер влияния, например, с положительного на отрицательный. В таком случае добавляется третья сила, которую стоит учитывать при анализе детерминант. Возможно ли, что детерминанты, которые влияют на объект, будут носить исключительно положительный или исключительно негативный эффект? Необходим дополнительный анализ характера влияния детерминанты. Стоит заметить, что состояние полной неопределенности невозможно, но, тем не менее, условия неопределенности могут быть крайне близки к полной неопределенности.

Заключение

Исходя из изложенного можем сделать вывод, что изначально любое явление является неопределенным. Когда ставится эксперимент, неопределенность может быть близка к полной, но как только начинается накопление знаний на основе повторения эксперимента, неопределенность снижается. Это наиболее аксиоматичный принцип науки, который постоянно сталкивается с неопределенностью. Стоит отметить, что неопределенность, возможно, единственное, что необходимо преодолевать. Исходя из технологических возможностей, которые изменялись на протяжении многих десятилетий, можно отметить, что неопределенность всегда успешно преодолевалась человеком, но если учесть то, что за последние 100 лет было гораздо больше как технологических открытий, так и в общем научных, а также учитывая то, что наука в целом систематизирована и последовательна, можно сказать, что, рассматривая неопределенность, стоит учитывать ее расширение в геометрической прогрессии. Если до этого человек успешно справлялся со скоростью распространения «неопределенности», то в современном мире, когда для преодоления неопределенности используются вычислительные мощности, созданные человеком и существенно превышающие возможности человека, неопределенность приходится действительно преодолевать. Ключевым положением здесь является то, что эти высокотехнологичные изобретения способствуют как преодолению неопределенности, так и ускорению для ее возникновения. «Изобретения», которые определяли и вычисляли детерминанты, своим существованием рожают новые детерминанты, которые также необходимо определить и преодолеть, этот процесс взаимосвязан.

Список литературы

1. Репина Е.А. Основы менеджмента. Учебное пособие / Репина Е.А. М.: Дашков и Ко, 2023. С. 240.
2. Родионова В.Н. Стратегический менеджмент. Учебное пособие / Родионова В.Н. М.: РИОР, Инфра-М, 2022. С. 402.
3. Семенов А.К. Основы менеджмента. Практикум / Семенов А.К., В.И. Набоков. - М.: Дашков и Ко, 2022. С. 472.
4. Тавокин Е.П. Управление. Социальное управление. Социология управления. Учебное пособие / Тавокин Е.П. М.: Либроком, 2018. С. 254.
5. Тебекин А.В. Менеджмент. Учебник / Тебекин А.В. М.: Дрофа, 2022. С. 384.

6. Тебекин А.В. Управление качеством / Тебекин А.В. М.: Юрайт, 2022. С. 384.
7. Фрейдина Е.В. Исследование систем управления / Фрейдина Е.В. М.: Омега-Л, 2018. С. 368.
8. Де Сото Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Х.У. де Сото. М.: Книга по Требованию, 2018. С. 688.
9. Шермет М.А. Управление изменениями. Учебное пособие / Шермет М.А. М.: Издательский дом "Дело" РАН-ХиГС, 2019. С. 128.
10. Шлыкова О.В. Технологии, Бизнес-Презентации: Учебная программа по специальности 08.08.01 Прикладная Информатика (в менеджменте) / Шлыкова О.В. Москва: Наука, 2021. С. 345.

References

1. Repina E.A. Fundamentals of management. Textbook / Repina E.A. M.: Dashkov and Co., 2023. P. 240.
2. Rodionova V.N. Strategic management. Textbook / Rodionova V.N. M.: RIOR, Infra-M, 2022. P. 402.
3. Semenov A.K. Fundamentals of management. Practicum / Semenov A.K., V.I. Nabokov. - M.: Dashkov and Co., 2022. P. 472.
4. Tavokin E.P. Management. Social management. Sociology of management. Textbook / Tavokin E.P. M.: Librocom, 2018. P. 254.
5. Tebekin A.V. Management. Textbook / Tebekin A.V. M.: Bustard, 2022. P. 384.
6. Tebekin A.V. Quality management / Tebekin A.V. M.: Yurayt, 2022. P. 384.
7. Freidina E.V. Research of control systems / Freidina E.V. M.: Omega-L, 2018. P. 368.
8. De Soto H.U. Money, bank credit and economic cycles / H.U. de Soto. M.: Book on Demand, 2018. P. 688.
9. Shermet M.A. Change Management. Textbook / Shermet M.A. M.: Publishing House "Delo" RANEPa, 2019. P. 128.
10. Shlykova O.V. Technologies, Business Presentations: Curriculum in the specialty 08.08.01 Applied Informatics (in management) / Shlykova O.V. Moscow: Nauka, 2021. P. 345.

Лайтер Андрей Владимирович,
независимый исследователь, город Сургут,
AL3456789.an@yandex.ru

РАЗБЮРОКРАТИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется понятие бюрократии, приводятся различные подходы учёных, политологов и других специалистов, к определению данного явления, анализируются причины эффективности или неэффективности бюрократии в тех или иных обществах, а также в отдельных ведомствах. Применительно к правоохранительным органам современной России (точнее, конкретно к полиции) отмечается огромный разрыв взаимной связи между обществом и полицией по причине отсутствия долгосрочных концепций реформирования как МВД в целом, так отдельных его институтов, в том числе борьбы с наличием в системе МВД России чрезмерного количества бюрократических институтов, зачастую не имеющих прямого отношения к непосредственной правоохранительной деятельности. На основании имеющихся в работах многих исследователей предложений по совершенствованию уголовно-процессуального кодекса, серьёзному исправлению действующей практики возбуждения уголовных дел (в том числе по ликвидации практики отказа в их возбуждении) и т. д. формируется авторское видение ликвидации причин и условий, породивших создавшееся неудовлетворительное положение, предлагаются пути дальнейшего реформирования и оптимизации органов внутренних дел, раскрывается смысл подлинной, направленной на улучшение положения дел в целом и на дебюрократизацию в частности, а не на экономию средств, а также пути оптимизации, с конечной целью построения правовой государственности в России.

Ключевые слова: правовое государство, бюрократия, МВД России, реформа.

Andrey V. Laiter,
Independent researcher, Surgut,
AL3456789.an@yandex.ru

THE DE-BUREAUCRATIZATION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF BUILDING A RULE-OF-LAW STATE IN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the concept of bureaucracy, provides various approaches of scientists, political scientists and other specialists to the definition of this phenomenon, analyzes the reasons for the effectiveness or inefficiency of bureaucracy in certain societies, as well as in individual departments. In relation to the law enforcement agencies of modern Russia (more precisely, specifically to the police), there is a huge gap in mutual communication between society and the police due to the lack of long-term concepts for reforming both the Ministry of Internal Affairs as a whole and its individual institutions, including combating the presence in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia of an excessive number of bureaucratic institutions, often not directly related to the immediate law enforcement activities. Based on the available proposals for improving the Criminal Procedure Code, serious correction of the current practice of initiating criminal cases (including the elimination of the practice of refusing to initiate them), etc., the author's vision of eliminating the causes and conditions that gave rise to the unsatisfactory situation is formed, ways of further reform and optimization of internal affairs bodies are proposed, the meaning of a genuine, aimed at improving the situation is revealed cases in general and on de-bureaucratization in particular, and not on saving money, optimization, with the ultimate goal of building a legal statehood in Russia.

Keywords: rule of law, bureaucracy, the Ministry of Internal Affairs of Russia, reform.

Представляется, что важной задачей России на пути к формированию правового государства должна стать необходимость борьбы с бюрократизмом. В частности, актуальной задачей является борь-

ба с бюрократизмом в правоохранительных органах, в первую очередь в полиции, поскольку имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет говорить о том, что бюрократизация суще-

ственно затрудняет выполнение правоохранителями своих прямых обязанностей, отвлекая немалые силы и ресурсы на ненужную или, как минимум, не первоочередную работу. В число задач настоящей работы входит проработка возможных способов борьбы с этим явлением, но для этого нужно сначала проанализировать его суть.

Методология исследования предполагает применение таких методов, как наблюдение, сравнение (эмпирические), анализ и синтез (теоретические).

Бюрократия как социальное явление. Что представляет собой бюрократия? Во многих научных исследованиях бюрократия определяется, прежде всего, как негативное для общества явление. Сторонники марксистско-ленинской теории рассматривали бюрократию, как буржуазный пережиток, который необходимо искоренить в советском аппарате. Так, для В.И. Ленина, бюрократия – специфический социальный (точнее, социально-политический) институт, наделённый огромной властью и привилегиями, в силу ряда причин (в том числе по причине этих привилегий) представляющий из себя замкнутый и оторванный от общества (у Ленина – «от трудящихся масс») социальный слой. Главными способами дебиюкратизации В.И. Ленин считал всемерное развитие антиподов бюрократизма – демократии и гласности, широкого общественного участия (у Ленина – «участия масс») в управлении, причём, в силу специфики социалистического строя, как он ему представлялся, не только на государственном, но и на внутрипартийном и хозяйственном уровнях [1]. Для современных исследователей, например, для Б. Райзберга, Л. Лозовского и Е. Стародубцевой суть бюрократизма и бюрократии – формализм, подмена работы, по сути, формальной деятельностью, часто – имитации работы путём административной волокиты [2].

Вместе с тем, в научной литературе имеется и позиция, которая наделяет бюрократию позитивными качествами. Так, М. Вебер (1864–1920), определял бюрократию через призму набора положительных элементов, таких, как компетентные сотрудники-чиновники, с чётко зафиксированными для каждого из них обязанностями, с отлаженной системой контроля и подчинения, отношения между чиновниками и чиновников с обществом, основанные на законах и иных официальных актах, а не на личностном факторе и т. д. По М. Веберу, если бюрократия неэффективна, то в этом виновато общество, неспособное организовать и контролировать её работу в соответствии с общественными интересами [3]. Такая трактовка бюрократии представляется весьма интересной. Действительно, её сущность определяется не конкретными носителями власти, а политическим режимом и формой государственного правления. В демократическом, правовом и социально ориентированном государстве

бюрократия близка к описанному Вебером идеалу. Если же в государстве имеются «сбои», провозглашенные Конституцией, основополагающие принципы и нормы не работают, то и бюрократия такого государства имеет множество дефектов. Таким образом, гарантом против произвола бюрократии выступает подлинно демократическое правовое государство.

Бюрократизм в правоохранительных органах. Одной из составных и немаловажных частей федеральных государственных органов исполнительной власти Российской Федерации является полиция. На нее возлагаются широкие обязанности в области защиты прав и свобод граждан, поддержания существующего конституционного порядка. Однако стоит признать факт того, что современной России не хватает взаимосвязи между обществом и правоохранительными структурами. Одной из причин этого, на наш взгляд, является отсутствие как долгосрочной концепции по развитию системы МВД Российской Федерации в целом, так и программ по совершенствованию отдельных направлений ее правоохранительной деятельности. Реформа МВД, проведенная в 2011 году, безусловно, требует доработок, и, прежде всего, в деле совершенствования и борьбы с имеющими место бюрократическими институтами, подрывающими авторитет полиции в глазах населения.

Все проводимые ранее реформы МВД в современной России не затрагивали, подчас, самого важного и главного – коренного пересмотра правоохранительной деятельности в разрезе значительного сокращения документооборота, совершенствования уголовно-процессуального закона путем упрощения и адаптации стадий уголовного процесса под современные реалии, пересмотра ведомственных приказов, инструкций и распоряжений.

Весьма резка, но справедлива критика действующего уголовно-процессуального закона и современной правоохранительной системы, доктором юридических наук В.С. Джатиевым: «По моему глубокому убеждению, действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ – это явление не только позорное, но и вредительское. Если хотите – это акт социально-правовой диверсии... С момента принятия в него уже внесли множество изменений и дополнений, но ни в одном из них не просматривается желание сделать закон действенным средством противодействия преступности, которая давно стала реальной угрозой национальной безопасности. Теми же бюрократическими признаками характеризуется организация и деятельность правоохранительных органов» [4].

Возможные способы борьбы с бюрократизацией органов МВД. В юридической литературе давно проводятся исследования, доказывающие необходимость ликвидации таких явлений, как отказ в возбуждении уголовного дела и последственной

проверки. Такие авторы, как, например, И.Е. Петрова, предлагают принципиально новую модель, обязывающую уполномоченные органы дознания начать производство по уголовному делу немедленно после поступления заявления или иного сообщения о преступлении, без каких-либо предварительных действий, таких, как проверки, получение объяснений и т. д. Рабочая группа по реформированию МВД Российской Федерации предлагает следующий алгоритм действий в данной ситуации. Сначала принимается и в обязательном порядке регистрируется сообщение о преступлении. Затем сообщение проверяется, и начинается сбор доказательств. Третьим шагом должно быть, в случае необходимости, применение мер процессуального принуждения, таких, например, как задержание на срок до 48 часов без судебного решения. После этого начинаются следственные действия, включающие допрос подозреваемого (подозреваемых), потерпевшего (потерпевших), свидетеля (свидетелей), обыск, прослушивание телефонных переговоров и прочее. При этом соответствующие уполномоченные на то органы внутренних дел должны исходить из того, что возбуждение уголовного дела – вопрос уже решенный [5].

Очевидно, что подобного рода новаторство упростит существующую систему уголовного процесса. Так, сбор доказательств начнется незамедлительно. Обязательность, к примеру, повторных, как было ранее, вызова либо поиска лиц для опросов и допросов отпадет. И это должен быть только первый шаг к разбюрократизации уголовного процесса.

Одновременно с этим, необходим и пересмотр всех существующих положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок проведения следственных и процессуальных действий, зачастую сопровождающийся вынесением уполномоченными должностными лицами различного рода постановлений и уведомлений, не несущих какую-либо важную значимость в доказывании виновности лица или соблюдении прав участников уголовного процесса.

Помимо этого, актуализируется вопрос о сокращении документооборота внутри системы МВД России. Сейчас только ленивый не говорит о том (отнюдь не только применительно к органам МВД), что значительную долю «бумаг» плодят всевозможные подразделения как центрального аппарата МВД, так и его региональных и местных органов, фактически не имеющих прямого отношения к непосредственной правоохранительной деятельности: штабы, инспекции, кадры, тылы, информационные центры, отделы по взаимодействию со средствами массовой информации и пр. Помимо этого, всевозможные аналитические материалы, схемы, таблицы, запросы, справки, доклады и пр., также зачастую без практической значимости, готовят на этих же уровнях множество со-

трудников, не задействованных в правоохранительной службе и в работе так называемых «лидирующих» аппаратных подразделений: по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, наркоконтроля, уголовного розыска, следствия, дознания и пр. Более того, как центральным аппаратом МВД России, так и его территориальными органами на региональном уровне на постоянной основе осуществляются выездные проверки нижестоящих подчиненных аппаратных подразделений на районном уровне. При этом нередко справки о проведенных проверках пишутся заранее, перед выездом, что называется «не выходя из кабинета», а выявляемые в ходе таких проверок нарушения носят формальный характер. И даже если в целом служба в подразделении проходит без особых нареканий, какие-либо недостатки проверяющие обязательно находят и отражают в своих отчетах с тем, чтобы показать свою работу. Закономерно возникает вопрос о значимости и роли такой псевдоработы и осуществления ведомственного псевдоконтроля. Возможно, давно пора принять меры к сокращению сотрудников территориальных органов МВД на региональном уровне, оставив исключительно на уровне федеральных округов и центрального аппарата Российской Федерации и то, в весьма «сжатом виде».

Проблемы оптимизации работы МВД. Интересен тот факт, что не так давно инициатором реформ МВД Российской Федерации выступило Министерство финансов Российской Федерации, которое предложило сократить численность сотрудников внутренних дел, не задействованных в правоохранительной деятельности, на десять процентов путем их перевода в гражданские служащие, а также путем создания на базе МВД большого правоохранительного блока, включающего Федеральную службу исполнения наказаний, Федеральную службу судебных приставов и Государственную фельдъегерскую службу. Кроме того, было предложено поднять минимальный срок выслуги до 25 лет (сейчас он составляет 20 лет), продлить сроки использования вещевое имущество, а также отменить ежегодную обязательную индексацию «военной» пенсии не менее чем на 2 % сверх уровня инфляции [6]. Идеи, предложенные Министерством финансов, вызвали широкий резонанс в российском обществе, подверглись критике, и Президент Российской Федерации В.В. Путин, находясь в дискуссионном клубе «Валдай», был вынужден сделать заявление о том, что это только идея, в которой нет «ничего нового и оригинального», никаких решений ещё не принято, всё только на стадии обсуждения [7].

Таким образом, мысль о реформировании МВД и оптимизации расходов бюджета Российской Федерации по-прежнему обсуждается в среде сотрудников различных (не только относящихся к МВД) го-

сударственных институтов Российской Федерации, даже несмотря на недавнее принятие в состав России четырех известных новых регионов и поэтапного в связи с этим увеличения Президентом Российской Федерации предельной численности сотрудников органов внутренних дел [8]. Однако стоит отметить, что данная идея требует взвешенности при принятии конкретных решений, научных дискуссий, тщательного анализа, привлечения к решению поставленных задач специалистов из различных силовых структур. Огульное сокращение органов МВД без проработки вопросов, связанных с упрощением законодательства, избавлением от ненужного документооборота, «контролеров» всех мастей, социальной защиты сотрудников внутренних дел, ни к чему, кроме, как к коллапсу, не приведет, поскольку корень проблемы не решает, а лишь создает притворную видимость производимых улучшений и изменений. Так, председатель «Межрегионального профсоюза полиции» М. Пашкин ещё в 2020 году сделал важное заявление: «Во внутренних органах сложилась система самопоедания: руководство требует выполнения планов и показателей, но о социальной защите сотрудников никто не думает. Людей из-за массовых увольнений почти нет, а тем, кто ещё остался, приходится работать за троих. Все ждали перемен, но их не предвидится» [9]. Данное высказывание хорошо отражает, сложившуюся в МВД РФ после реформы 2011 года ситуацию. Поэтому в настоящее время необходимо последовательное и неуклонное решение накопившихся проблем, как старых, так и не решённых реформой 2011 года, так и новых, порожденных уже самой этой реформой. Требуется анализ имеющихся ресурсов и возможностей (технологических, материально-технических, кадровых, финансовых, организационных) на предмет их соответствия как решению указанных проблем, так и в целом задач, решение которых актуально для органов МВД. Желание Министерства финансов России сократить расходы всегда можно понять, тем более в современных сложных финансо-

во-экономических условиях, однако любое решение о сокращении финансирования, особенно подразумевающее сокращение штата, должно быть обусловлено избытком кадров в той или иной сфере деятельности соответствующих государственных органов, а не просто желанием «сэкономить». Такое сокращение должно сопровождаться оптимизацией деятельности, но необходимо разъяснить суть такой оптимизации. Оптимизировать – значит убрать то лишнее, что не содействует решению задач, поставленных перед данным государственным институтом, а также ускорить саму деятельность, направленную на решение указанных задач, всеми возможными способами, включая максимальную автоматизацию, организационное и социальное обеспечение и т. д., в том числе с использованием мирового опыта с учётом российской действительности и специфики деятельности органов внутренних дел.

Вывод. Таким образом, можно наметить следующие возможные пути борьбы с бюрократизацией органов МВД:

- 1) пересмотр имеющейся практики возбуждения уголовного дела в сторону его обязательного возбуждения при поступлении заявления или иного сообщения о преступлении;
- 2) сокращение ненужного документооборота;
- 3) тесно увязанная с предыдущей задача подлинной оптимизации органов МВД – ликвидации чрезмерных бюрократических структур и/или перераспределения кадров в пользу реальной правоохранительной работы;
- 4) с проблемой дебюрократизации взаимосвязана и проблема социальной защиты правоохранителей.

Разумеется, перечисленными мерами задача не исчерпывается, но работать надо в этом направлении. Только в таком случае, возможно проведение качественной реформы МВД Российской Федерации и построение правовой государственности, в которой полиция и общество будут действовать сообща, а не находиться по разные стороны друг от друга.

Список литературы

1. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 33. С. 36-120.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, - 2006. - 494 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, - 1990. - 804 с.
4. Джатиев В. Правоохранительная бюрократия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://viperson.ru/articles/vladimir-dzhatiev-pravoohranitel'naya-byurokratiya> (дата обращения: 09.03.2023).
5. Петрова Р.Е. Отмена института отказа в возбуждении уголовного дела: за или против? // Право, законодательство, личность. 2012. № 2 (15). С. 57-63.
6. Машкин С., Игорев А. МВД предложили слиться [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4538455> (дата обращения: 09.03.2023).
7. Предложения Минфина о реформировании МВД не нашли поддержки у экспертов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nan-news.ru/2020/10/23/predlozheniya-minfina-o-reformirovaniya-mvd-ne-nashli-podderzhki-u-ekspertov/> (дата обращения: 09.03.2023).

8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2022 № 878 «Об увеличении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» № 878 от 05.12.2022 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. 12 декабря. № 50. Ч.III. Ст. 8891.
9. Силовики: глава МВД Колокольцев построил систему «самопоедания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/224534069> (дата обращения: 09.03.2023).

References

1. *Lenin V.I.* Gosudarstvo i revolyutsiya // Poln. sobr. soch. M.: Gospolitizdat, 1969. T. 33. S. 36-120.
2. *Raizberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B.* Sovremenniy Ekonomicheskii Slovar'. M.: INFRA-M, - 2006. - 494 s.
3. *Veber M.* Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, - 1990. - 804 s.
4. *Dzhatiev V.* Pravoohranitel'naya byurokratiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://viperson.ru/articles/Vladimir-Jatiev-law-enforcement-bureaucracy> (data obrashcheniya: 09.03.2023).
5. *Petrova R.E.* Otmena instituta otkaza v возбуждении уголовного дела: за или против? // Pravo, zakonodatel'stvo, lichnost'. 2012. № 2 (15). S. 57-63.
6. *Mashkin S., Igorev A.* MVD predlozhili slit'sya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/4538455> (data obrashcheniya: 09.03.2023).
7. Predlozheniya Minfina o reformirovanii MVD ne nashli podderzhki u ekspertov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.nan-news.ru/2020/10/23/predlozheniya-minfina-o-reformirovaniya-mvd-ne-nashli-podderzhki-u-ekspertov/> (data obrashcheniya: 09.03.2023).
8. Ukaz Presidenta Rossiiskoi Federatsii ot 05.12.2022 «Ob uvelichenii predel'noi shtatnoi chislennosti organov vnutrennih del Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. № 50 (chast' III). 2022. 12 dekabrya. Statya 8891.
9. Силовики: глава МВД Колокол'цев построил систему «samopoedaniya» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://xn--80aa4aufb0ad.xn--p1ai/16412-smi-v-pravookhranitelnykh-organakh-po-vsej-strane-idut-massovye-uvolneniya> (data obrashcheniya: 09.03.2023).

Базылев Владимир Николаевич,

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик Петровской академии наук и искусств, главный эксперт Московского исследовательского центра Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции Правительства Москвы; главный эксперт Лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН»; профессор кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, Москва
v-bazylev@inbox.ru

Vladimir N. Bazylev,

Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Corresponding member of the RANS, Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Chief Expert of the Moscow Research Center Department of Regional Security and Anti-Corruption of the Government of Moscow; Chief Expert of the Laboratory of Expert Research and Situational Analysis "LEKSAN"; Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of Business Career, Moscow

Буркина Татьяна Александровна,

старший преподаватель кафедры Экономики, филиал Самарского государственного университета в Сызрани, город Сызрань
burkina_ta@mail.ru

Tatyana A. Burkina,

Senior Lecturer at the Department of Economics, Samara State Technical University branch in Syzran, Syzran

Васецкая Елена Сергеевна,

аспирант кафедры Экономики промышленности и производственного менеджмента, Самарский государственный технический университет, город Самара
elenaneunylova98@gmail.com

Elena S. Vasetskaya,

Postgraduate at the Department of Industrial Economics and Production Management, Samara State Technical University, Samara

Данилов Дмитрий Александрович,

аспирант, Российский университет дружбы народов, город Москва
dimaqwerty99@gmail.com

Dmitry A. Danilov,

Postgraduate, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Джаксбаева Ольга Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Социально-правовых дисциплин, Московский гуманитарный университет, Москва
dzhaksbaevaolga@gmail.com

Olga V. Dzhaksbaeva,

Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Legal Disciplines, Moscow University for the Humanities, Moscow

Жукова Яна Станиславовна,

научный сотрудник Лаборатории макроэкономического анализа и прогнозирования, Институт проблем рынка Российской академии наук, Москва
zhukovayana@mail.ru

Yana S. Zhukova,

Research Officer of the Laboratory of Macroeconomic Analysis and Forecasting, Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Клейменова Татьяна Николаевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры Товароведения и таможенного дела, Российский университет кооперации, Калининград
tanja.56@list.ru

Tatiana N. Kleimenova,

Ph.D. of Agricultural Sciences, Associate Professor at the Department of Commodity Science and Customs, Russian University of Cooperation, Kaliningrad

Кондратьюк Сергей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Университета прокуратуры Российской Федерации, Луганский юридический институт (филиал), город Луганск
kondratyuk.serzh@mail.ru

Sergey V. Kondratyuk,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines, University of Prosecutor's office of the Russian Federation, Lugansk Law Institute (branch), Lugansk

Костюченко Сергей Борисович,

соискатель ученой степени, главный конструктор серии ленточнопильных станков «NEO, HBS, VBS», управляющий директор, Объединённая станкоинструментальная компания, Москва
ksb@osk-group.ru

Sergey B. Kostyuchenko,

Applicant, Chief Engineer of band saw machines «NEO, HBS, VBS» series, Chief Executive Officer, United MachineTools Company, Moscow

Лайтер Андрей Владимирович,

независимый исследователь, город Сургут
AL3456789.an@yandex.ru

Andrey V. Laiter,

Independent researcher, Surgut

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва
lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

Ph.D. of Sociological Sciences, Assistant Professor at the Department of the Chair State and municipal administration and constitutional law, Institute of business career, Moscow

Лунева Елена Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права, Институт деловой карьеры, Москва
eavalue2008@mail.ru

Elena A. Luneva,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, Institute of Business Career, Moscow

Макутчев Александр Валерьевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, город Тула
mackutcheve@mail.ru

Aleksandr V. Makutchev,

Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Legal Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula

Милов Павел Олегович,

кандидат юридических наук, член-корреспондент РАЕН, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры; доцент кафедры Частного права, директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва
nauka@ideka.ru

Pavel O. Milov,

Ph.D. of Juridical Sciences, Corresponding member of the RANS, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career; Associate Professor at the Department of Private Law, Director of the editorial and publishing house, Russian New University, Moscow

Назаров Андрей Валерьевич,

аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва
andrey@ideka.ru

Andrey V. Nazarov,

Postgraduate, All-Russian Research Institute "Center", Moscow

Олейник Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Международный юридический институт, Москва
oleynik.s.a@mail.ru

Sergey A. Oleynik,

Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute, Moscow

Пономаренко Виталий Валериевич,

аспирант кафедры Экономики Института экономики, управления и финансов, Российский новый университет, Москва
ponomarenko.w10@gmail.com

Vitalii V. Ponomarenko,

Postgraduate at the Department of Economics of the Institute of Economics, Management and Finance, Russian New University, Moscow

Румянцев Михаил Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт Деловой карьеры; руководитель департамента юриспруденции, Московский институт современного академического образования, Москва
mikrumjancev@rambler.ru

Mikhail B. Rumyantsev,

Ph.D of Juridical Science, Associate Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of business career; Head of the Department of Jurisprudence, Moscow Institute of Modern Academic Education, Moscow

Самсонова Светлана Николаевна,

преподаватель кафедры Статистики и математических методов в управлении Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
samsonova_s@mirea.ru

Svetlana N. Samsonova,

Lecturer at the Department of Statistics and Mathematical Methods in Management Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow

Тарасов Евгений Александрович,

кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики, Воронежский государственный технический университет, город Воронеж
382652@mail.ru

Evgeny A. Tarasov,

Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh

Терещенко Александр Геннадьевич,

аспирант, Институт социальных наук, Москва
1880555@gmail.com

Alexander G. Tereshchenko,

Postgraduate, Institute of Social Sciences, Moscow

Хайрутдинов Антон Тофикович,

аспирант кафедры Экономики и управления, Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург
toha507@mail.ru

Anton T. Khairutdinov,

Postgraduate at the Department of Economics and Management, Ural Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg

Чумак Павел Вадимович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и цифрового маркетинга, Самарский университета государственного управления «Международный институт рынка», город Самара
pavel.v.chumak@gmail.com

Pavel V. Chumak,

Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Digital Marketing, Samara University of Public Administration "International Market Institute", Samara

Шурупов Алексей Сергеевич,

аспирант, Всероссийский научно-исследовательский институт «Центр», Москва,
Alex-shurupov@yandex.ru

Alexey S. Shurupov,

Postgraduate, All-Russian Research Institute "Center", Moscow